

Государственный историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник «Казанский Кремль»
Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

ПЕРВЫЕ КРЕМЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Казань – 2010

УДК 94(47).06-08(063)

ББК 63.3(2)5+79.0

П 26

Редакционная коллегия:

*Бикташева А.Н., Салихов Р.Р.,
Ситдиков А.Г., Хайрутдинов Р.Р.*

Ответственный редактор:

Миннуллин И.Р.

П 26 Первые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России», Круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников», Круглого стола «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал» (Казань, 20–21 ноября 2008 г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – 236 с.

В сборник вошли материалы нескольких мероприятий, объединенных под названием «Первые Кремлевские чтения». Здесь представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России», посвященных воздействию реформ на общественно-политическую, социально-экономическую и духовную жизнь регионов России, институту губернаторства в Российской империи, истории Кремлей. Материалы заседаний Круглых столов «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников» и «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал» представляют интерес с точки зрения правового положения музеев-заповедников, их хозяйственно-административной деятельности, сохранения историко-культурного наследия. Книга рассчитана на широкий круг специалистов – историков, краеведов, специалистов в области изучения и охраны культурного наследия.

ISBN 978-5-9690-0108-4

© Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
«Казанский Кремль», 2010

© Институт истории АН РТ, 2010

© Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010

МАТЕРИАЛЫ

Всероссийской научно-практической конференции
**«Региональные аспекты губернских реформ
XVIII–XIX веков в России»**
(Казань, 20 ноября 2008 г.)

Абдуллин Х.М.

Казанский Кремль как центр военно-образовательных учреждений города в XVIII – начале XX вв.

В 1721 г. по указу Петра I при каждом полку российской армии были созданы гарнизонные школы для солдатских детей. В Казани такое учебное заведение изначально базировалось в Казанском Кремле, оно размещалось в башне над Тайницкими воротами. К концу XVIII – началу XIX вв. назрела насущная необходимость реформы начальных военно-учебных заведений. При Павле I они переименовываются в военно-сиротские отделения общего военно-сиротского дома. Отделения открылись в губернских городах и за короткое время правления Павла I выпустили около 64 000 воспитанников. В тот период из солдатских семей забирались все дети мужского пола 7-летнего возраста. Преподавание было нехитрым: грамота, строевая наука, барабанный бой и игра на флейте. С 1805 г. учащиеся военно-сиротских отделений стали именоваться кантонистами¹. В 1824 г. военно-сиротские отделения переходят в ведомство военных поселений, под руководством А.А. Аракчеева. Оно изменяет возрастные границы отдельных групп кантонистов: младший до 10, средний – с 10 до 14 и старший – с 14 до 18 лет. Также менялись и сроки обучения в школах: 4 года – в школе среднего возраста и 4

---

¹ Под кантонистами (от нем. *Kantonist* – военнообязанный) в России 1805–1856 гг. понимались солдатские сыновья, числившиеся со дня рождения за военным ведомством.

– в школе большого возраста. Пойти на этот шаг вынуждали частые болезни и как следствие высокая смертность среди воспитанников. Однако еще в 40-е гг. XIX в. в Казани встречались кантонисты 7–9-летнего возраста. Всего же к концу царствования Александра I в стране насчитывалось свыше 150 000 кантонистов.

При новом императоре Николае I указом от 3 декабря 1826 г. военно-сиротские отделения были преобразованы в чисто военную организацию. Они начали делиться на роты, полубатальоны и батальоны военных кантонистов (в каждой соответственно по 250, 500 или 1000 человек). Ротой командовали 8 обер-офицеров, 1 фельдфебель, 10 учителей (из унтер-офицеров или рядовых), 4 престарелых унтер-офицеров, имеющих фронтовой опыт, 3 барабанщика из старших кантонистов и 20 инвалидов на хозяйственных должностях. Соответственно полубатальонами и батальонами командовали уже штаб-офицеры. Все роты, полубатальоны и батальоны объединялись в учебные бригады². Казанские 1-й и 2-й батальоны, вместе с Нижегородскими, Симбирскими, Саратовскими и Пермскими батальонами, вошли в 4-ю учебную бригаду. Указом от 19 августа 1827 г. Казанские и Пермские батальоны составили 6-ю учебную бригаду. 7 февраля 1843 г. учебные бригады вновь претерпевают изменения: Казанские, Пермские, Саратовские и Симбирские батальоны включаются в состав 3-й бригады. Наконец, законодательным актом от 15 марта 1847 г., батальонам, полубатальонам и ротам в составе учебных бригад присваиваются отдельные номера, таким образом, полное название казанских батальонов начинает звучать как: №8 Казанские батальоны III учебной бригады военных кантонистов.

9 декабря 1824 г. в г. Казани был открыт «Комитет, высочайше учрежденный для устройства помещений Казанских батальонов военных кантонистов», который занимался хозяйственными вопросами³. Председателем комитета был назначен командир Казанских батальонов Е.В. Колтовский. Перед Комитетом остро встал вопрос о размещении 2-х батальонов кантонистов. Дело дошло до того, что 7-ю роту пришлось разместить в городе у родственников, а 8-ю распределить на постой в окрестные села. Так, например, один из кантонистов, 14-летний Ахмедий Бахтияров проживал в селе Николь-

² Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауз, И.А.Эфрон. – Т.ХIV. – Спб., 1895. – С.318–319.

³ НА РТ. Ф.492. Оп.1. Д.2. Л.21.

ском⁴. Остальные роты жили часто в непригодных условиях в разных частях города (это так называемые Воскресенский, Адмиралтейский и Покровский дома, казармы Уксуникова, во Владимирской и Свечинской банях, сушильне и прачечной в доме Юнусова, классах и мастерских в Кремле). Все это значительно затрудняло их деятельность. Лишь в 1838 г. батальоны переселяются в Казанский кремль. Для них было решено восстановить сильно пострадавшие от пожара 1815 г. здания Арсенала и Литейного двора. Эта работа осуществлялась на конкурсной основе. В итоге самым достойным среди претендентов оказался казанский помещик и надворный советник Николай Васильевич Чемесов. 18 ноября 1827 г. он был утвержден Комитетом как руководитель восстановления и ремонта зданий бывшего Арсенала и Литейного двора⁵.

В новых зданиях кантонистам преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, арифметика, первоначальные понятия геометрии, рисование и пение. Как отмечает В.К. Ячменихин, учебное заведение подразделялось на «малые отделения» по 8–10 человек в каждом. Руководили занятиями «старшие ученики», которые обучались в «верхних отделениях» и выполняли обязанности старших по отношению к ученикам «нижних отделений». Оборудование классов было более чем скромным: вместо книг и букварей употреблялись таблицы, которые развешивались по стенам, а роль бумаги и перьев выполняли мелко рассыпанный на столе песок, грифельные доски и остро заточенные палочки. Все учащиеся, согласно положению, делились на классы и разряды: словесный и арифметический. По каждому разряду имелось 8 классов. Переход из одного класса в другой производился в зависимости от уровня успеваемости учеников⁶. По окончании обучения наиболее прилежные избирались для зачисления в учебные карабинерные полки. Из этих полков выпускались в фельдфебели, унтер-офицеры, музыканты и барабанщики. Неуспевающие и ленивые ученики выходили в армейские полки рядовыми.

Школы военных кантонистов находились под постоянным контролем высших должностных чиновников и являлись в Казани местом

⁴ НА РТ. Ф.4. Оп.56. Д.59. Л.1.

⁵ НА РТ. Ф.492. Оп.1. Д.1. Л.71–72.

⁶ Ячменихин В.К. Реформа низшего военного образования в России первой трети XIX века // Философский век. Альманах. – Вып.6. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение. – СПб., 1998. – С.163–164.

официальных визитов монарших особ. В 1817 г., тогда еще военно-сиротское отделение, посетил Великий князь Михаил Павлович. Во время пребывания в Казани школу кантонистов ревизировал император Николай I, но наиболее запоминающимся для кантонистов и горожан стало посещение школы 20 июня 1837 г. цесаревичем Александром Николаевичем, будущим императором Александром II. При осмотре казарм батальонов наследник престола пробовал пищу кантонистов. После отъезда цесаревича столовые приборы, которыми он пользовался, были выставлены на особом пьедестале под колпаком в столовой, где и хранились вплоть до закрытия школы⁷. В октябре 1845 г. здесь также побывал и его императорское высочество герцог Максимилиан Лейхтенбергский⁸.

Как отмечает Н.К. Баженов, в тот период Казанские батальоны военных кантонистов составляли единственное в городе военно-учебное заведение. Даже несмотря на то, что обучались здесь в основном солдатские дети, современники отдавали должное этому заведению, видя в нем воспитательное учреждение, дающее путевку в жизнь наиболее способным из воспитанников. К тому же, как выяснилось, классы школы посещали и дети дворян и обер-офицеров, «вступившие в число кантонистов по недостаточному их состоянию»⁹.

В 1841 г. численность кантонистов составила 802 человека в возрасте от 7 до 21 года, которые были распределены по 8-ми ротам. Религиозный состав солдатских детей был следующим: 90% православных, 7% мусульман и 3% католиков. В 1842 г. численный состав кантонистов значительно изменился, достигнув 2696 человек. Претерпел изменения и религиозный состав воспитанников: 69% иудеев, 26% православных и по 2% католиков и мусульман. Несмотря на столь разительное изменение в процентном отношении пропорции православных и иудеев среди кантонистов в 1841–1842 гг., обращает на себя внимание тот факт, что численно количество православных изменилось незначительно (724 и 707 соответственно). Численность католиков (поляков) напротив возросла более чем вдвое (22 и 53), а

---

⁷ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. / Сост. Н.П. Загоскин. Репринт. изд. 1895 г. – Казань, 2005. – С.244–248.

⁸ Баженов Н.К. Казанская история. – Ч.III. Казанская губерния. – Казань, 1847. – С.139–140.

⁹ Там же. – С.92.

количество мусульман (татар) также изменилось незначительно (56 и 61). В 1843 г. численность кантонистов несколько снизилась, составив 2268 человек. Впервые среди кантонистов начинают фигурировать и лица лютеранского исповедания, правда их было всего 3 человека: 66% иудеев, 28% православных, по 3% католиков и мусульман, 0,1% лютеран. Далее численность кантонистов продолжала снижаться, составив в 1844 г. 1475 человек: 54% иудеев, 41% православных, 3% мусульман, 2% католиков и 0,2% лютеран. Наконец, в 1845 г. численность кантонистов уменьшилась до 1320 человек, соответственно составив: 53% православных, 42% иудеев, 4% мусульман, 1% католиков и 0,2% лютеран¹⁰.

Для многих детей из низших слоев населения Казанская школа батальонов военных кантонистов стала настоящей путевкой в жизнь и в условиях повальной безграмотности среди крестьян России, позволила найти свою достойную нишу в обществе, связала их судьбы с Казанью. Только после смерти императора Николая I, особым манифестом Александра II от 26 августа 1856 г. батальоны военных кантонистов как пережиток крепостнической системы были упразднены. В 1858 г. они были преобразованы в училища военного ведомства, получившие совершенно иной характер¹¹. Казанские кремлевские казармы также пустовали недолго. В 1866 г. их заняли воспитанники пехотного юнкерского училища.

Юнкерские училища создавались для получения военного образования юнкерами и унтер-офицерами из вольноопределяющихся перед их производством в офицеры. Согласно проекту, высочайше утвержденному 14 июля 1864 г., штат новых училищ был определен в 200 человек (что по военным меркам того времени составляло роту). Училища именовались пехотными, кавалерийскими или казацкими в зависимости от профиля каждого из них.

Казанское пехотное юнкерское училище было основано 1 сентября 1866 г. Училищный праздник – 22 октября. Оно предназначалось для комплектования офицерами двух дивизий, которые квартировали в Казанском военном округе, и принимало нижних чинов и юнкеров из войск Московского округа, которые за отсутствием вакансий не могли быть приняты в Московское юнкерское училище. Первым

¹⁰ НА РТ. Ф.509. Оп.1. Д.1. Л.60–71; Д.3. Л.74–118.

¹¹ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – Т.ХIV. – СПб., 1895. – С.319.

начальником училища был назначен батальонный командир Александровского военного училища подполковник Лобода¹².

Поступать в юнкерские училища могли лица, окончившие военные прогимназии или соответствующие им гражданские учебные заведения, а также вольноопределяющиеся. С 1869 г. в них могли поступать также унтер-офицеры, призванные по набору. Однако они должны были прослужить в унтер-офицерском звании не менее 3 месяцев, получить одобрение начальства и выдержать вступительный экзамен по пяти предметам. Курс юнкерского училища состоял из двух классов: младшего-общего и старшего-специального. После окончания учебного курса, юнкера возвращались в свой полк и производились в офицеры по усмотрению начальства. Юнкера выпускались по разрядам. Выпущенные по I разряду отправлялись по представлению начальства независимо от наличия в полку вакансий, а выпущенные по II разряду – только на вакансии. В 1888 г. Казанское юнкерское училище по I-му разряду окончили 8, а по 2-му разряду 22 человека. В 1870 г. штат Казанского юнкерского училища был увеличен до 300, а в 1876 г. доведен до 400 юнкеров. Курс первоначально был двухгодичный, однако в 1879 г. добавился приготовительный класс, закрытый в 1886 г. В 1901 г. последовало переформирование Казанского юнкерского училища, и был установлен трехгодичный курс обучения. При этом 2 класса училища были специальными, а 1 – общий. В 1-й специальный класс без экзамена принимались молодые люди с полным средним образованием. Для имеющих права вольноопределяющихся второго разряда был открыт общий класс. В 1905 г. по случаю военных действий и значительных потерь офицеров был разрешен сверхкомплект, который достигал 112 человек¹³. С 1904 г. казанские юнкера стали производиться при выпуске в подпоручики. Всего в 1904–1909 гг. в подпоручики было произведено 768 юнкеров. В 1906 г. в Казанское училище было дополнительно принято 89 прапорщиков.

27 января 1903 г. училищу было высочайше пожаловано простое знамя образца 1900 г. Благодаря одному из офицеров училища до нас дошло подробное его описание: «Полотнище: фон белый, кайма, полосы и орнаментные украшения синие; на лицевой стороне Образ Нерукотворного Спаса с надписью над ним «С нами Бог», на обо-

¹² Воробьева А.Ю. Российские юнкера, 1864–1917: История военных училищ / А.Ю. Воробьева. – М., 2002. – С.56.

¹³ Там же.

ротной стороне вензель Государя Императора Николая II Александровича и по углам четыре двуглавых орла. Древко черное, верхнее украшение знамени – двуглавый орел на шаре. На скобе надписи: «А. П. 1866 г. Казанское пехотное юнкерское училище», «1903 г. Казанского пехотного юнкерского училища», то есть год формирования училища и год пожалования знамени»¹⁴. Судьба знамени до сих пор остается неизвестной. Из других знаков отличия следует выделить погоны казанских юнкеров – они были светло-синего цвета, без выпушки, с шифровкой «К.Ю.».

Учебные программы в юнкерских училищах были очень насыщены. В Казанском училище изучались тактика, артиллерия, фортификация, военная топография, военная администрация, военная история, законоведение, воинские уставы, военная география и военная гигиена, русский и иностранные языки, Закон Божий. Каждый юнкер должен был уметь хорошо изъясняться на одном из иностранных языков, а на другом – элементарно читать и переводить. Интересной была шкала оценок успеваемости воспитанников училища: 12 баллов – отлично, 11 – очень хорошо, 10 – весьма хорошо, 9 и 8 – хорошо, 7 и 6 – удовлетворительно, 5 и 4 – посредственно, 3 и 2 – дурно, 1 – весьма дурно. Кроме того, программы всех юнкерских училищ в обязательном порядке включали обучение верховой езде, танцам, фехтованию и гимнастике. Распорядок дня училищ также был единым: в 6 часов утра – подъем, умывание и утренний осмотр. Далее молитва и утренний чай. Занятия в классах продолжались до 12 часов дня. Затем следовал завтрак и строевая подготовка до обеда в 5 часов вечера. Отдых после обеда составлял полтора часа. До 8 часов вечера продолжалась самоподготовка, после чего юнкерам оставляли 2 часа свободного времени до отбоя. Еще одна интересная деталь: до 10 часов вечера в училище работала библиотека¹⁵.

В конце весны – начале лета, после сдачи экзаменационной сессии юнкера отправлялись на два месяца в летние лагеря. Здесь, кроме собственно ротных барачков, походных палаток, площадок с гимнастическими снарядами, сооружениями для полевой гимнастики и блиндажей для практических занятий по фортификации, в распоряжении юнкеров находилась столовая, чайная и лавочка, а также

¹⁴ Журавлев А. Сведения обязательные для юнкера. – Казань, 1913. – С. 63.

¹⁵ Воробьева А.Ю. Указ. соч. – С. 15–16.

лагерная церковь. В 80-е гг. XIX в. бараки Казанского юнкерского училища располагались на южной оконечности озера Дальний Кабан, в 1883 г. их посетили в.к. Николай Николаевич Старший и Петр Николаевич¹⁶. Здесь также строго соблюдался режим дня: подъем в 7 часов утра, молитва, утренняя гимнастика, чай и в течение дня интенсивная строевая подготовка. Только после вечернего чая юнкера получали передышку в виде свободного времени, однако к 11 часам вечера все должны были быть в бараках. Военные сборы проводились и после выпускных экзаменов, именно здесь происходило производство юнкеров в офицеры. В Казанском юнкерском училище таким торжественным днем являлось 6 августа – праздник Преображения Господня¹⁷. Из лагерей новоиспеченные офицеры возвращались на три дня в стены училища, после чего покидали его навсегда. Выпускникам выдавалось денежное пособие в размере 400 рублей, затем молодые офицеры уезжали в 28-дневный отпуск, после чего обязаны были прибыть к месту службы.

С 1 сентября 1909 г. Казанское пехотное юнкерское училище было переименовано в Казанское военное училище. Согласно утвержденной военным министром 28 июля 1910 г. новой программы военных училищ, главной их задачей стало приближение военных знаний к войсковой жизни и подготовка юнкеров к обязанностям воспитателя и учителя солдат, к роли руководителя вверенной им части в поле. Согласно новой программе особое внимание было уделено вопросам тактики. Все вопросы математического характера и скрупулезное изучение инструментов были исключены из курса, вместо них была введена маршрутная съемка¹⁸. С началом Первой мировой войны штат Казанского военного училища увеличился с 470 до 600 человек. Уже осенью 1914 г. на весь период военных действий были приняты новые положения об ускоренной подготовке офицеров. Казанское военное училище перешло на четырехмесячный курс обучения.

Юнкера Казанского военного училища приняли активное участие в боевых действиях против большевиков. Именно поэтому, согласно постановлению от 6 ноября 1917 г., училище было расформировано.

---

¹⁶ Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. / Сост. Н.П. Загоскин. Репринт. изд. 1895 г. – Казань, 2005. – С.259.

¹⁷ Воробьева А.Ю. Указ. соч. – С.14–15.

¹⁸ Там же. – С.56.

После 1917 г. в Поволжском регионе не осталось учебного заведения по подготовке квалифицированных командных кадров. С целью обучения представителей мусульманских народов командному делу, 22 февраля 1919 г. на базе бывшего Казанского военного училища приказом РВС Республики были созданы 1-ые мусульманские пехотные командные курсы. За время их существования для РККА было подготовлено свыше 670 квалифицированных красных командиров. По ходатайству правительства Татарской Республики перед РВС, на базе курсов в сентябре 1923 г. создается 6-я объединенная татаро-башкирская командная школа, переименованная 29 февраля 1924 г. приказом РВС СССР № 290 в объединенную Татарско-башкирскую военную школу им. Центрального Исполнительного Комитета Совета Татарской Республики. С декабря 1935 г. военно-учебное заведение вновь переименовывается в Татаро-башкирскую военно-пехотную школу им. ЦИК ТАССР. Командирами школы в разное время являлись: И.И. Тальковский, С.А. Уласевич, М.П. Кирпонос, военными комиссарами: Ш.Х. Усманов, К.Н. Нежметдинов, С.С. Касимов, Н.С. Еникеев, М.И. Обрываев. В целом школа работала плодотворно, за период 1924–1936 гг. она выпустила свыше 1250 командиров Красной Армии. С марта 1937 г. приказом наркома обороны школа повышает свой статус и становится пехотным училищем. С 7 марта 1939 г. училищу присвоено имя «Верховного Совета Татарской АССР». Согласно приказу НКО № 0127 от 28.03.41 г. оно подверглось коренной реорганизации и перешло на подготовку специалистов для бронетанковых и механизированных войск РККА, получив новое наименование – Казанское танковое училище. Численность курсантов в нем увеличивается до 1600 человек. В годы войны это было одно из немногочисленных танковых училищ, которое готовило специалистов для бронетехники, поступающей в СССР по ленд-лизу. В ноябре 1943 г. за успешное освоение и применение новой техники училище было награждено Боевым Красным Знаменем, а за успехи в деле подготовки командных кадров и в ознаменование 25-ой годовщины со дня своего образования, награждено орденом Боевого Красного Знамени. В период Великой Отечественной войны в училище состоялось 22 «фронтовых» выпуска и около 4000 офицеров были направлены в действующую армию. Из них 39 стали Героями Советского Союза. В 1947 г. в связи с сокращением вооруженных сил, училище было расформировано.

Акульшин П.В.

**Правительственное реформаторство и
русская провинция первой половины XIX в.**

Первый крупный шаг в реформировании Российской империи был сделан в 1860-х гг. Но эта эпоха преобразований была бы невозможна, если бы на протяжении первой половины XIX в. в правительственных кругах не возникло реформаторское направление, за которым в отечественной историографии закрепился термин «либеральная бюрократия»¹. Благодаря усилиям членов Негласного комитета М.М. Сперанского, П.Д. Киселева и целого ряда других государственных деятелей, появились проекты конституции и решения крестьянского вопроса, планы преобразований в других сферах жизни². Большая часть этих планов не была реализована на практике. Но это не дает основания считать деятельность сторонников реформ из числа бюрократии эпохи правления Александра I и Николая I бесплодной. Помимо подготовленных ими проектов, которые стали заметным вкладом в развитие отечественной политической и экономической мысли, их труды имели и вполне конкретные результаты. Они и сделали возможным успешное проведение реформ первого десятилетия правления Александра II.

---

¹ См.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978; Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с сер. 50-х гг. до нач. 80-х гг. XIX в. – Л., 1978; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861. – М., 1984; Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. – М., 1990; Степанов В.Л., Бунге Н.Х.. Судьба реформатора. – М., 1998.

² См.: Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. – Саратов, 1982; Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX в. – М., 1990; Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. – Л., 1988; Шевченко М.М. Конец одного величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге освободительных реформ. – М., 2003; Долгих Е.В. К проблеме менталитета административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Блудов Д.Н. – М., 2006.

Одной из причин, которая не позволяла воплотиться в жизнь реформаторским планам, возникшим в правительственных кругах в первой половине XIX в., было отсутствие поддержки в обществе. Даже готовность самого императора приступить к преобразованиям, как это показывает пример деятельности Негласного комитета и в особенности судьба М.М. Сперанского, не означали, что намеченные планы будут реализованы на практике. Этому препятствовало не только преобладание традиционалистских и охранительных настроений среди дворянства, но и неготовность большинства чиновничества выступить в роли инструмента реформирования любой сферы государственного управления. Устремления немногочисленной либеральной бюрократии были большинству их сослуживцев и подчиненных непонятны.

Это непонимание ярко демонстрирует попытки члена Негласного комитета В.П. Кочубея и его ближайших сотрудников по Министерству внутренних дел в первые годы правления Александра I заложить основу системы отчетности местных властей.

Отчеты губернаторов Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний, предоставленные в эти годы, свидетельствуют, что попытки перенести рациональные приемы управления в русскую провинцию не принесли первоначально значительных результатов³. Большинство губернаторов даже не смогли предоставить отчеты к февралю 1805 г., как это требовали из столицы. Из Тулы отчет был отправлен только 1 июля 1805 г., попав в министерство только к 9 августа. «Осмеливаюсь повторить оправдание мое в столь позднем оногo доставлении, поскольку недостаток в письмоводителях, важность и новость самого предмета, бывшие в том же годе выборы, по коим члены нижних мест едва только вникли в дела <...> Все сие было препятствием спешного исполнения моих обязанностей», – сообщал местный губернатор⁴. В последующие годы губернаторы стали еще больше задерживать отправку отчетов. Во время Отечественной войны 1812 г. и последующие несколько лет отчеты вообще не подавались. Отчеты губернаторов за 1812 г. были отправлены только в 1817 г.

---

³ См.: Акульшин П.В. Отчеты.

⁴ Отчет губернатора Тульской губернии за 1804 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1281. Оп.11. Д.156. Л.1.

Свидетельством непонимания провинциальными чиновниками требований Министерства внутренних дел являлось и само содержание губернаторских отчетов. Предлагаемая министерством форма губернаторского отчета охватывала все области деятельности, которые должны были, по мнению столичной либеральной бюрократии, находиться в сфере внимания государства. Руководители местной администрации, сформировавшиеся под влиянием традиционных представлений о власти, с большим трудом приспособивались к новым подходам.

Так, тамбовский губернатор давал подробные выкладки об урожае, по каждому из 12 уездов и делал общий вывод о том, что по губернии «на продовольствование полагается для каждой ревизской души обоего пола по две четверти – 2 078 538. В остатке должно быть 6 558 621 четверти»⁵. Из самого же отчета следовало, что доверять этим цифрам было нельзя. Тамбовский губернатор откровенно писал: «Старался всемерно достоверные сведения от земских и градских начальников, по новизне для них дела и определение в прошлом лишь годе в некоторых частях недостаточное, соображения с местными обстоятельствами, дать им возможную точность»⁶. Чуть ниже он добавлял, что, «хотя сведения об урожае <...> не могут быть, как известно, верны, однако же несомненно, что в течение 1804 г. повсюду, исключая Темникова, в здешней губернии видны были непреложные признаки изобилия, нарочито исполненные хлебом гумна, пришествия поселян и дешевизна цен»⁷.

Еще большее недоумение вызывала у провинциальных чиновников необходимость предоставлять сведения об общем состоянии экономики губерний. Тамбовский губернатор также оказался не в состоянии сообщить достоверную информацию о местных фабриках и мануфактурах. «Губернское начальство по заведению

---

⁵ О сведениях к отчету по Тамбовской губернии за 1804 г. // РГИА. Ф.181. Оп.11. Д.40. Л.2. (Так именовался первый отчет тамбовского губернатора).

⁶ Там же. Л.1.

⁷ Там же. Л.3. Длительное время споры о достоверности сведений губернаторских отчетов велись на основе анализа содержащихся в них информации об урожайности зерновых. См.: Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение. Отечественная история. – Л., 1976.

сего рода ограничивается одним только простым познанием об их действиях»⁸. Пензенский губернатор указывал в первом отчете, что фабричные ведомости, «хотя получены были мною в январе месяце, вследствие предписания вашего сиятельства от 14 апреля 1804 г., но оказались в разных изъяснениях недостаточны, по неимению на каждый род изделий особой формы, и потому требуются вновь, по получению которых о главных изделиях, поспешу я представить вашему сиятельству»⁹.

Губернские власти середины 1810-х гг. были, в лучшем случае, в состоянии выполнять те функции, которые за сорок лет, прошедших после создания губерний, превратились в традицию и стали рутинными. Для изменений нужны были импульсы из столицы, но они неизбежно затухали, пока в провинции не стали появляться администраторы нового типа. Возможность этого и явилась одним из важнейших итогов столичной либеральной бюрократии.

Этот процесс наглядно демонстрирует эволюция губернаторского корпуса на протяжении дореформенного полувека. Проследить этот процесс в масштабах всей Российской империи на данном этапе изучения пока не представляется возможным¹⁰. Но попытка такого анализа на уровне отдельных регионов позволяет выявить тенденцию к усилению влияния либеральной бюрократии на провинциальном уровне.

Одним из таких регионов дореформенной России являлись земли по среднему течению р. Оки и истокам р. Дона, которые вошли в ходе проведения губернской реформы 1775 г. в состав Тульской, Рязанской, Тамбовской и Пензенской губерний¹¹.

---

⁸ Там же. Л.5 об.

⁹ Отчет губернатора Пензенской губернии за 1804 г. // РГИА. Ф.1281. Оп.11 Д.97. Л.4 об.

¹⁰ Об эволюции губернаторского корпуса на протяжении всего существования Российской империи см.: Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. – М., 2001.

¹¹ Этот регион выделял П.П. Семенов-Тянь-Шанский в ходе первых опытов научного районирования России, предпринятых в 1850-х гг. (См.: Вальская Б.А. Об экономико-географическом изучении России в первой половине XIX в. // Вопросы географии. – М., 1948. – Сб.10; Она же. Обзор опытов районирования с конца XVIII в. по 1861 г. // Вопросы географии. – М., 1950. – Сб.17; Она же. Об экономико-географическом изучении России

На протяжении дореформенной эпохи на губернаторских должностях побывали 52 сановника, из которых на время правления Александра I пришлось 27, а на правление Николая I – 25 человек¹². Большинство из них являлись типичными фигурами для российского чиновничества той эпохи. Прочно погруженные в провинциальную рутину или, наоборот, появившиеся на короткий срок на должность, которая была лишь мимолетной ступенькой в служебной карьере, они не могли выступить в качестве исполнителей реформаторских планов императора и части его приближенных. Местный житель, подавший донос на тульских чиновников в 1828 г. писал: «Прикажите подать себе список бывших тульских губернаторов в продолжение 20 лет, и вы увидите, что эти люди не только, что могли устроить губернию, но более еще расстроили оную»¹³.

Но постепенно, десятилетие за десятилетием, ситуация стала меняться. В провинции все чаще стали появляться представители либеральной бюрократии. К их числу можно отнести около трети из 52 чиновников, которые занимали губернаторские должности в рассматриваемых четырех губерниях.

В эпоху правления Александра I в указанном регионе трижды происходила смена губернаторского корпуса, каждая из которых отражала определенные изменения внутривластного курса. Первая пришлась на первый год царствования этого монарха, вторая – на 1811 г. и была связана с подготовкой М.М. Сперанским плана реформирования страны, третья произошла в годы, последовавшие

статистического отделения МВД в 1835–1852 гг. // Вопросы географии. – М., 1951. – Сб.27). Убедительно показаны значительные различия между традиционно отнесенными к Центрально-черноземному району Рязанской, Тульской, Тамбовской, Пензенской, с одной стороны, и Орловской, Курской и Воронежской губерниями, с другой стороны, в фундаментальном исследовании Н.М. Дружинина (См.: Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. – Т.1. – М., 1946. – С.408, 416; Т.2. – М., 1958. – С.320, 342).

¹² См.: Тульские губернаторы: 220-летию образования Тульской губернии посвящается. – Тула, 1997; Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в. Автореферат ... доктора ист. наук. – М., 2005; История рязанской власти: руководители Рязанского края 1778–2008. – Рязань, 2008.

¹³ Донос на тульских чиновников, 1828 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф.109. I экс. Оп.3 (1828 г.). Ед.хр.128. Л.1–1 об, 12.

за окончанием Отечественной войны 1812 г. Первые представители просвещенной бюрократии на губернаторских должностях в данном регионе появились около 1811 г. Одним из первых являлся отставной морской офицер И.Я. Бухарин, занимавший должность рязанского губернатора в 1811–1818 гг. «Выдающаяся личность И.Я. Бухарина может служить, если не образцом, то, во всяком случае, образом русского барина конца XVIII до половины XIX столетия. Утонченное воспитание, немудрое первоначальное образование, доведенное впоследствии им до высокой степени культурности, самостоятельность, доходившая до своеволия, гордость, считавшаяся только с собственной совестью, гражданское мужество, не страшившееся ни суда, ни утраты положения и карьеры, когда в дело была замешана борьба с преступной недобросовестностью, – все эти черты характерны были более или менее присущи людям того времени, оставившим за собой память в истории», – так характеризовал его один из мемуаристов¹⁴.

После окончания наполеоновских войн количество губернаторов, которых можно отнести к числу либеральных бюрократов, выросло. Среди них появилась такая неординарная фигура, как М.М. Сперанский, для которого опыт пребывания в должности начальника Пензенской губернии в 1816–1819 гг. стал важным фактором для последующей государственной деятельности.

Попыткой реализовать на практике теоретические положения конституционного проекта «Государственной Уставной грамоты Российской империи» явилось создание в ноябре 1819 г. генерал-губернаторства с центром в Рязани во главе с бывшим министром полиции А.Д. Балашовым¹⁵. Сохранившаяся в его воспоминаниях запись об аудиенции у императора 1 ноября 1819 г. свидетельствует о том, что Александр I не отказался от мысли о преобразовании России и в эти годы¹⁶. Образование в центре страны крупных административно-территориальных единиц, объединяющих несколько губерний, являлось составной частью правительственного конституционализма.

---

¹⁴ Лесницкая В. Воспоминания о Бухарине // Русская старина. – 1914, № 4. – С.138.

¹⁵ См.: Акулышин П.В. Генерал-губернатор А.Д.Балашов // Отечественная история. – 2004, № 4.

¹⁶ Балашов А.Д. Записки касательно моей жизни // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф.16. Оп.1. Д.217. Л.99–100.

Первым значительным шагом в этом направлении и было создание генерал-губернаторского округа с центром в Рязани.

Подчиненные А.Д. Балашову пять расположенных на берегах Оки и Дона губерний (Воронежская, Орловская, Рязанская, Тамбовская и Тульская) составляли 1/22 территории европейской России, на которой проживало 1/8 ее населения. Первоочередной задачей А.Д. Балашова стало повышение эффективности управления путем непосредственного вмешательства во все сферы деятельности государственных учреждений. В марте 1823 г. А.Д. Балашов получил указ императора о начале административных преобразований на территории генерал-губернаторства путем создания губернских и уездных советов – совещательных органов из местных чиновников.

Деятельность А.Д. Балашова не ограничивалась только административными вопросами, а включала целую программу попечительства о народном образовании, здравоохранении, благотворительности. Проводимые под его эгидой исследования способствовали формированию русского исторического самосознания путем популяризации сведений о двух исторических памятниках, расположенных на подчиненной ему территории – Старой Рязани и Куликовом поле.

В эпоху правления Николая I правительственные круги отказались как от идей конституционализма, так и от создания генерал-губернаторских округов на основной территории Российской империи. Но новые тенденции, связанные с деятельностью столичной либеральной бюрократии, в рассматриваемых губерниях полностью не исчезли и во второй четверти XIX в., хотя проявлялись не так заметно, как в период существования генерал-губернаторских округов. Среди губернаторов четырех рассматриваемых губерний в эту эпоху был целый ряд представителей нового поколения либеральной бюрократии.

Возможности представителей либеральной бюрократии по преобразованию страны и на общероссийском, и на провинциальном уровне были ограничены как объективными условиями той эпохи, так и их личными качествами. Недовольство окружающей действительностью и осознание ограниченности своих возможностей, в конце концов, сковывало их волю и активность. Большинство волнующих их проблем не могло быть разрешено в короткий исторический срок.

Многие из губернаторов, принадлежавшие к числу либеральной бюрократии оказались вовлечены в тяжелые конфликты с местным дворянским обществом и большинством провинциального чиновничества. Это, как и другие реалии первой четверти XIX в., позволяют сделать вывод, что осторожность Александра I и Николая I в реформаторских действиях, доходившая порой до полной бездеятельности, была скорее сильной, чем слабой стороной императоров как государственных деятелей. Они пытались соотнести свои политические идеалы с окружающей реальностью, понимая, что даже их огромная власть самодержавного правителя не может быстро изменить облик подвластной страны. Преобразования, по мере распространения «просвещения» и появления новых представителей власти, которые бы разделяли его реформаторские планы, а не являлись бы бездумными исполнителями воли монарха, должны были осуществляться лишь постепенно.

Однако деятельность либеральной бюрократии в дореформенную эпоху не прошла бесследно для Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний, как и для российской провинции вообще. Она принесла управляемым территориям вполне конкретные позитивные результаты. Особенно они были заметны в деле развития народного образования, городского благоустройства, дорожного строительства. Один из провинциальных мемуаристов писал в пореформенную эпоху: «Ныне, когда деревья, посаженные по большой дороге, разрослись в пятидесятилетние деревья и во многих местах составляют почти настоящие тенистые аллеи, ныне многие восхищаются ими и прозорливостью Балашова»¹⁷.

Еще большую роль для развития страны сыграли те глубинные перемены в жизни провинциального общества, отсутствие которых не позволяло императору Александру I провести значительные реформы в первые годы царствования.

К их числу следует отнести, во-первых, институализацию народного просвещения, процесс которой растянулся на несколько десятилетий. Его начало связано с преобразованием ранее существовавших учебных заведений в гимназии в годы деятельности Негласного комитета, а завершение – с введением гимназического устава 1828 г. в период пребывания в должности министра народного просвещения С.С. Уварова. Бюрократизация этой сферы, при всех негативных по-

¹⁷ Ростиславов Д.И. Записки // Русская старина. – 1894, № 12. – С.65.

следствиях, имела в тот момент позитивное значение. Социальный статус образования как такового, педагогов и учебных заведений повысился. Неизбежным следствием этого стал рост образовательного уровня столичного и провинциального чиновничества.

Во-вторых, в 1840-е гг. зарождается провинциальная печать в виде официальных изданий – «Губернских ведомостей». При всех недостатках этих газет, их выход стал важным шагом в распространении гласности и придании публичности деятельности центральных и местных властей.

В-третьих, на протяжении нескольких десятилетий провинциальное чиновничество смогло усвоить ряд требований рационального управления, которые впервые были сформулированы в период пребывания в должности министра внутренних дел В.П. Кочубея в 1802–1807 гг. Это проявилось в создании системы получения столичными властями относительно объективной информации о положении на местах. Ее достоверность выросла после создания губернских статистических комитетов, которые через сеть своих корреспондентов начали сбор такой информации на уездном уровне.

В-четвертых, важные последствия имел рост самостоятельности местных учреждений Министерства юстиции и создание в губерниях структур Министерства государственных имуществ. На губернском уровне в форме межведомственного разделения обязанностей впервые стала реализовываться концепция разделения властей.

В России, где еще не существовало субъекта политической деятельности помимо монарха и государственного аппарата, либеральная бюрократия не только стала носителем реформаторских начал в правительственной политике, но и наиболее полно выразила реформаторские настроения провинциального дворянства. Только к середине 1850-х гг. в дворянской среде Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний появились последовательные сторонники реформ, способные сами выступить в роли субъекта преобразовательской деятельности. Но даже в эти годы их стремления к модернизации страны не могли увенчаться успехом без решительных действий со стороны нового поколения бюрократии, стремившейся к той же цели. Государственные деятели, проводившие реформы 1860–1870-х гг., являлись непосредственными преемниками либеральной бюрократии первой половины XIX в., усилия которой и позволили создать те предпосылки, без которых модернизация России была бы невозможна.

Берестова Е.М.

**Взаимодействие светской и духовной власти
в сфере этноконфессиональной политики
в конце XIX – начале XX вв.: (по материалам фондов
канцелярии вятского губернатора и духовных правлений)¹**

Важную роль в изучении этноконфессиональной политики Российской империи играют фонды региональных архивов. Документы, находящиеся в них не только наглядно демонстрируют меры по практической реализации тех или иных правительственных начинаний, но и позволяют проследить процесс взаимодействия светской и духовной власти в сфере этноконфессиональной политики.

В провинции высшим представителем светской власти являлся губернатор, а духовная власть была представлена епархиальным архиереем, духовной консисторией и духовными правлениями. Вся Россия в церковно-административном отношении делилась на округа – епархии, границы которых с конца XVIII в. совпадали с губернскими, таким образом, Вятская епархия располагалась в пределах Вятской губернии. Епархиальный архиерей осуществлял церковное руководство совместно с духовной консисторией и в тесном взаимодействии с губернатором.

Большое значение для изучения данной проблемы имеют фонды Государственного архива Кировской области (ГАКО), в частности фонд 582 канцелярии Вятского губернатора. Помимо указов и распоряжений центрального правительства, там содержится интереснейшая переписка между губернатором и руководством епархии. Так, в письме Филарета, епископа Вятского и Слободского, Вятскому губернатору И.М. Страховскому содержится серьезный анализ государственной этноконфессиональной политики и причины неудач отдельных правительственных мер. В частности, характеризуя деятельность отдельных священнослужителей, епископ Филарет отмечал: «... в унисон с мнением большинства «скорее обрусить инородцев», являлись на их моления с крестным ходом, опрокидывали

---

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 08-01-80105а/у).

их котлы с жертвенным мясом, рубили их священные рощи и т.д., но, конечно, подобными энергичными, но совсем не миссионерскими, мерами ни сколько не направляли инородцев на путь истины, а, напротив, многих окончательно озлобили»². Также значительный интерес представляют распоряжения губернатора о предотвращении возможных волнений марийского, татарского и удмуртского населения в связи с теми или иными событиями в стране. Важная роль в этих документах отводится духовенству.

В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (ЦГА УР) в фондах Сарапульского (ф. 245) и Глазовского (ф. 134) духовных правлений сосредоточен огромный массив документов самого разнообразного характера. Здесь можно найти указы императора и Св. Синода, выпущенные на их основании распоряжения епархиального начальства и викарных архиереев, ответные отчеты благочинных и приходских священников, переписку между правлениями и духовенством епархии и представителями администрации, рапорты благочинных священников, отчеты миссионеров, дела о расторжении браков, о наложении церковных наказаний, о самоубийствах, прошения о назначении пособий, о вступлении в брак, о разводе и т.д.

Особый интерес представляют рапорты приходских и благочинных священников о состоянии церкви, духовенства и паствы, которые предоставлялись два раза в год. Эти документы составлялись по определенным унифицированным образцам, что имеет свои плюсы и минусы. К достоинствам можно отнести систематизацию сведений, возможность сравнения данных за несколько лет и на разных территориях. Недостатком является формальное отношение к написанию документов, шаблонность и поверхностность изложения, неточность представляемых сведений. В подавляющем большинстве рапортов сведения о церкви (количество и состояние, количество богаделен и больниц при церквях, состояние церковного строительства, благотворительности и письмоводства) и духовенстве (количество, образование, нравственное состояние и материальное обеспечение) повторяются из года в год без каких-либо существенных изменений. Только в случае назначения нового священника в рапорте могла появиться другая информация. Более разнообразные сведе-

² ГАКО. Ф.852. Оп.150. Д.130. Л.44–53.

ния содержались в пунктах, посвященных пастве и образованию. В рапортах записывались сведения о количестве прихожан, их этнической принадлежности, обязательно указывалось, сколько на территории прихода проживает неправославных (раскольников, сектантов, мусульман и язычествующих). Самая интересная информация касалась религиозно-нравственного состояния прихожан. Именно отсюда можно узнать о тех пережитках язычества, которые сохранились у крещенных марийцев и удмуртов, о различных суевериях русского населения, о распространении среди прихожан отдельных приходов пьянства или азартных игр.

На основании отчетов и рапортов миссионеров и приходских священников духовное и светское начальство делало выводы о религиозно-нравственном состоянии населения и о мерах, необходимых для более успешной христианизации. Очень часто вопросы, поднимавшиеся в отчетах, служили отправной точкой для распоряжений и постановлений Вятской Духовной консистории, а иногда и Св. Синода.

Рапорты духовенства и переписка между епархиальным начальством и полицейскими чинами свидетельствует о том, что распространение христианства не всегда проходило гладко, иногда священникам приходилось сталкиваться с открытым сопротивлением населения. Вот как описывает события, происшедшие в деревне Ильнет в 1901 г., инородческий миссионер Василий Домрачев: «Утром 31 августа, взяв с собою ковчег со Св. Евангелием и крестом, три небольших по размеру из церкви иконы, для священнических облачения и все необходимое для совершения молебна, я с псаломщиком Мышкиным приехал в Ильнет часов около 8 и остановился в доме крестьянина Ивана Овечкина, ожидая приезда священника о. Ергина. ... Между тем толпа черемис оказавшаяся даже из разных селений быстро начала подступать к дому Овечкина. О. Ергин подъехал к дому Овечкина же, ворота коего были заперты. Ворота кто-то открыл, и они вбежали в ограду. На улице началось избиение понятых. Некоторые из черемис с палками в руках жестоко били всех, кто только попадался им под руки и избили более 20 человек. При этом более всего пострадал Кузьма Васильев Сидоров и русский крестьянин деревни Куяновой Михаил Игнатьев, у которого были переломаны 4 ребра. Толпа бушевала до тех пор, пока остальные понятые не распрятались кто куда могли, кто на сеновале, кто в

погребу или в другом месте. Бежать из деревни никакой возможности не было, так как черемисы оцепили все деревню кругом, стояли на дорогах, в переулках и на огородах. В сильном страхе находились мы в доме Овечкина, запершись и не находили ни какого способа выхода из него (здесь нас было 15 человек). Хотя находившиеся с нами люди в доме Овечкина некоторые и говорили, что хотят убить и «попов», т.е. нас, однако толпа разъярившихся черемис в ворота Овечкина попасть не пыталась, не отбивала их, и никаких нам угроз с улицы не доносилось. Проходил по улицы некто Николай Крюков, служащий у Ушкова, мы позвали его и попросили как можно скорее передать о случившемся и наших обстоятельствах в Кокшанский завод уряднику и позвать оттуда людей для оказания нам помощи. Часа через два приехал урядник с людьми, явились и разбежавшиеся понятия наши»³. Состоявшаяся за несколько дней до этого вырубка священной рощи марийцев в присутствии Сарапульского епископа Владимира стала причиной подачи жалобы на имя Обер-прокурора Синода. В ней крестьяне-язычники писали: «Ввиду того, что действия Преосвященного епископа Сарапульского не только не гармонируют, а даже явно противоречат указаниям закона (65, 67 и 70 ст. т. XIV Уст. о пред. и пресеч. прест.), трактующего о том, что и язычники повсеместно пользуются свободным отправлением их веры и богослужениям по обрядам оной, что все и каждому запрещено ради различия веры, заводить споры, распри или чинить поношения, и что господствующая в пределах Российской империи Православная католическая вера и церковь не позволяют себе принудительных средств при обращении иноверцев к Православию, мы сами лично и по просьбе своих единоверцев, законные права которых попорчены незаконными действиями Преосвященного епископа Сарапульского, о вышеизложенном имеем честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства в тех видах, чтобы Святейший Правительствующий Синод поставил епископу Сарапульскому на вид не тактичность его действий, а нам язычникам, в силу прямого закона, было дозволено и впредь свободно совершать обряды и моления по вере наших предков. О последующих по сему прошениях распоряжениях просим нам объявить»⁴. На основании данной жалобы Св. Синодом

³ ЦГА УР. Ф.245. Оп.1. Д.2236. Л.4–5 об.

⁴ ЦГА УР. Ф.245 Оп.1. Д.2236. Л.24–25 об.

было проведено расследование этого случая, а также волнений 31 августа в деревне Ильнет, результатом которого стало издание указа от 31 мая 1902 г. № 4158. Епископ Владимир был перемещен в Рязанскую епархию, священник Ергин переведен в русский приход, всем инородческим миссионерам и священникам, служащим в приходах со смешанным населением были сделаны «внушения».

Тесно взаимодействуя с представителями православной церкви, губернские власти, однако, не всегда поощряли их активную деятельность по христианизации населения. Для центрального правительства и губернатора спокойствие в национальных районах и преданность населения престолу было гораздо важнее конфессионального единообразия и чистоты православной веры. Поэтому государство в большинстве случаев лишь формально поддерживало православную церковь в ее миссионерской деятельности. Как только христианизация начинала вызывать активное сопротивление населения, государство практически полностью устранялось от дела миссии, не позволяя и церкви проявлять чрезмерную активность.

Берсенева В.В.

Конституирование должности гражданского губернатора в царствование императора Николая I

Система внутреннего управления Российской империи на момент вступления на престол Николая Александровича явно испытывала кризис.

Налаживание взаимодействий между центральным аппаратом МВД и местными органами власти, губернаторами, императором и Сенатом требовало создание законченной и в тоже время универсальной схемы управления как внутренними, так и окраинными губерниями.

Императору и верховной администрации представлялось очевидным, что заложенные еще Екатериной II в Учреждениях о губерниях (1775 г.) принципы взаимодействия губернаторов с центром с одной стороны, и министерская система Александра I с другой, вступили в явное противоречие. Положение, при котором губернатор в своей деятельности подчинялся лично императору, отчитывался перед Сенатом, а вел оперативное управление по циркулярам МВД, создавало управленческую неразбериху, и, как следствие, поощряло взяточничество и судебный произвол.

Во всеподданнейшей записке сенатора Ф.П. Ключарева от 1818 г. говорилось: «Многие губернаторы вышли за пределы почтения к законам, оставляя без исполнения как оные, так и указы ... Сената вновь насылаемые.

Самовластие их, порабощение своей воле и борьба с теми кои держатся правил и порядка, были для них в отсутствие Вашего Императорского Величества успешны. ... Нерачение их и незнание законов и указов закрывает пред ними те бедствия, в кои рано или поздно Божие и Ваше Императорское Величество правосудие ввергнет их, яко рабов неключимых, не исполняющих воли Господа своего»¹.

---

¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной е. и. в. канцелярии. Под ред. Н. Дубровина. – СПб., 1895. – Вып. 7. – С.257–258.

Скоропостижная смерть Александра I, восстание декабристов, финансовые проблемы государства требовали принятия адекватных создавшейся ситуации мер успокоения общественного мнения и стабилизации экономического положения страны.

Одним из первых шагов Николая I в этом направлении стало создание Комитета 6 декабря 1826 г., задачей которого являлось помимо прочего обобщение предложений, записок, проектов приспособления местного управления к задачам нового времени. Однако за 6 лет работы никаких существенных результатов в области реформирования губернского аппарата и вообще местного управления Комитетом предложено не было.

Несмотря на существовавшую министерскую модель управления империей, из-за недоверия императора к чиновничеству реальным центром власти с 1826 г. становится Собственная е.и.в. канцелярия, которая воплощала в жизнь общую философию императора, базирующуюся на трех основных принципах, а именно:

1) принцип Права, реализованный в годы царствования Николая I в кодификации российского законодательства;

2) принцип Порядка, как стройной (армейской) системе подчиненности внутри государственного аппарата, с тотальной централизацией власти и принципом единоначалия на всех уровнях управления;

3) принцип Патернализма, модель общества, где государь, и вообще любой начальник воспринимается как отец, заботящийся о подчиненных, как о своих детях.

Созданные внутри Собственной е.и.в. канцелярии II-е (кодификационное) отделение во главе с М.М. Сперанским и III-е (во главе с А.Х. Бенкендорфом) – были напрямую нацелены на решение задач построения полицейско-правового государства и ведения тотального контроля за умами общества, борьбе с любыми формами инакомыслия, опять же в рамках существующего закона.

Наиболее сложные проблемы возникли при реализации построения системы эффективного взаимодействия между имперским центром и регионами. Ключевым элементом в данной конструкции становилась фигура гражданского губернатора как носителя властных полномочий, делегированных центром.

Конституирование (наделение) властными полномочиями губернаторов, определение их функциональных обязанностей, разграничение власти с другими субъектами права (местными органами

МФ, МЮ, военного министерства, Синода) становится при Николае I насущной необходимостью. Причем конституирование в данной статье выступает не столько как совокупность юридических норм, а подразумевает более широкий социокультурный анализ роли губернатора как первого лица губернии.

Проблема изменения роли губернатора встала для Николая I сразу же с началом его царствования, однако для решения этих проблем потребовалось время. Русско-турецкая война 1827–1828 гг., холерные бунты 1830 г., польский мятеж 1831 г. лишь затягивали, но не решали проблем внутреннего благоустройства империи.

Первым серьезным шагом в отношении определения функций гражданского губернатора стал «Общий наказ гражданским губернаторам» 1837 г., который предельно детализировал круг обязанностей губернатора, перевел в непосредственное подчинение губернатору вице-губернатора, который ранее подчинялся Министерству финансов, а главное, превратил губернатора в высшее должностное лицо МВД.

Заметим, что в этом же году было образовано Министерство государственных имуществ, во главе которого встал чрезвычайно влиятельный и авторитетный для императора граф П.Д. Киселев.

Перевод губернаторов в МВД не изменил реальных прерогатив их власти над губернией. Образование же МГИ для губернаторов тех губерний, где значительный процент податного населения составляли гос. крестьяне, заметно сужал сферу их деятельности, ибо председатель палаты гос. имуществ по существу наделялся многими функциями губернатора. МГИ со своими крестьянами, школами, коннозаводскими и лесными округами, окружными начальниками, больницами образовывало своеобразное государство в государстве.

Другим центром противодействия и интриг, особенно для губернаторов поволжских и южнорусских губерний, были органы дворянского самоуправления и им подчиненные чиновники. По воспоминаниям Орловского губернатора В.И. Сафоновича: «При малейшем замечании о допущенных ими [дворянами] беспорядках они всегда находили усердных защитников в предводителях и других важных личностях в уезде. Ссориться с исправником значило ссориться с местным дворянством»².

---

² Русский Архив. – 1903. – Кн. 2. – Вып.5. – С.108.

Несмотря на стремление царя, Комитета министров, МВД с помощью регламентации функций губернатора и унификации управленческой документации добиться выстраивания четкой вертикали власти и налаживания порядка в работе губернских правлений, реальностью было то положение вещей, при котором высшее управление в Петербурге интересовал небольшой, но определенный набор показателей по губерниям, а именно: положение со сбором податей и взыскание недоимок, количество нерешенных дел в губернском правлении и судах, своевременная подача годового отчета о состоянии губернии, отсутствие крестьянских выступлений и жалоб на администрацию.

Члены совета министра внутренних дел, многие из которых сами были губернаторами, чиновники особых поручений МВД, выезжавшие в губернии, великолепно представляли себе, что отдаленность регионов, неразвитость средств передвижения и связи, патриархальность общественных отношений в провинции, отсутствие образованных чиновников, постоянный дефицит в кандидатах на пост губернаторов тормозят распространение нового порядка управления губерниями, и в то же время даже формальное утверждение «Наказа губернаторам» отражало более глобальный процесс перехода русской бюрократии от административного произвола и беззакония к зачаткам урегулированной и формализованной сферы управления.

Именно при Николае I были открыты Училище Правоведения, курсы делопроизводства при Имп. Александровском лицее, акцентировано юридическое значение Ярославского Юридического лицея, выпускники которых должны были стать носителями правовой культуры в среде российского чиновничества.

Расширению правового пространства в эти годы способствовало и издание основного юридико-правового акта государства «Свода законов Российской империи» (1835 г.).

Для России с ее необъятными просторами любые новации обременены фактором географической обособленности и удаленности субъектов и объектов управления, недостатком информации и ее несвоевременным поступлением. В государственном управлении отсутствовала оперативность реагирования на те или иные региональные вопросы. Весна и осень были «мертвыми» сезонами для управления. Дороги утопали в грязи, жизнь замирала. Что говорить о простых чиновниках и жителях, если сам император во время пу-

тешества по Тамбовской губернии из-за плохого состояния дороги выпал из коляски, сломал ребра, и его несли несколько верст на руках до города.

Настоящей вехой в этой связи становится появление в России железной дороги, которая, помимо решения чисто экономических задач, явилась революционным прорывом в отношении доставки служебной корреспонденции.

Если до Николая I Россия развивалась со скоростью лошади, то при нем она пересела на поезд.

Преодолению оторванности регионов от центральной власти служило и начало издания «Губернских ведомостей», печатавших как верховные распоряжения, так и местные нормативные акты, распоряжения губернаторов и губернских властей. «Губернские ведомости» стали первыми проводниками имперской идеологии, ибо до их появления единственным местом, где обыватель мог узнать волю императора и его чиновников, была церковь.

Конец 30-х начало 40-х гг. в России были временем стремительного развития как старых, так и новых экономических институтов. Появление региональных товарных рынков, увеличение торговых оборотов, развитие бирж, банковской и ссудно-сберегательной систем, появление железной дороги и пароходных линий, других новшеств обусловили усложнение структуры общества, в том числе на губернском уровне.

Несмотря на принятие «Наказа губернаторам» сенаторские ревизии 1837–1843 гг. в Саратовской, Новгородской, Орловской, Калужской, Тамбовской, Симбирской губерниях не уменьшили нареканий центральной власти к начальникам губерний³. Проверки, проведенные сенатором А.Ю. Денфером в 1837 г. в Саратовской губернии, Б.Я. Княжевичем в 1838 г. в Новгородской губернии, И.А. Гагариным в 1843г. в Астраханской губернии, привели к отставкам губернаторов А.П. Степанова, П.Л. Суковкина и И.С. Тимирязева. Центральный аппарат МВД также имел много претензий к местным властям. По итогам ведомственной проверки чиновниками МВД 9-ти губерний было установлено, что «беспорядки в делопроизводстве и нарушение установленных правил укоренилось до того, что ни усиленный

---

³ История правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. – Т.4. – СПб., 1911. – С.507.

надзор, ни ревизии не могли... водворить порядка. ... Представленные ревизовавшими чиновниками отчеты показывают вообще неудовлетворительное состояние присутственных мест и других учреждений, отступление от порядка, медлительность и нередко отсутствие заботливости и в особенности слабость полицейских действий по открытию и прекращению краж, грабежей, разбоев и доставлению обиженным законного удовлетворения ...»⁴.

Для перелома ситуации в деле реформирования МВД Николай I назначил на должность министра более энергичного управленца, члена Гос. Совета Л.А. Перовского.

Ознакомившись с положением дел по вверенному ему учреждению Л.А. Перовский составил обширную докладную записку о необходимости улучшений по губернским правлениям. Министр считал, что причинами, содействовавшими упадку губернской власти, являлись: «1) Последовательное раздробление Губернского Управления на разные, отдельные ведомства, косвенно или вовсе не подчиненные Губ. Начальству; лишение губернатора надлежащей власти и обременение его обширнейшей перепиской. 2) Несоразмерное обременение Губ. Правления делопроизводством, срочной отчетностью, формами и обрядами письмоводства и решения дел; увеличение, до огромных размеров, письменных обязательств его, через что на сущность дела обращалось слишком мало внимания... 4) Дарование другим ведомствам преимуществ по содержанию чиновников»⁵.

Средством решения указанных в записке вопросов Л.А. Перовский видел в принятии совершенно нового правового акта «Учреждения губернского правления». Проект документа циркуляром по МВД был заранее разослан генерал-губернаторам, военным и гражданским губернаторам для заинтересованного обсуждения предполагаемых преобразований и выяснения мнений о реформе управления представителям власти на местах.

Полученные с мест отзывы легли в основу первого проекта «Учреждения губернского правления», который был роздан 16-ти лицам «высшего и низшего звания, частью даже посторонних ве-

---

⁴ Варадинов Н. История министерства внутренних дел. – СПб., 1862. – Ч. III. – Кн. 3. – С. 51.

⁵ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1149. Оп. 3, 1843 г. Д. 94а. Л. 4 об.–5.

домств, но служивших прежде в губерниях, частью даже губернаторам, вице-губернаторам и советникам Губернских Правлений»⁶.

Второй проект Учреждения вызвал ожесточенное противодействие консервативных дворянских обществ, усмотревших в усилении власти губернатора посягательство на дворянские привилегии. Не вполне одобрили проект и губернаторы, особенно Симбирский, Таврический, Казанский и Нижегородский. Особенно ожесточенной критике проект «Учреждения губернского правления» подвергся со стороны Нижегородского губернатора М.П. Бутурлина. В замечаниях по реформе М.П. Бутурлин выступил как апологет коллегиальной системе управления империей и приверженец подчинения губернаторов исключительно власти императора и генерал-прокурора Сената.

В замечаниях на проект губернатор писал: «В пространном, каково Отечество наше, государстве, где начальники отделены от центра правительства – сила моральная есть для них главнейшая; столь много придает силы начальнику мысль, во вверенном краю о выс. избрании сего начальника о всемилостивейшем к нему доверии, о Монаршем о нем благоволении; без сей в народе мысли звание страдает, не те пойдут на места люди...»⁷. Особенно крамольным видится утверждение М.П. Бутурлина о том, что предполагаемая реформа не столько усилит власть губернатора, сколько расширит донельзя властные полномочия министра внутренних дел и МВД в целом. «... если всем предметам до других министерств относящимся будут губернаторы обязаны доносить кроме подлежащих министерств еще и МВД, то таковой порядок более всего показал бы, что предложенные ныне обсуждаемое заключает в существе своем гораздо более чем собственно преобразование губернских правлений и что настоящий проект есть иносказательно, ежели не словом, то фактом, учреждение в государстве первого министра», – писал Бутурлин⁸.

Серьезные возражения относительно проекта высказал и статс-секретарь В.И. Карнеев. Он писал: «Стремление подчинить губернаторов и Губ. Правления министерству внутренних дел и ослабит на них влияние других министерств, проявляющееся в ст. 4, 201, 36, 73, 81, 88 и в устанавливаемом порядке получения срочных сведений, по

⁶ Там же. Л.28.

⁷ Там же. Л.60 об.

⁸ Там же. Л.61 об.–62.

коему министр Вн. Д. может требовать один сам, а другие испрашивать разрешение К-та Мин-ов, будет иметь последствием ослабление влияния губернатора на прочие ведомства, разъединение власти в Губерниях, пререкания к личности между им и председателями палат и ... различные беспорядки»⁹.

Противодействие проекту Учреждений оказывало и МГИ. Однако, несмотря на скрытую оппозицию губернаторов и серьезные замечания П.Д. Киселева Л.А. Перовскому все же удалось утвердить «Учреждения губернского правления» в 1845 г., которое окончательно разграничило полномочия всех структурных частей губ. правления и фактически ликвидировало принцип коллегиальности в работе последнего, придало МВД первенство, по сравнению с другими министерствами и управлениями.

«Учреждения губернского правления» 1845 г. как правовой акт стал последним документом, вплоть до 1917 г. столь полно и комплексно охватывающий пределы полномочий власти гражд. губернаторов и губ. правлений, что подчеркивает его универсализм и одновременно фундаментальность. Губернатор из полновластного и бесконтрольного хозяина губернии окончательно превратился в первого по значимости чиновника МВД, над которым был установлен жесткий контроль как со стороны МВД, так и контрольно-ревизирующий органов в лице Сената и III отделения Собственной е.и.в. канцелярии.

Фонды Комитета министров пестрят судебными делами о взыскании с губернаторов денежных сумм, причем взыскании не только персонального, но коллективного, с жены и детей губернаторов. В среднем в течение года порядка 8–11 губернаторов получали взыскания. Губернаторы, даже оставив должность, несли ответственность за содеянные правонарушения, как например семья губернатора Пасынкова, с которой в 1833 г. взыскали деньги за незаконную передачу по содержанию почтовых станций с 1815 г. В 1830–1850 гг. особенно много денежных взысканий на губернаторов налагалось в связи с их незаконными приговорами о высылке крестьян в Сибирь.

Губернаторы, не имеющие возможности выплатить денежный штраф, лишались возможности управлять своими имениями, которые попадали под запрещение.

---

⁹ Там же. Л.20.

Особую нелюбовь имели гражданские губернаторы к III отделению Собственной е.и.в. канцелярии, и ее местным начальникам – губернским жандармским генералам и штаб-офицерам. Мало того, что жандармы получали для обязательного просмотра годовые отчеты губернаторов, так они еще и вмешивались в оперативное управление губерниями через свои донесения А.Х. Бенкендорфу. Последний же имел непосредственный выход на министра внутренних дел и императора. Полностью прав, давая характеристику III отделению Н.П. Ерощкин, когда писал: «III отделение позволяло себе делать общие нападки на бюрократию, корыстолюбие и лихоимство чиновников суда и полиции, но при этом не предлагалось никаких мер по борьбе с этими пороками государственности России»¹⁰.

Дела, которые возникали в недрах III отделения иногда поражают своим абсурдом. Так А.Х. Бенкендорф, прочитав афишу саратовского театра, представлявшего пьесу «Емельян Пугачев» тут же снесся с министром внутренних дел А.А. Закревским письмом, в котором говорилось: «я покорнейше прошу ... замять тамошнему губернатору неприличность подобного представления, подтвердить всем гг. начальникам губерний, дабы пьесы подобного содержания не были отнюдь представляемы, без предварительного на то одобрения III отделения»¹¹. В ответ Саратовский губернатор Рославец доносил, что сия пьеса, а вернее пантомима на берегу Волги происходящая, ставилась уже много лет при прежних двух его приемниках.

«Наказ губернаторам» и «Учреждения губернского правления» окончательно оформили правовой статус гражд. губернаторов, но принципиально не могли решить проблему управляемости верховной властью губерниями, ибо нормы права не способны учесть экономических, географических, национальных, конфессиональных особенностей регионов. Для решения же многочисленных региональных проблем власть использовала кадровые ресурсы, а именно, учет личного административного опыта, имущественного положения, придворных связей кандидата на пост губернатора, ибо личностный фактор по-прежнему оказывался решающим в деле управления губерниями.

¹⁰ Ерощкин Н.П. Российское самодержавие. – М., 2006. – С.197.

¹¹ РГИА. Ф.1284. Оп.16, 1 отд., 1 ст., 1831 г. Д.4.

Бикташеева А.Н.

Влияние локальных политических практик на выработку модели губернского управления (первая половина XIX в.)

В научных исследованиях административная система Российской империи часто предстает как пространство монолога верховной власти. От ее лица звучат законы Сената, приказы и распоряжения министров, ее желаниями объясняются действия должностных лиц империи. При признании изначальной субъективности монарха и его окружения государственная машина и впрямь выглядит алогичным и нежизнеспособным организмом, где назначения случайны, карьеры причудливы, а намерения оторваны от реальности. Такое видение создает впечатление, что весь управленческий механизм приводится в движение только силой извне.

Между тем, изучение всей совокупности исторических текстов, зафиксировавших практическую деятельность и повседневные заботы казанских губернаторов первой половины XIX в., убеждает в том, что империя была пронизана диалогами власти с обществом и властей разного уровня друг с другом. Участниками обсуждения проблем губернского управления становились император, олицетворявший «верховную власть»; центральные органы, отождествлявшиеся с «мнением» Сената и Комитета министров; сенатские ревизоры, служащие министерств и различных ведомств. В помещичьих губерниях, где власть делилась на коронную и корпоративную, в этот диалог вступали губернаторы, губернские предводители дворянства, а также частные и должностные лица, обращавшиеся с доносами и жалобами в вышестоящие инстанции и непосредственно к «Высочайшему имени». В результате данное коммуникативное поле оказывалось фактором, который корректировал и адаптировал правительственную линию к обстоятельствам и реалиям отдельного региона.

Занимаясь изучением административных практик российских губернаторов, я столкнулась с фактами достаточно стойкого и повсеместного противостояния местного дворянства власти губернатора. Попытки ограничения губернаторской власти проявлялись в конфликтах между губернским предводителем дворянства и начальником губернии. Глубина этих институциональных столкновений не

езде была одинакова, однако разрешение отдельных из них требовало вмешательства извне. Если обратиться к статистике сенаторских ревизий в XIX в.¹, то нетрудно заметить, что наибольшая их плотность припадает на правление Александра I, а в череде Поволжских губерний самой посещаемой в этот период становится Казанская губерния. Карательная направленность надведомственных ревизий Сената сделала свое дело. Prestиж губернаторской должности в этот период заметно пошатнулся. Выход из этой ситуации виделся в дальнейшем совершенствовании бюрократического аппарата и комплексном усилении полномочий губернатора. Уже со второй четверти XIX века высшая власть предпочитала обсуждать текущие территориально-административные проблемы в ведомственном формате, а начавшаяся структуризация бюрократического аппарата, вывела губернатора из субъектов политического организма и сократила объем его ответственности. Этот сановник обрел статус функционального объекта государственной власти, лишённого права принятия самостоятельных решений.

Логика этих рассуждений позволяют мне вынести на сегодняшнее обсуждение проблему влияния локальных политических практик на выработку и коррекцию модели губернского управления во властном пространстве Российской империи.

Моделью для моих научных изысканий послужила Казанская губерния. В географическом отношении она соединяла европейскую и азиатскую части России, в экономическом – представляла характерный для Поволжья тип аграрного хозяйства с промышленно-развитым городским центром. В делопроизводственных материалах она именовалась «внутренней» и воспринималась как одна из «великорусских». Дворянство здесь характеризовалось как средне- и мелкопоместное.

В начале XIX в. губернское пространство Российской империи стало полигоном для экспериментального применения заимствованной из Западной Европы министерской системы управления. Ее адаптация на русской почве происходила постепенно. В этот период исполнительная власть изымалась из ведения Сената и сосредотачивалась в министерствах. Попытка правового разграничения ветвей

---

¹ См.: История Правительствующего Сената... – Т.2. – С.596–600; Т.4. Прил. – С.513–515.

власти проявилась в придании Сенату функций органа административной юстиции. На жизни губерний это отразилось в проведении регулярных сенаторских ревизий. Запускался этот механизм проверок инициативой населения, выраженной в специфическом коммуникативном жанре жалоб и доносов. Таким образом, участниками и субъектами административной реформы становились различные слои населения. Однако институциональные и правовые изменения не коснулись губернских органов управления. Губернатор и его команда оказались в непростом положении.

В начале века правовой статус губернатора оставалось размытым, так как он определялся нормативными актами различных эпох, которые не были согласованы между собой и подчас противоречили друг другу (Наказы 1728 г., 1764 г. и Учреждение о губерниях 1775 г.). Ликвидация института генерал-губернаторства, введение министерской системы управления превратило былого «хозяина губернии» в чиновника Министерства внутренних дел. Все это привело к «ослаблению» власти начальника губернии.

В то же время, законодатель усилил роль выборного представительства дворян. Указом от 15 марта 1801 г. был восстановлен порядок дворянских выборов, прерванный Павлом I². В помещичьих губерниях носителями власти наряду с представителями «короны» вновь стали выборные представители местного дворянства. Отныне должностной статус губернского предводителя дворянства приравнивался к губернаторскому, поскольку при назначении ему присваивался IV класс по табелю о рангах. Губернский предводитель возглавлял дворянское общество, председательствовал в депутатских собраниях, был членом всех губернских комитетов, комиссий и присутствий. Имел право обращаться в центральные органы и непосредственно к императору. Все это придавало ему реальный вес и предоставляло равные возможности наряду с начальником губернии. Укрепляя позиции предводителей дворянства, верховная власть, по-видимому, желала видеть в них сторонников общественных инициатив в предстоящих реформах. Следующим шагом в этом направлении стало издание 16 августа 1802 г. указа об ограничении власти губернатора³.

² ПСЗ-1. № 19790.

³ ПСЗ-1. № 20372 «О не преступлении губернаторам пределов власти, назначенных им законами» (состоящий из 17 пунктов).

Пятый пункт этого документа запрещал губернаторам вмешиваться в дворянские и гражданские выборы и «домогаться» в продвижении своих кандидатов. По-видимому, этими мерами Александр I стремился ограничить существующее бюрократическое «всевластие» с целью восстановления утраченного баланса властей.

Стоит отметить, что в указном законодательстве до создания «Полного собрания законов российской империи» социально-экономическая специфика губерний оставалась неучтенной. Хотя стиль управления внутренними губерниями наглядно отличался от пограничных, сибирских, закавказских и прибалтийских губерний. Здесь сфера полномочий губернатора пересекалась с пространством власти предводителя дворянства. Здесь губернаторы вынуждены были править с оглядкой на мнение дворян. Имея в виду первую половину XIX в., А.И. Герцен писал: «Власть губернатора растет в прямом отношении расстояния от Петербурга, но она растет в геометрической прогрессии в губерниях, где нет дворянства...»⁴. Эти же мысли высказывал известный юрист А.В. Лохвицкий. Он разделял российские губернии на дворянские и чиновничьи. В последних, отмечал он, – «произвол чиновничий не встречает себе препоны: нет общественного мнения, нет важных должностей, занятых по выбору дворянства, нет общества. Наша жизнь еще не выработала сильного и образованного класса вне дворянства»⁵. Поэтому само наличие дворянского самоуправления рассматривается мною как региональная управленческая специфика.

Как уже упоминалось, при Александре I Казанская губерния неоднократно становилась объектом сенатских проверок (в 1801, 1803, 1808, 1810, 1815, 1819 гг.), каждая из которых уносила кадровые «жертвы». Только в одном 1801 г. сразу пострадала карьера военного губернатора Павла Петровича Пущина и гражданского губернатора Александра Ильича Муханова. В 1805 г. после ревизии сенатора И.Б. Пестеля (отца известного декабриста П.И. Пестеля) был отрешен от должности гражданский губернатор Николай Иванович Кацарев. Борис Александрович Мансуров единственный казанский губернатор, благополучно переживший ревизии сенаторов Головкина, Дона-

⁴ Герцен А.И. Былое и думы. – Л., 1947. – С.126.

⁵ Лохвицкий А.В. Губерния, ее земские и правительственные учреждения. – СПб., 1864. – Ч.1. – С.122–123.

урова, Обрезкова и др. В 1814 г. по решению Сената был отрешен от губернаторской должности Федор Петрович Гурьев. С 1815 г., после назначения гражданским губернатором Ильи Андреевича Толстого, резко обострились отношения нового губернатора с предводителем дворянства Г.Н. Киселевым. Этот межличностный конфликт постепенно перерос в противостояние, вызвал паралич власти в губернии, что и побудило ввести решением Комитета министров в Казани в 1823 г. чрезвычайную генерал-губернаторскую форму правления. Последствия этой борьбы были преодолены лишь в 30-е гг. в правление военного губернатора Степана Степановича Стрекалова.

В конечном итоге это институциональное противостояние стоило должности И.А. Толстому и П.А. Нилову. Примечательно, что все казанские губернаторы Александровской поры были отрешены от должности судебным порядком, гласным решением первого департамента Сената. Формально каждому из них был объявлен свой повод увольнения: у П.Ф. Гурьева – «по подозрению во взятке», И.А. Толстова – «за злоупотребления властью», П.А. Нилова – «за превышение власти». Однако причина отставки всех трех начальников Казанской губернии оказалась одна: «личные неудовольствия не только между частными лицами, но и между облеченными званием службы, чему служат доказательством прения по выборам дворянским»⁶. Эти строки я обнаружила в рапорте губернского прокурора Г. И. Солнцева, который был составлен по приказу уже Николая I, пытавшегося разобраться со сложившейся ситуацией в Казанской губернской администрации.

Комплексный анализ материалов сенаторских ревизий, донесений жандармских офицеров, документов делопроизводства по Казанской губернии позволил прийти к следующим выводам:

1. Результаты и последствия административных проверок Сената первой четверти XIX в. я рассматриваю как политическую практику. По мере накопления негативной информации об общем состоянии дел в целом по стране стало очевидно, что выявленные в ходе ревизий недостатки в большинстве случаев носят системный характер, и построить правовое государство, опираясь лишь на личные качества конкретных людей, не удастся. В главном своем предназначении действие этих ревизий было направлено на коррекцию губернской

⁶ ГАРФ. Ф.109, 1 экспедиция 1831 г. Д.529. Л.50–54.

модели управления. Сама же адаптация административного опыта позволяет говорить о внутренней саморегуляции бюрократического аппарата Российской империи.

2. В помещичьих губерниях России эффективность власти губернатора напрямую зависела от его отношений с предводителями дворянства, а показателем конфликтности в губернии служили дворянские выборы, в ходе которых оппоненты использовали известные им недостатки или сбои самой системы управления. Судя по материалам Казанской губернии, такие институциональные противоречия обострялись в момент общеимперских кризисов: в период политических и экономических трудностей.

3. Ресурсы власти, выделенные губернаторам в первой четверти XIX в., не позволяли им преодолеть давление со стороны дворянских «партий» и самостоятельно разрешить кризисные явления. Возникающие противоречия и конфликты в межличностных отношениях делали региональное управление нестабильным, ставили губернатора в зависимость от намерений и настроений местных дворян.

4. Восстановление в начале XIX в. баланса губернских властей за счет усиления позиций предводителей дворянства свидетельствует о приверженности Александра I идеям децентрализации и коллегиальности губернского управления. Доказательством тому могут служить и неоднократные попытки введения генерал-губернаторской формы правления. Как известно, в русле «проекта Балашова» разрешалась и чрезвычайная ситуация в Казанской губернии. Но все эти меры успеха не возымели.

5. Анализ сложившейся ситуации Секретным комитетом 1826 года подвел Николая I к необходимости дальнейшей централизации бюрократического аппарата, комплексному усилению власти начальников губерний. При нем внутриведомственный контроль стал вытеснять «надведомственные» проверки Сената. Коммуникативное пространство губернских властей стало наполняться сводками и донесениями жандармских штаб-офицеров. Согласно мнению Государственного совета (от 3 февраля 1832 г.), вопрос «об общем преобразовании в губерниях» перешел на рассмотрение Министерства внутренних дел, а за губернатором законодательно закрепился статус чиновника этого ведомства.

Борисова А.В.

Административно-хозяйственные реформы Павла I и их реализация в Ярославской губернии

Политика Павла I во многих сферах государственной жизни по сей день воспринимается как непоследовательная и противоречивая. Среди разнообразных идей и практических мероприятий этого царствования выделяются преобразования, направленные на обустройство жизнедеятельности в губерниях. Изменения здесь проходили по двум направлениям: реформа структуры управления и попытки введения новой системы крестьянского землепользования.

В соответствии с указом 1796 г. главой губерний становился губернатор. Значительные изменения коснулись Ярославской губернии, где было упразднено наместничество, сократилось число уездов. Изменения политического курса и преобразования на местном уровне активизировали деятельность губернаторов. Глава Ярославской губернии Н.С. Урусов провел ревизию, уточнившую численность населения, по его инициативе началось составление топографического описания края¹.

Подверглась преобразованиям и система управления казенными имуществами, в том числе казенными крестьянами, которых в губернии в 1795 г. проживало значительное количество. В данную группу входили различные категории крестьян, лично свободных, но плативших оброк казне и записанных за государством. Так, экономических крестьян насчитывалось 81235 душ м.п., казенных – 1014, государственных – 82249².

Согласно указу 1797 г. «О разделении казенных имений на волости и о порядке внутреннего управления ими» крестьяне были разделены на волости, которыми управляло волостное правление. В одной во-

---

¹ Ярославские губернаторы. 1777–1917. Историко-биографические очерки / В.М. Марасанова, Г.П. Федюк / Отв. ред. А.М. Селиванов. – Ярославль, 1998. – С.103.

² Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.72. Оп.2. Д.1486. Л.1–56; Оп.1. Д.3840а. Л.1–164.

лости должно было проживать не более 3 тысяч душ м.п.³. Основным источником благосостояния для казенных крестьян было земледелие. Считается, что для нормального ведения сельского хозяйства необходимо соотношение между пашней и сенокосом 1:1, в Ярославской губернии в последней трети XVIII в. это соотношение составляло 1:0,2. Недостаток наделной земли и борьба за получение новых участков явились основным содержанием истории землепользования казенных крестьян Ярославской губернии в дореформенный период.

Архивные документы содержат значительное количество прошений крестьян о наделении землей. Так, например, в 1796 г. крестьяне Петровской и Любимской округи просили разрешить покупку земли у соседних помещиков, так как своей земли недостаточно. Отсутствие необходимого количества земли и помощи со стороны властей усиливали хлебный голод крестьян. Свидетельством тому служат прошения жителей казенных деревень, адресованные губернскому правлению. Так, крестьяне нескольких уездов в апреле 1797 г. в своей жалобе ссылались на Сенатский указ 1777 г., в котором отмечалось: «... если крестьянам будут несчастья и разорение, чтобы были хлебом на посев снабжены»⁴. Губернское правление после проверки фактов разрешило выделить хлеб, но не более 1 четверти на ревизскую душу.

Единовременная помощь такого рода не могла изменить ситуацию в сельском хозяйстве. Прощения крестьян рассматривались длительное время, их составление и отправка в губернское правление были для общины затратным делом, благоприятный ответ властей и выделение помощи являлись, скорее, исключением, чем правилом.

Принимая во внимание земельный голод казенных крестьян, правительство периодически ставило на повестку дня вопрос о наделении землей этой категории сельского населения. Указ 1799 г. назначал казенным крестьянам норму надела в 15 десятин в малоземельных губерниях. В Ярославской губернии казенная палата предложила в тех селениях, где есть возможность, наделять казенных крестьян по 15-ти десятинной норме, а там, где мало земли, – по 8-ми десятинной норме. С этой целью размежеванию подвергалась

---

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр.1. Т.XXIV. № 18082.

⁴ ГАЯО. Ф.79. Оп.6. Д.4. Л.104–105.

не только оброчная, но и пустующая земля. При этом интересы казны стояли на первом месте, что и проявилось в предписании отдавать в пользование казенных крестьян те земли, которые не приносят дохода, а «положение имеют поблизости к селениям»⁵.

Оброчные земли целиком в пользование казенным крестьянам не отдавались, так как при раздроблении участков доходы казны увеличивались. Согласно указу 11 ноября 1799 г. о наделении казенных крестьян наделами по 15-ти десятичной норме, государственные крестьяне Ярославской губернии получили часть казенных оброчных земель. При этом если ранее они владели этими землями за плату, то теперь данные участки из оброка исключались. Всего, по данным ведомостей Казенной палаты, землю получили 41 селение с деревнями⁶. В тех губерниях, где не было возможности дать крестьянам по 15 десятин в надел, в содержание отдавались и рыбные ловли, которые также исключались из оброка.

В 1800 г. по Ярославской губернии дополнительно получили землю 256 селений (80121 душ м.п.). В их распоряжение перешло: пашни и покоса – 29 2267 десятин, леса – 141 068 десятин, другие угодья, всего 433 335 десятин. В целом, на одну душу мужского пола приходилось по 5 десятин земли.

Таким образом, к началу XIX в. казенные оброчные земли, то есть те, которые крестьяне арендовали за дополнительную плату, перешли вместе с тяглыми. После таких разделов каждый казенный крестьянин владел «родовой», то есть полученной по наследству, и добавочной землями. За «родовой» надел крестьяне крепко держались и до 1830-х гг. не исполняли предписания властей о ее уравнительном переделе.

Определенное внимание уделялось и лесопользованию крестьян, хотя нельзя признать законодательство в данной сфере достаточно активным. Большинство указов носили охранительный характер, защищая интересы казны. Указы 1799 и 1800 гг. признавали и закрепляли право казенных крестьян на пользование лесом «для домашних надобностей» из прилегающих казенных дач в определенных размерах⁷. Государственным крестьянам, пострадавшим от по-

⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. XXV. № 18322.

⁶ ГАЯО. Ф. 100. Оп. 15. Д. 2. Л. 172–215.

⁷ ПСЗ. Собр. 1. Т. XXV. № 18875. Т. XXVI. № 19262а.

жаров, так же было позволено для постройки домов вырубать по 25 корней деревьев на каждый двор. Для этого отводился непригодный для кораблестроения лес. При этом получение разрешения на рубку деревьев сопровождалось взятками лесничему, волокитой со стороны чиновников, что приводило к значительному числу незаконных порубок леса крестьянами.

Необходимо отметить, что на протяжении второй половины XVIII в. правительство понимало необходимость изменений в системе землевладения и землепользования крестьян. В период правления Екатерины II проблему пытались решить через систему переселений в многоземельные губернии и освоение новых регионов. Павел I ввел новые нормы наделения землей, но их реализация в большинстве центральных губерний не имела успеха по причине недостатка пустующих (и пригодных для земледелия) участков. Центральный вопрос – о наделении крестьян достаточным количеством наделной земли – и в царствование Павла I не был решен.

Таким образом, административно-хозяйственные реформы в последней трети XVIII в. в Ярославской губернии сосредоточились и проявились, прежде всего, в изменении структуры местной власти. Хозяйственные преобразования не стали поворотным пунктом в решении экономических проблем.

Габдрафикова Л.Р.

**Губернское по городским делам присутствие
как один из субъектов городского самоуправления
пореформенного периода (на примере Уфимской губернии)**

Одним из этапов регионализации, которым, безусловно, можно считать и губернскую реформу Екатерины II, является передача некоторых полномочий государственного управления в муниципальные органы власти. Муниципальные преобразования в городах Российской империи начались еще с «Жалованной грамоты городам» 1785 г., но настоящее развитие получили уже в пореформенное время.

Российская муниципальная система вышеназванного периода следовала так называемому континентальному образцу – французской и прусской модели городского самоуправления. В отличие от англосаксонской системы муниципального управления, в которой были четко прописаны все функции и полномочия, в континентальной модели определялись лишь сферы деятельности, в рамках которой муниципалы могли принимать решения, однако они подлежали надзору со стороны администрации¹.

В этой связи специальному органу контроля – Губернскому по городским делам присутствию (далее – присутствие) – отводилась одна из ведущих ролей. Председательствовал в присутствии губернатор, членами состояли вице-губернатор, управляющий казенной палатой, прокурор окружного суда, председатель мирового съезда, председатель губернской земской управы и городской голова губернского города.

В историографии городского самоуправления, особенно в дореволюционной, данный институт власти получил не самые лестные оценки². Действиями присутствия часто объяснялась неэффективность функционирования городских общественных органов. В частности, К.А. Пажитнов отмечал, что целесообразнее было бы рассматривать все пререкания в судебном порядке, следуя общим на-

¹ Правилова Е.А. Местное и центральное управление в России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). – С.42.

² Дитятин И. Статьи по истории русского права. – СПб., 1896. – С.221; Семенов Д.Д. Городское самоуправление. – СПб., 1901. – С.222.

чалам государственного права, а не создавать при каждом ведомстве орган для надзора³. Тем не менее данный институт власти нельзя назвать очередным бюрократическим образованием в российской модели государственного управления. Присутствие имело аналоги и в зарубежной муниципальной системе. Например, европейские административные суды – законодатели ориентировались, видимо, на пример французских префектур⁴. Но при российских реалиях во главе данного органа стоял губернатор, что ставит под сомнение беспристрастность и коллегиальность присутствия.

В данной статье мы рассматриваем характер взаимоотношений городских дум и Губернского по городским делам присутствия в Уфимской губернии. Как и в остальных губерниях, присутствие было создано в Уфе до введения Городового положения в губернии, именно в этом учреждении были подготовлены списки избирателей. В дальнейшем присутствие взяло на себя надзорные функции.

Присутствие должно было следить за законностью действий городских самоуправлений, разрешать споры городских учреждений с земскими и правительственными ведомствами. Однако на деле в отношениях с земскими органами создавалась двоякая ситуация. Если инициатива исходила от земства – дело рассматривало Губернское по городским делам присутствие. Но оно не могло разбирать жалобы городских самоуправлений на земства и сословные учреждения. В этих случаях, если губернатор отстранялся от дела, жалобы городских дум и управ направлялись непосредственно в Сенат. Что касается взаимоотношений городской думы с полицейскими органами, то при возникновении конфликтов между ними Губернское по городским делам присутствие в основном поддерживало сторону полицейского управления. Часто сам губернатор выступал с предложением об увеличении жалованья полицейским чинам, или о расширении штата служащих полицейского управления⁵. И когда городские думы по разным причинам, в основном из-за отсутствия денежных средств, отказывали полиции в материальной помощи, то решение это налагалось

---

³ Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. – СПб., 1913. – С.114.

⁴ Правилова Е.А. Местное и центральное управление в России: проблема правового регулирования отношений // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). – М., 1997. – С.40.

⁵ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.44. Л.20 об.

запретом Присутствия. Иногда случалось и наоборот. К примеру, в 1881 г. Губернское по городским делам присутствие отменило решение Мензелинской городской думы о выдаче вознаграждения полицейскому надзирателю в размере 50 рублей. Несмотря на отмену, дума все же постановила выдать эти деньги⁶. Кроме полиции, земства и сословных органов в Губернское по городским делам присутствие обращались также частные лица с просьбой о снижении оценочного сбора или об освобождении от него. Губернское по городским делам присутствие внимательно относилось к каждому ходатайству, но поскольку с такими просьбами обращались часто весьма не бедные люди, их просьбы в основном получали отказ⁷.

Целенаправленного контроля со стороны администрации над работой городской думы не было. В первую очередь, Губернское по городским делам присутствие следило за законностью постановлений и решений городских дум, особое внимание обращали на обязательные постановления. Например, Присутствие могло отменить решение городской думы из-за того, что данный вопрос не был заранее согласован с полицмейстером⁸.

Отклонение подавляющего большинства постановлений городских дум были обусловлены слабым знанием городскими управленцами правовой базы, отсутствием в городских управах юридически грамотных специалистов. Например, в Белебее в 1882 г. в городскую думу поступила жалоба на неправильное избрание гласного от 1-го разряда. Утверждалось, что последний состоит под следствием. Поскольку управе было неизвестно, чем закончилось уголовное дело 13-летней давности – решили оставить купеческого сына Коньшина в качестве гласного. Но Губернское по городским делам присутствие отклонило это решение⁹, что было вполне законно. В некоторых случаях городская дума сама обращалась за разъяснениями к Губернскому по городским делам присутствию. Так, в 1881 г. мензелинские гласные отправили запрос Присутствию по поводу членов управы – согласно Городовому положению, каждые два года половина чле-

⁶ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.56. Л.21.

⁷ Беседовская А.В. Система местного самоуправления на Южном Урале в период модернизации российского общества (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Оренбург, 2006. – С.252.

⁸ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.69. Л.88.

⁹ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.67. Л.100–101.

нов управы должна была обновляться, дума никак не могла прийти к единому мнению увольнять их или нет¹⁰.

Через Губернское по городским делам присутствие проходили проекты городских бюджетов. Присутствие обращало внимание, прежде всего, на так называемую обязательную часть расходов¹¹. К примеру, в 1880 г. присутствием было отменено решение Златоустовской городской думы, об отказе выписывать за городской счет «Сенатские ведомости»¹². С одной стороны, это противоречит самому принципу самоуправляющейся единицы, которая на деле не может даже решить самостоятельно на какую периодику подписываться. С другой – обязательные расходы на различные периодические издания, в том числе и на «Сенатские ведомости», не были существенными. К тому же в этой газете печатались все правительственные постановления и законодательные акты, муниципалитеты должны были быть в курсе изменений в законодательной сфере, ведь муниципальные центры были одной из единиц общеимперской системы. В целом, отмены многих положений росписи доходов и расходов носили кассационный характер, каждый отказ обосновывался многочисленными ссылками на законы. Из-за отсутствия четкой основы в российском законодательстве постоянно издавались уточняющие циркуляры и указания, сопоставление муниципальных законов с общеимперскими законодательными актами требовало скрупулезной работы. Если муниципалы в своей работе ориентировались на основной документ городской реформы – Городовое положение 1870 г., то контролирующий орган мог сослаться на другие законодательные акты, как, например, «Общее учреждение губернское» от 1846 г.¹³.

Конечно, при таком наложении противоречащих друг другу законодательных актов, Губернскому по городским делам присутствию и городской думе порой трудно было прийти к консенсусу, ведь решение можно было трактовать по-разному. В таких случаях третьей стороной выступал Правительствующий сенат. Городские думы Уфимской губернии, особенно дума губернского города, часто обжаловали решения Присутствия в Сенате. Так, в Уфе много прере-

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.56. Л.14.

¹¹ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.43. Л.15.

¹² ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.52. Л.105.

¹³ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.53. Л.31.

каний вызвало решение проблемы тайной проституции. Во многих пивных лавках имелись смежные комнаты, где промышляли девицы, часто выдавая себя за приказчиц или прислугу данного заведения. Уфимская городская дума несколько лет лоббировала закон о запрете женщинам работать в трактирах. Когда в 1883 г. Губернское присутствие отклонило решение думы, оно ссылалось на то, что данный запрет выходит за пределы компетенции городской думы, поскольку на общеимперском уровне не было закона, запрещающего женщинам работать в пивных лавках. Тем не менее гласные думы сумели обжаловать решение Присутствия в Сенате, который утвердил постановление Уфимской городской думы¹⁴.

Особое внимание у губернских властей вызывали обязательные постановления городских дум, они принимались в области торговли, санитарии, благоустройства. Право издания обязательных постановлений указывало на то, что городские думы являлись самостоятельными субъектами законотворчества. Оно свидетельствовало о том, что система управления государством усложнялась. В этой связи, неизбежно вставал вопрос о необходимости создания местных нормативно-правовых актов, учитывающих региональные потребности¹⁵. По мере внедрения Городового положения, расширялся и круг предметов, по которым городские думы могли издавать обязательные постановления. Например, добавились вопросы о времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в воскресные и праздничные дни (19 марта 1874 г.), о мерах безопасности от домашних животных (12 ноября 1880 г.)¹⁶. При этом городские думы часто видоизменяли изданные обязательные постановления. Губернское по городским делам присутствие выступало против таких изменений, например, когда делались исключения из правил для отдельно взятых мест или людей¹⁷, что также было вполне справедливо. Поскольку опыта издания подобных нормативно-правовых актов у городских дум не было, центральные и губернские власти пытались оградить население от незаконных постановлений городских

¹⁴ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.108. Л.63.

¹⁵ Асанов Р.Ф., Иванютина Е.В. Городское самоуправление России во второй половине XIX века. – Нефтекамск, 2007. – С.91.

¹⁶ ПСЗРИ. Т. LV. – СПб., 1884. – С.630.

¹⁷ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.61. Л.24.

самоуправлений и ответственности за их нарушение. Очевидно, с этой целью Министерство внутренних дел уже в 1872 г. пояснило, что определение рода и размера ответственности за нарушение обязательных постановлений зависит от определения судебной власти, думы не могли устанавливать их самостоятельно¹⁸.

Иногда Губернское по городским делам присутствие выступало не только как юридический эксперт, но и принимало активное участие в городском хозяйствовании. Особое внимание члены присутствия уделяли вопросам городской экологии. Так, в Уфе в 1888 г. Губернское по городским делам присутствие запретило замачивать кожу в Долгом озере кожевникам Нижегородской слободы. Надо отметить, кожевники занимались данным промыслом в этой местности с 1802 г.¹⁹ Члены присутствия объясняли запрет возможными вредными последствиями для здоровья местного населения. По этой причине в центре внимания оказывались торговые лавки, городские бани и т.д.²⁰

Как уже было отмечено выше, Губернское по городским делам присутствие выполняло функции судебно-административного органа. Между тем, не совсем ясно место Губернского по городским делам присутствия во всей судебной системе. Ряд примеров указывают на относительную независимость данного учреждения. К примеру, в 1873 году Уфимская палата уголовного и гражданского суда вынесла решение об обвинении членов Уфимской городской управы и городского секретаря в неправильных действиях по службе, в частности ими были допущены ошибки при составлении рекрутских списков мещан. Однако Губернское по городским делам присутствие признало постановление неверным²¹, если городской голова П.В. Попов уже не возвращался к общественной службе, то некоторые члены управы продолжали службу городу и после этого случая²².

С 1871 по 1881 гг. Губернским по городским делам присутствием было отменено очень небольшое количество дел Уфимской городской думы. В некоторые годы (1875 и 1880) все 194 и 165 постановлений городской думы были утверждены. Максимальное количество

¹⁸ ПСЗРИ. Т. XLVIII. Собрание второе. – СПб., 1875. – С.140.

¹⁹ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.101. Л.8–10.

²⁰ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.107. Л.172.

²¹ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.55. Л.135, 135 об.

²² Справочная книжка Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – С.88.

отмененных постановлений (6) приходится на 1872 г., но даже эта цифра при сравнении с общим количеством принятых постановлений (128) – незначительна²³.

На рассмотрение Губернского по городским делам присутствия дела поступали по-разному: по усмотрению губернатора, реже – по жалобе городских обывателей. Например, в 1880 г. в Уфимской губернии губернатором передано в Губернское по городским делам присутствие 31 постановление городских дум. Из них 20 – по непосредственному усмотрению губернатора, 8 – вследствие поступивших к ним жалоб, 3 – согласно закону от 1 января 1876 г., по которому в губернском присутствии рассматриваются составляемые ежегодно городскими думами списки питейных заведений в городах²⁴. В 1880 г. случаев приостановлений лично губернатором постановлений городских дум не было. Следует отметить, что городские управы не очень оперативно информировали губернатора о происходящих в думе делах. Так, копии с определений думы, по его замечанию, доставлялись ему с большим опозданием, иногда на целый месяц²⁵.

Таким образом, Губернское по городским делам присутствие выступало катализатором процесса муниципализации, выступая не только, как юридический эксперт и третейский судья, но и в качестве активного участника городского хозяйствования. Более высокообразованная коллегия присутствия, состоявшая в основном из дворянско-чиновничьей прослойки, была призвана корректировать не всегда компетентные действия купеческо-мещанских городских дум. В то же время, нельзя отрицать и субъективный фактор, имеющийся в работе Губернского по городским делам присутствия. Мощное влияние оказывало фигура председательствующего губернатора. Но частые обращения городских дум к Правительствующему сенату (то есть, выражая свое несогласие с решением Губернского по городским делам присутствия) позволяют утверждать, что муниципалитеты обладали некоторой самостоятельностью и именно в пореформенный период зарождались основные принципы гражданского общества.

²³ Обзор деятельности городского управления и положения городского хозяйства г. Уфы с 1870 по 1881 год. – Уфа, 1881. – С.75.

²⁴ Извлечения из всеподданнейшего отчета члена Государственного совета и сенатора Ковалевского по ревизии губерний Казанской, Уфимской и Оренбургской / РГБ.

²⁵ ЦГИА РБ. Ф.И–11. Оп.1. Д.100. Л.101.

Гасимова А.А.

**Механизм расширения власти губернаторов
накануне отмены крепостного права**

На протяжении второй четверти XIX в. правительство неоднократно обсуждало вопрос об усилении коронной власти в губерниях. Эта проблема рассматривалась в Секретном Комитете 6 декабря 1826 г. В результате обсуждений был издан Наказ гражданским губернаторам 1837 г., который закрепил должностные полномочия начальников губерний. В связи с предстоящими реформами в 1856 г. по указу императора были собраны мнения начальников губерний «о расширении губернаторской власти». Проблема «сильной власти на местах» предусматривала упрочнение полномочий губернаторов или учреждение временных генерал-губернаторств¹.

В середине XIX века основные права и обязанности губернаторов продолжали регламентироваться «Общим наказом гражданским губернаторам», утвержденным 3 июня 1837 г.² Этот «Наказ» почти без изменений вошел в статьи 357–706 Свода законов российской империи 1857 г., очертив общий круг многочисленных обязанностей начальников губерний³. Губернаторские служебные полномочия подразделялись в нем на 14 разделов. На начальников губерний ложились следующие функции: надзор, финансовая деятельность, военная, полицейская и судебная. Для реализации многочисленных обязанностей в его подчинении находились: губернская канцелярия, губернское правление, полиция, комитет общественного призрения,

---

¹ Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. – М., 1984. – С.112.

² Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (Далее – ПСЗ-2). Т. XII. Отд.1. № 10303.

³ Блинов И.А. Губернаторы: историко-юридический очерк. – СПб., 1905. – С.201–251; Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х годов XIX века. – М., 1991. – С.14–29; Манько А.В. Блюстители верховной власти: институт губернаторства в России. Исторический очерк. – М., 2004. – С.27–35; Алексушин Г.В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917): исторический опыт и уроки / Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2008.

различные комитеты и комиссии⁴. Однако, несмотря на большой объем полномочий, губернатор лишь на бумаге был «хозяином губернии», так как ряд отраслей управления фактически были вне его компетенции⁵. Формально он находился в одинаковой зависимости от всех министерств и ведомств, хотя его должность относилась к числу классовых должностей Министерства внутренних дел. Все делопроизводство о назначении, увольнении, перемещении губернаторов велось в департаменте общих дел МВД. Министр внутренних дел являлся непосредственным начальником всех российских губернаторов. Этим ведомственным подчинением и объясняется преимущество охранительных функций губернаторов. Наделенные законодателем чрезмерным объемом власти, будучи «исполнителями и оберегателями законов», правители губерний оставались пассивными исполнителями предписаний. Губернаторы не имели права издавать новые постановления или изменять действовавшие. «Наказ» 1837 г. ограничивал проявление их личной и должностной инициативы. В условиях подготовки и проведения Великих реформ эта узаконенная правовая инертность в отношении губернаторов перестала устраивать верховную власть. Предстояло пересмотреть «пределы их власти» в интересах реализации предстоящих реформ.

Отмена крепостного права прорабатывалась деятельностью секретных комитетов. Начало им было положено в правление Александра I⁶. Основная организационная инициатива их проведения принадлежала Николаю I⁷. При Александре II наступил завершающий этап в деятельности секретных комитетов по крестьянскому вопросу. На заседании секретного комитета 3 января 1857 г. под председательством императора было решено приступить «к освобождению постепенному, без крутых и резких переворотов, по плану тщательно и зрело во всех подробностях обдуманному»⁸. 18 августа 1857 г.

⁴ Морякова О.М. Система местного управления в России при Николае I. – М., 1998. – С.218–221.

⁵ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть... – С.23.

⁶ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. – М., 1990. – С.102.

⁷ Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. – М., 2005.

⁸ Цит. по: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – С.77.

план реформ, предложенный последним секретным комитетом, был утвержден императором⁹. С этого момента обсуждаемое реформирование стало реальностью. Инициатива отмены крепостного права исходила от верховной власти. Александр II желал представить дело так, будто «улучшение быта помещичьих крестьян» исходит от дворянства. Для этого был необходим прецедент. Александр II поручил генерал-губернатору В.И.Назимову добиться «инициативы» дворянства литовских губерний в вопросе освобождения крестьян, под угрозой введения невыгодных инвентарных правил. На что последовало согласие дворян трех литовских губерний¹⁰. Этими событиями правительство и воспользовалось для начала реализации отмены крепостного права в масштабах всей страны.

24 ноября 1857 года копии рескрипта Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору, а также секретное отношение министра внутренних дел были разосланы всем губернаторам и губернским предводителям дворянства в качестве «сведения» для побуждения новых инициатив. Министр внутренних дел С.С. Ланской специальным отношением пояснял губернаторам предназначение этих документов. В документе четко прописывалось: «для сведения и соображения на случай, если бы дворянство вверенной вам губернии изъявило подобное желание»¹¹. Через губернаторов правительство стремилось побудить дворянство к открытию губернских комитетов по образцу западных губерний.

Рассмотрим как вовлекались губернаторы в дело открытия губернских комитетов по «улучшению быта крестьян». Открытие комитетов во многом зависело от личной позиции начальников губерний в деле эмансипации. В числе первых провинциальных губерний рескрипт был дан на имя нижегородского губернатора, сторонника эмансипации А.Н. Муравьева 24 декабря 1857 г. в качестве ответа

---

⁹ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – С.80.

¹⁰ Комзолова А.А. Политика самодержавия в северо-западном крае в эпоху великих реформ. – М., 2005. – С.25; Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – С.79.

¹¹ 1857 г. 10 декабря. Конфиденциальные циркулярные письма к начальникам губерний и губернским предводителям дворянства // Сборник правительственных распоряжений оп устройству быта крестьян за 1857–1875 гг. – СПб., 1885. – С.68–69.

на постановление нижегородского дворянства, изъявившего согласие на подготовку реформы. На деле оказалось, что нижегородское дворянство «побуждаемое советами губернатора и воспоминанием о славных патриотах кн. Пожарском и Кузьме Минине», не знало об условиях устройства быта крестьян¹². Поэтому нижегородские помещики направили в Петербург депутацию с заявлением, что принятое им постановление явилось результатом «недоразумения», и дворянство не согласно приступить к обсуждению вопроса об улучшении быта крестьян на началах, изложенных в рескрипте¹³.

Ходатайства дворян на «высочайшее имя» предоставили возможность МВД начать работу по координации и использованию административного ресурса губернаторов в деле отмены крепостного права. Для начала С.С. Ланской направил в губернские правления высочайший рескрипт. К нему прилагалось дополнительное отношение, в котором прописывались условия открытия дворянского комитета, его состав, круг обсуждаемых вопросов, а также полномочия губернатора. Согласно рескрипту, в губернский комитет под председательством предводителя дворянства на выборной основе входили по два помещика от каждого уезда, а также «два опытных помещика» по «непосредственному назначению» губернатора¹⁴. В дополнительном секретном предписании министра внутренних дел начальникам губерний разрешалось утверждать всех членов и кандидатов, избираемых дворянством, и только с их разрешения комитет мог пригласить на свои заседания помещиков «кои могут доставить полезные для комитета сведения». Из этого следует, что формирование состава дворянских комитетов происходило при несомненном контроле со стороны губернатора и при непосредственном их участие. Кроме того, комитеты обязывались постоянно держать губернатора в курсе всех дел¹⁵. Секретное отношение С.С. Ланского

---

¹² Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Т.1. – Берлин, 1860. – С.273.

¹³ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – С.86.

¹⁴ Рескрипт Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору. 5 декабря 1857 г. // Сборник правительственных распоряжений... – С.6.

¹⁵ Начальникам губерний. Дополнительное отношение министра внутренних дел // Сборник правительственных распоряжений... – С.50, 52–53.

заключало в себе «соображения» министерства, и, возможно, всего правительства, «на существовавший в это время план крестьянской реформы»¹⁶. В нем впервые подробно оговаривался механизм воздействия губернаторов на ход реформ. А создаваемая обстановка секретности свидетельствовала об опасениях сторонников «эмансипации» неверного толкования в обществе их намерений¹⁷. Об опасениях властей также свидетельствовал секретный циркуляр от 10 декабря 1857 г. По нему губернаторы должны были «самым откровенным образом» сообщать министру внутренних дел «частными письмами в собственные руки» о том, «какое впечатление произвели распоряжения» правительства в губернии¹⁸.

Первоначально в печати запрещено было обсуждать крестьянский вопрос, и только с высочайшего повеления от 8 января 1858 г. проект освобождения крестьян вступил в стадию гласного всенародного обсуждения¹⁹. Практика же секретных делопроизводственных сношений между МВД и губернаторами не прекращалась. С развитием реформ она получила самое широкое применение.

Текст «Высочайшего рескрипта» обязывал губернаторов руководить организацией дворянских комитетов. Их первоочередной обязанностью становилось «наблюдение и направление сего важного дела по губернии». Губернаторам предписывалось «дать комитету надлежащие наставления для успешного выполнения, возлагаемых на него обязанностей», но при этом они не должны были вмешиваться непосредственно в разработку проекта. Далее составленный каждым губернским комитетом проект должен был через министра внутренних дел поступить на рассмотрение к императору. При этом указывалось, что губернаторы могут добавить к нему «собственное мнение»²⁰. В упомянутом секретном отношении С.С. Ланского, губернатор получил право требовать представления ему комитетских журналов, право

---

¹⁶ Иванюков И. Падение крепостного права в России. – СПб., 1903. – С.24.

¹⁷ Материалы для истории... – Т.1. – С.171.

¹⁸ 1857 г. 10 декабря. Конфиденциальные циркулярные письма к начальникам губерний и губернским предводителям дворянства // Сборник правительственных распоряжений... – С.70.

¹⁹ Корнилов А.А. Крестьянская реформа. – СПб., 1905. – С.52.

²⁰ Рескрипт Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору. 5 декабря 1857 г. // Сборник правительственных распоряжений... – С.6.

ставить свои замечания на обсуждение комитета и право закрывать комитеты, если они уклонялись от своего назначения. Так, на этапе обсуждения проектов освобождения крестьян, в интересах продвижения реформ законодатель существенно расширил права и обязанности губернаторов, особенно по отношению к дворянству.

В условиях возрастания общественной активности в рескрипте немало внимания уделялось охранительным задачам. Губернаторам предписывалось «строго соблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь в должном повиновении помещикам, не внимали никаким злонамеренным внушениям и лживым толкам»²¹. В секретном отношении к этому добавлялось, а «помещикам внушать постоянно, что от взаимного лишь исполнения обязанностей зависит сохранение обоюдных выгод и общего спокойствия»²². На губернаторов возлагалась обязанность «бдительно следить за распространителями ложных известий, которые могут нарушить общественное спокойствие, и в нужных случаях, принимать самые решительные меры для пресечения зла в начале»²³. Указания на сохранение порядка и спокойствия в губернии неоднократно повторялись и дальше в ходе реформы в виде многочисленных рескриптов и циркуляров, спускаемых сверху.

Открытию губернских комитетов для составления проектов об улучшении быта помещичьих крестьян предшествовали уездные съезды и дворянские собрания. Решения губернаторов при организации выборов в дворянские комитеты, не предусмотренные рескриптом, регулировались посредством дополнительных «высочайших повелений». К примеру, в результате запроса начальника Казанской губернии о выборе членов в дворянские комитеты в уездах, где мало дворян, высочайшим повелением от 2 июня 1858 г. разрешалось в подобных случаях «определять порядок выбора членов от сих уездов по ближайшему их (начальников губерний – Г.А.) усмотрению, сообразно местным обстоятельствам»²⁴. Постепенно в течение 1858 г. во всех губерниях были открыты губернские комитеты.

---

²¹ Рескрипт Санкт-Петербургскому военному генерал-губернатору. 5 декабря 1857 г. // Сборник правительственных распоряжений... – С.6.

²² Циркуляр. 1857 г. 8 декабря. № 42. Начальникам губерний // Сборник правительственных распоряжений... – С.69.

²³ Там же.

²⁴ Высочайшее повеление. 1858 г. 2 июня. О выборе членов в дворян-

За открытием и работой дворянских комитетов пристально наблюдало МВД. С.С. Ланской посылал начальникам губерний циркулярные письма, которыми руководил их действиями в отношении деятельности комитетов. В циркуляре от 20 марта 1858 г. губернаторам сообщалось, что комитеты «могут не входить в суждения» об устройстве местного управления и полиции в уездах в связи с разработкой этого вопроса правительством²⁵. Циркуляром от 30 августа 1858 г. губернаторам указывалось, что устройство быта владельческих фабричных или заводских людей «не относится до предмета занятий губернских дворянских комитетов»²⁶. Комитетам предлагалось составить «соображения» об устройстве быта крестьян мелкопоместных имений²⁷. Циркуляры обязывали губернаторов «препроводить» программу занятий комитетов²⁸, «предложить на обсуждение» устройство сельских обществ в помещичьих селениях²⁹, учреждения для разбора «недоумений» и споров между помещиками и крестьянами³⁰, или указать комитетам, чтобы они объяснили «в чем будет состоять предложенное ими улучшение быта крестьян»³¹. Таким вот

ские комитеты в губерниях, где мало дворян // Сборник правительственных распоряжений... – С.19–20.

²⁵ Циркуляр. 1858 г. 20 марта. № 42. Начальникам губерний. О предметах, не подлежащих обсуждению губернских комитетов // Сборник правительственных распоряжений... – С.74.

²⁶ Циркуляр. 1858 г. 30 августа. Начальникам губерний. По вопросу об устройстве быта владельческих фабричных и заводских людей // Сборник правительственных распоряжений... – С.94.

²⁷ Циркуляр. 1858 г. 16 апреля. № 60. Начальникам губерний. По высочайшему повелению о собрании сведений о мелкопоместных имениях // Сборник правительственных распоряжений... – С.77.

²⁸ Циркуляр. 1858 г. 21 апреля. № 64. Начальникам губерний. По высочайшему повелению с препровождением программы занятий губернских комитетов // Сборник правительственных распоряжений... – С.78.

²⁹ Циркуляр. 1858 г. 16 мая. № 83. Начальникам губерний. С препровождением предложения об устройстве сельских обществ в помещичьих селениях и об учреждении волостей // Сборник правительственных распоряжений... – С.83.

³⁰ Циркуляр. 1858 г. 16 мая. № 84. Начальникам губерний. По высочайшему повелению. С препровождением предложений об устройстве // Сборник правительственных распоряжений... – С.86.

³¹ Циркуляр. 1858 г. 16 ноября. № 203. Начальникам губерний. По вы-

вмешательством через губернаторов и «членов от правительства» в составе комитетов, центральная власть стремилась направить их работу в нужное русло. Об этом также свидетельствует тот факт, что при создании «особых редакционных комиссий для составления комитетских журналов и проекта крестьянского положения» в ее состав (кроме трех помещиков) должен был входить один член от правительства, назначаемый губернатором³².

Помимо надзора за деятельностью дворянских комитетов МВД наблюдало и за деятельностью губернаторов. Начальники губерний должны были предоставлять министру внутренних дел «краткие донесения о ходе занятий губернского комитета два раза в месяц: за первую и вторую половину каждого месяца»³³, заполняя сведения по специальной форме, которая рассылалась дополнительным циркуляром³⁴. Привлекает внимание третья графа, которая должна была заполняться предложениями начальника губернии. По ней можно было судить об отношении самого губернатора к условиям предстоящей отмены крепостного права.

После завершения деятельности дворянских губернских комитетов, на начальников губерний, согласно циркуляру от 7 декабря 1860 г.³⁵, возлагалось открытие в губерниях временных комитетов. Во временный комитет под личным председательством губернатора входили губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, губернский прокурор, два члена от дворян, которые приглашались министром внутренних дел (по предварительному обсуждению с губернатором), два представителя от дворян, избранных собранием губернских и уездных предводителей дворянства. На начальника губернии возлагалось назначение особого секретаря, канцелярских чиновников из канцелярии губернатора и других подведомственных губернатору учреждений. Основной

сочайшему повелению. Об объяснении комитетами, в чем будет состоять улучшение быта крестьян // Сборник правительственных распоряжений... – С.95.

¹² НАРТ. Ф.1. Оп.2. Д.1478. Л.47.

³³ НАРТ. Ф.1. Оп.2. Д.1487. Л.1.

³⁴ Там же. Л.3–4.

³⁵ Циркуляр. 1860 г. 7 декабря. № 161. Начальникам губерний. По высочайшему повелению. Об учреждении в губерниях особых временных комиссий // Сборник правительственных распоряжений... – С.100–102.

обязанностью временной комиссии было составление «сведений о помещиках и их имениях в губернии». Эти списки должны были быть составлены под «ближайшим наблюдением и руководством» губернатора, а затем разсланы земским исправникам для проверки. Окончательный вариант списков губернатор обязан был предоставить министру внутренних дел. Кроме того, начальник губернии должен был предоставить министру внутренних дел сведения о помещиках «известных своею опытностью и благонамеренностью в управлении имениями». Последняя задача была подготовительной мерой для будущего избрания мировых посредников.

В циркуляре, как и в предыдущих документах, прописывалось «действовать со всевозможною осторожностью, приняв меры, чтобы настоящее распоряжение не дало повода к каким-либо толкам и суждениям». В дополнение к вышеизложенному документу, в циркулярном письме от 13 декабря 1860 г., в связи с распространением слухов об издании к новому году положений о крестьянах, вновь акцентировалось внимание губернаторов на необходимость «поддержания строгого порядка особенно необходимого для мирного введения в действие новых положений»³⁶.

Обращалось внимание начальников губерний на состав временных комитетов «дабы, при получении на местах положений не произошло никакой остановки в их распубликовании и дальнейших распоряжениях по крестьянскому делу». Подчеркивалось, что «никогда местным учреждениям не предстояло столь важного круга деятельности и в таких широких размерах, как предполагается в настоящем случае. От удачного выбора лиц в учреждаемые комиссии будет зависеть не только благосостояние двух сословий, но и спокойствие целого края». В связи с этим рекомендовалось пригласить пять членов из дворян помещиков, утверждаемых губернатором.

Кроме направления и регламентации деятельности губернских дворянских комитетов на начальников губерний возлагались и другие обязанности, связанные с урегулированием отношений между крестьянством и помещиками. Губернаторам поручался контроль над соблюдением губернским правлением правил переселения по-

---

³⁶ Циркуляр. 1860 г. 13 декабря. Дополнение к циркуляру № 161 // Сборник правительственных распоряжений... – С.102–104.

мещичьих крестьян в Сибирь, по просьбе их владельцев³⁷, личное наблюдение над предоставлением помещиками крепостных людей своих в распоряжение правительства³⁸ и переселением помещиками своих крестьян с одних земель на другие³⁹.

Анализ циркулярных предписаний МВД позволяет сделать вывод, что в период подготовки Великих реформ «расширение и усиление власти губернаторов» происходило посредством ведомственной регламентации их деятельности. Таким способом верховная власть наделяла «своих агентов» необходимым объемом власти для реализации своих замыслов.

---

³⁷ Циркуляр. 1858 г. 26 августа. № 158. Начальникам губерний. Об исполнении правил для переселения в Сибирь мещичьих крестьян // Сборник правительственных распоряжений... – С.93.

³⁸ Циркуляр. 1858 г. 6 декабря. № 219. Начальникам губерний. О наблюдении за правильным предоставлением помещиками своих крестьянских людей // Сборник правительственных распоряжений... – С.96–97.

³⁹ Циркуляр. 1858 г. 10 декабря. № 224. Начальникам губерний. О правилах для переселения помещиками своих крестьян // Сборник правительственных распоряжений... – С.97.

Долгов Е.Б.

«Заступник угнетенных и возбудитель дел безгласных»: о судебных функциях российских губернаторов в XVIII – первой половине XIX вв.

Областные реформы Петра Великого привели к возникновению института губернаторов как руководителей российской провинции. Как известно, 18 декабря 1708 г. вся страна была разделена на губернии, во главе которых поставлены губернаторы. Последние назначались на должность и увольнялись именными указами государя и обладали чрезвычайными полномочиями, объединяя в своих руках административные, военные, полицейские, финансовые и судебные функции. Они являлись высшими чиновниками абсолютной монархии на местах и опирались на общегосударственные законы, дополненные особыми инструкциями («Инструкция воеводам» 1719 г., «Наказ губернаторам» 1728 г., «Наставление губернаторам» 1764 г., «Общий наказ губернаторам» 1837 г. и др.).

Стремясь преобразовать судоустройство в России, Петр I, однако, не смог отделить суд от администрации, и губернаторы принимали большое участие в отправлении правосудия. Указом от 4 сентября 1713 г. им и особо назначенным судьям царь поручил ведение суда в губернии¹, а впоследствии на основании именных указов от 17 марта и 8 декабря 1714 г. губернаторы выслушивали апелляции на решения комендантов в городах по гражданским искам, причем жаловаться на самих областных руководителей можно было только в Сенат². Даже тогда, когда в ходе Судебной реформы 1719 г. в каждой губернии создан надворный суд, а в городах – нижние суды, подчинявшиеся Юстиц-коллегии, губернатору, по указу от 4 февраля 1719 г., поручалось наблюдение за вновь открытыми судебными учреждениями³. Кроме того, они стали «ходатаями и заступниками всех бедных людей, не могших найти правильным путем законного

¹ Полное собрание законов Российской империи. – Собр.1. – СПб., 1830 (далее ПСЗ-1). – Т.5, №2710.

² Там же. – №№ 2787, 2865.

³ Там же. – №№ 3294, 3344, 3404.

удовлетворения в судебных местах»⁴. Там, где нижние суды не открывались, судопроизводство оставалось в компетенции областных и провинциальных административных властей. 12 марта и 4 апреля 1722 г. последовали указы «об уничтожении судей от Юстиц-коллегии во всех городах, за исключением тех, где имеются надворные суды» и «об отдаче судебных дел в ведение губернаторам, вице-губернаторам и воеводам»⁵.

При приемниках Петра I судебные полномочия областных руководителей были восстановлены в полном объеме, а «надворные суды и все лишние управители, канцелярии, конторы и комиссары упразднены, суд и расправа по делам судным и розыскным возложены на губернаторов и воевод»⁶. Жалобы на судебные решения последних подавались в Юстиц-коллегию и Сенат. Вплоть до реформы 1775 г. губернаторы действовали не только как администраторы, но и как судьи. Так, согласно «Наставлению» 1764 г. тяжёлые (т.е. гражданские) дела рассматривались в губернской канцелярии, и в случае разногласия ее членов начальник губернии выносил решение сам⁷. Вместе с тем, в вышеуказанном документе говорится о том, что губернатор «недремлющим оком в губернии своей взирает на то, чтоб все и каждый по званию своему исполнял с возможным радением свою должность, ... чтоб правосудие и истинна во всех судебных подчиненных ему местах обитали, и чтоб ни знатность вельмож, ни сила богатых, совести и правды помрачить, а бедность вдов и сирот, тщетно проливая слезы, в делах справедливых утеснена не была»⁸.

Что касается уголовных дел, то губернаторы с самого начала должны были заботиться о предупреждении преступлений, преследовать лиц без «надлежащих видов на жительство», ловить беглых, «искоренять воров», защищать частных лиц от разных насилий, включая посылку войск для уничтожения разбойничьих «шак»,

---

⁴ Там же. – № 3298.

⁵ Там же. – Т.6, №№ 3917, 3935; Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия. – СПб., 1891. – Т.6. – С.436.

⁶ ПСЗ-1. – Т. 7, №№ 5017, 5033; Т.8, № 5333.

⁷ Там же. – Т.16, № 12137. Апелляцию на решение губернатора можно было направить только в Сенат.

⁸ ПСЗ-1. – Т.16, № 12137.

наблюдать за следствием и, наконец, ему поручалось производство уголовного суда⁹.

Большая часть розыскных дел подлежала суду воевод, которые представляли приговоры на ревизию губернского начальника по сенатскому указу от 5 мая 1727 г.¹⁰ Дела о тяжких уголовных преступлениях (татьба, разбой, убийство, совращение православных в иную веру и т.д.) рассматривались губернатором и его товарищами (заместителями)¹¹.

Учреждения о губерниях 1775 г. сформулировали и упрочили административную и судебную систему в стране. Губернская реформа Екатерины Великой надолго становится памятником широких теоретических взглядов, превосходной подготовки и глубокого понимания практической стороны дела и средств для совершения задуманного намерения законодателя. Следует отметить, что несмотря на то, что долгий и тяжелый опыт соединения административных и судебных обязанностей в руках одного лица был признан неудачным, при Екатерине II и ее наследниках начальники губернии сохранили известное участие в местном судопроизводстве, хотя и в меньшей степени, чем их предшественники. В самом Учреждении 1775 г. говорилось о том, что губернаторы не судьи. Они лишь наблюдали за правильным действием судей по гражданским делам. А наместники являлись «заступниками угнетенных и возбудителями дел безгласных», но и им воспрещалось вторгаться в отправление правосудия¹². Общее запрещение генерал-губернаторам и губернаторам рассматривать решения палат гражданского суда по тяжбым делам и приостанавливать их исполнение за немногим исключением неоднократно подчеркивалось и в дальнейшем вплоть до «Наказа губернаторам» 1837 г.¹³

---

⁹ Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. – СПб., 1864. – С.130–131.

¹⁰ ПСЗ-1. – Т.7, № 5069.

¹¹ Там же. – № 5218; Т.8, № 5338.

¹² Там же. – Т.20, № 14392, статьи 82, 85.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. – Собр.2. – СПб., 1838 (далее ПСЗ-2). – Т.12. – Отд.1, № 10303, §§262, 263.

Однако в уголовном судопроизводстве губернские руководители сохранили гораздо больший объем полномочий. Генерал-губернаторы и губернаторы утверждали приговоры уголовной палаты и даже приостанавливали их исполнение, донося о случившемся в Сенат¹⁴. Указы от 4 августа 1781 г., 13 октября 1785 г., 18 октября 1800 г. и 23 мая 1805 г. предписывали предоставление приговоров палаты уголовного суда в отсутствие наместников прямо гражданским губернаторам¹⁵. Со времен императора Александра I все следственные и уголовные дела, решаемые в палате уголовного суда, было повелено выносить на утверждение к гражданскому губернатору¹⁶. Сенат получил право делать выговоры последнему, если он соглашался с теми решениями уголовной палаты, которые затем признавались незаконными¹⁷. Между прочим, после «Казанского инцидента», который привел к отрешению от должности военного и гражданско-губернаторов П.Д. Пущина и А.И. Муханова, в сентябре 1801 г. был издан указ Александра I о запрете применения пыток в России. В нем, в частности, говорилось: «С крайним огорчением дошло до сведения моего, что по случаю частых пожаров в г. Казани, взят был под подозрению в зажигательстве один тамошний гражданин под стражу, был допрошен и не признался, под пытками и мучением, исторгнуто у него признание, и он предан суду. В течение суда везде, где было можно, он, отрицаясь от вынужденного признания, утверждал свою невинность; но жестокость и предубеждение не вняли его гласу – осудили на казнь». Указывая затем Сенату на необходимость подвергать суду виновников злоупотребления властью, царь повелел «сделать повсеместно во всей империи наистрожайшие подтверждения, чтобы нигде, ни под каким видом...никто не дерзал делать... никаких истязаний под страхом...наказания, чтобы самое название пытки стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной»¹⁸. С 1832 г. высший судебный орган России уже не мог отменить приговора уголовной палаты, утверж-

¹⁴ ПСЗ-1. – Т. 20, № 14392, статьи 86, 113; Т.21, № 15204; Т.22, № 16276; Т.26, № 19609; Т.28, № 21763.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Сенатский указ от 4 мая 1803 г. – ПСЗ-1. – Т.27, № 20745.

¹⁷ Именной указ от 22 сентября 1809 г. – ПСЗ-1. – Т.30, № 23855.

¹⁸ ПСЗ-1. – Т.26, № 20022.

денного губернатором и приведенного в исполнение¹⁹. В российском законодательстве первой половины XIX в. было предусмотрено также в некоторых случаях внесение своих приговоров по уголовным делам уездными судами, городскими магистратами и словесным судом на утверждение к начальнику губернии²⁰. Кроме того, на губернатора возлагались обязанности иметь надзор за судом над чиновниками, за тюрьмами, за производством следствия и исполнением приговоров по уголовным делам и др.²¹

Таким образом, на протяжении XVIII и первой половины XIX столетий все ветви губернской администрации сосредоточились в руках начальника губернии. Среди многочисленных обязанностей губернаторов важное место занимали его судебные функции. Все попытки реформаторов отделить суд от администрации и поставить управителей на надлежащие основания государственной ответственности встретили препятствия в самих условиях общественной жизни, в результате чего государство в лице областных руководителей взяло на себя заботы относительно развития общества, в том числе и в области обеспечения судопроизводства, прав человека и пр.

---

¹⁹ ПСЗ-2. – СПб., 1833. – Т.7, № 5221. В «Общем наказе гражданским губернаторам» 1837 г. точно определены полномочия губернатора по отношению к уголовному судопроизводству: приговор палаты уголовного суда считался действительным только после утверждения его начальником губернии. – ПСЗ-2. – СПб., 1838. – Т.12. – Отд.1, № 10303, §237.

²⁰ ПСЗ-1. – Т.28, № 21777; ПСЗ-2. – СПб., 1827. – Т.2, № 865; СПб., 1838. – Т.12. – Отд.1, №10303, §§239, 247.

²¹ Андреевский И.Е. Указ. соч. – С.149.

Ефимова В.В.

Влияние специфики Олонецкой губернии на эффективность деятельности нижних земских судов в 1-й четверти XIX в.

Известно, что неэффективность деятельности уездных полицейских чинов в 1-й пол. XIX в. была, в первую очередь, следствием действовавшего в этот период законодательства. Утвердившийся при Екатерине II порядок назначать или выбирать на вакансии земских исправников и даже дворянских заседателей отставных офицеров был подтвержден Александром I и окончательно закреплен созданием в 1814 г. Комитета о раненых¹. Эта практика приводила к тому, что офицеры, не зная особенностей гражданской службы, приносили из армии и своих поместий (если были к тому же владельцами крепостных) весьма специфический стиль управления гражданским населением, начиная от приказного тона и заканчивая рукоприкладством. Впрочем, законодатель полагал, что подобный стиль был наиболее подходящим для исполнения полицейских должностей. О том, насколько были грубы нравы полицейских чинов земских полиций свидетельствует масса дел, рассмотренных в этот период Олонецкой палатой уголовного суда, например: дело о самоуправстве дворянского заседателя Олонецкого земского суда Саблина и избииении им крестьянина Ларионова при расследовании обстоятельств дела о краже (1804–1806 гг.), дело о самоуправных действиях Повенецкого исправника Ешевского, выразившегося в избииении рассыльного Поликарпова (1810–1813 гг.); дело о самоуправных поступках, вымогательстве и об избииениях крестьян Лодейнопольского уезда уездным стряпчим Цыгановым и дворянским заседателем Кребером (1814–1826 гг.); дело о самоуправстве Лодейнопольского земского суда дворянского заседателя Евсеева и секретаря Нилова, избивших при следствии крестьян Филлипова и его малолетнего брата Дмитрия, их престарелой матери и беременной жены (1822–1824 гг.); дело об оскорблении и оклеветании асессора губернского правления Яльцова вытегорским земским исправником Заблоцким при исследовании

¹ ПСЗ-1. – Т.32, № 25642; Т.36, № 27682; 27787, 27825; Т.37, № 28318.

Яльцовым беспорядков в вытегорском земском суде². В частности, в последнем деле Заблоцкий обвинялся в том, что нанес «разные личные оскорбления», совершая при этом «неприличные» движения, не только Яльцову, но и всему губернскому правлению во главе с губернатором. Хотя за свои действия Заблоцкий и был удален от должности на время следствия, но эти действия, как подпавшие под Манифест 1826 г., а также по уважению его ран, были ему прощены. В результате Заблоцкий был восстановлен в прежней должности.

С другой стороны, законодатель понимал, что раны и болезни, полученные офицерами на военной службе, также не способствовали их эффективной и долговременной службе. Но отказаться от этой практики российские самодержцы не могли и не хотели, т. к. должны были заботиться о судьбе своих заслуженных офицеров-дворян, являвшихся опорой престола.

Еще одной причиной неэффективности службы земских полиций следует признать установленную «Учреждениями для губерний» 1775 г. обширную компетенцию, включавшую в себя собственно охрану общественного порядка, а также исполнительное производство, следственные, судебные и хозяйственно-социальные. Не случайно, если посмотреть «ведомости о занятиях» членов присутствий нижних земских судов, то большую часть они находились в разъездах по своим уездам. Так, например, в декабре 1824 г. из 21 присутственного дня каргопольский земский исправник Анастасов отсутствовал 12, дворянские заседатели Ражнов и Бек соответственно – 14 и 8 дней, т.к. все занимались в округе «рекрутской высылкой»; сельские заседатели Терешкин и Калуков отсутствовали 4 и 17 дней, т.к. взыскивали недоимки³.

Усугубляли положение чинов земской полиции оклады жалованья, не менявшиеся десятилетиями, провоцировавшие их на поиски незаконных источников доходов, взятки и другие злоупотребления. Так, например, согласно подтвержденному императором 31 июля 1802 г. штату Олонецкой губернии, отнесенной ко 2 разряду, в нижнем земском суде земскому исправнику полагалось жалованья 250 рублей в год, двум дворянским заседателям – по 200, двум сельским

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф.655. Оп.1. Д.20/166 А; Д.50/146; Д.67/542; 119/996; 126/1047.

³ НА РК. Ф.2. Оп.41. Д.12.

заседателям – по 60, секретарю – 200 рублей, на прочих канцелярских служащих и расход – 238 рублей⁴. Этот штат в большинстве великорусских губерниях не менялся до середины 30-х гг. XIX в.

Однако к этим, обусловленным самим законодателем причинам неэффективной деятельности нижних земских судов, присоединялись особые, свойственные только Олонецкой губернии. Впервые на специфику недавно восстановленной губернии⁵ обратил внимание императора и Сената в марте 1803 г. губернатор Ушаков. Прося увеличить оклады служившим в Олонецкой губернии чиновникам, он в записке государю писал: «сторона сия по жестокости климата и почти ничего к пропитанию не дающая» заставляет «все вообще припасы» завозить, что резко увеличивает их стоимость, а «производящиеся сюда на службу, будучи в крайности недостаточные, имея одним источником жалованье, терпят большую нужду», отчего даже «достойный чиновник становится по службе неуспешен»⁶. В результате, в 1804 г. все служившие в Олонецкой губернии чины по окладам жалованья были приравнены к служащим «по бывшей на Санкт-Петербургской губернии штату, состоявшемуся 1 января 1780 г.»⁷. Соответственно было увеличено содержание нижнего земского суда, а именно: земскому исправнику – 375 рублей в год, двум дворянским заседателям – по 300, двум сельским – по 100, а на канцелярских служащих и расход – по 847 рублей. Но это повышение не сняло с повестки дня различные злоупотребления земских судов (см., например, дело о злоупотреблениях и взятках чиновников Каргопольского уездного и земского суда (1803–1828), о взяточничестве Вытегорского исправника Амозова (1806); о притеснениях и поборах со стороны членов Вытегорского земского суда (1808–1821); о незаконном взимании денег и других злоупотреблениях Пудожского земского исправника Менченкова (1815–1826); по доносу крестьянина Однолеткова на Каргопольский земский суд, обременяющих

⁴ ПСЗ-1. – Т.27. – № 20353; РГИА. Ф.1341. Оп.1. Д.373. Л. 42–44.

⁵ Олонецкая губерния была впервые учреждена в 1784 г., упразднена в 1796 г. и вновь восстановлена в 1802 г. // ПСЗ-1. Т.21. № 15999; Т. 26. № 20004.

⁶ РГИА. Ф.1286. Оп.1. Д.195. Л.1–2.

⁷ ПСЗ-1. Т. 28. № 21174; НА РК. Ф.1. Оп.36. Д.8/2. Л.1.

крестьян незаконными сборами и несправедливыми дорожными повинностями (1819–1828))⁸.

Не менее сложной проблемой для вновь открытой Олонецкой губернии стало наполнение штатных должностей нижних земских судов. По общему закону земских исправников и дворянских заседателей необходимо было выбирать на губернских дворянских собраниях. Как мы знаем, этим законодатели – Екатерина II и Александр I, восстановивший Жалованную грамоту дворянству, – решали сразу две задачи: местный государственный аппарат пополнялся преданным престолу дворянством и экономились средства на его содержание, т.к. дворяне при небольших окладах жалованья могли содержать себя на доходы от своих имений.

Однако в Олонецкой губернии из-за крайне малого числа поместных дворян было весьма затруднительно не только провести выборы на губернском дворянском собрании, но и вообще его собрать. Первые выборы, состоявшиеся в Олонецкой губернии 2 января 1802 г., как докладывал в марте 1803 г. в уже упоминавшейся выше записке императору губернатор Ушаков, показали, что олонечское губернское дворянское собрание испытало трудности даже с выбором губернского предводителя, избрав в результате «чиновника коронной службы». Тогда, в качестве меры по исправлению положения, губернатор предложил присоединить два соседних уезда из Новгородской губернии, что, по его мнению, «увеличит число и дворянских имений» и приведет к тому, что вся процедура формирования местного государственного аппарата «сколько-нибудь будет соответствовать обряду в выборах общественных служб», «а город Вытегру сделать губернским городом»⁹.

Хотя эти предложения правительством не были одобрены, но в указе от 3 марта 1805 г. Олонецкая губерния была включена в список губерний, где устанавливался особый порядок определения земских исправников: отныне их назначал Сенат по представлению министра внутренних дел с одобрения губернатора. Выборы в должности дворянских заседателей земских судов были оставлены на прежнем основании. В 1811 г., после достаточно известных событий, произошедших на очередных дворянских выборах в Олонецкой губернии,

⁸ НА РК. Ф.655. Оп.1. Д.93, 127–131; 206; 488–490; 557; 768.

⁹ РГИА. Ф.1286. Оп.1. Д.195. Л.41–45.

они были отменены¹⁰. Попытка восстановить дворянские выборы, предпринятая в 1821 г. генерал-губернатором Архангельским, Вологодским и Олонецким А.Ф. Клокачевым, не удалась. Его приемник – С.И. Минацкий – в 1823 г. в своем мнении государю по поводу записки Клокачева высказался против, полагая более правильным «по весьма малому числу дворян до некоторого времени оставить это дело в таком положении как ныне состоит»¹¹. В результате дворянские выборы в Олонецкой губернии так и не были никогда обновлены.

Но даже окончательный переход в Олонецкой губернии к системе назначения на должности земских исправников и дворянских заседателей все равно не решил проблемы стабилизации корпуса уездной полиции при Александре I. Если судить по данным «Адрес-календарей» за 1802–1825 гг., в Петрозаводском нижнем земском суде служило 13 исправников и 22 дворянских заседателя, Олонецком – соответственно 5 и 16; Вытегорском – 6 и 19; Лодейнопольском – 10 и 17; Каргопольском – 4 и 13; Пудожском – 6 и 14; Повенецком – 4 и 15. Случаи многолетнего служения на одном и том же месте крайне редки. Среди земских исправников можно выделить 13-летнюю службу в Повенецком уезде В.И. Малевинского, 10-летнюю В.Б. Ешевского в Каргопольском уезде, 9-летнюю Ф.В. Суворова. Но что весьма показательно, два последних были сняты с должностей и преданы суду за разные незаконные действия и злоупотребления. При этом губернская администрация из-за крайнего недостатка табельных чиновников была вынуждена часто «тасовать одну колоду», т.е. многих, замеченных в нерадивости, самоуправстве и других злоупотреблениях земских исправников и дворянских заседателей, для минимизации наносимого им вреда, а иногда и во избежание привлечения их к уголовной ответственности, переводить на такие же должности в другие уезды или уездные суды.

Сельские заседатели в нижние земские суды хоть и выбирались крестьянскими обществами, но реального влияния на работу этих судов оказать не могли и, в первую очередь, из-за их малограмотности и незнания делопроизводства. Как правило, их использовали

¹⁰ ПСЗ-1. Т. 28. № 21648; Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762–1855 гг. – СПб., 1906. – С.333–334.

¹¹ НА РК. Ф.4. Оп.44. Д.412; РГИА. Ф.1409. Оп.1. Д.4177. Л.4.

для исполнения несложных поручений, например: сопровождения рекрутских партий и взимания недоимок.

И уж совсем плохо обстояло дело в нижних земских судах с канцеляристами, от которых, в немалой степени, зависел такой главный показатель эффективности деятельности любого государственного учреждения как количество решенных и нерешенных дел. Анализ же этих данных по отчетам Олонецкого губернатора Мертенса за 1804–1815 гг.¹² показал, что именно нижние земские суды давали самое большое число нерешенных дел. Так, например, в Петрозаводском нижнем земском суде нерешенных дел на 1 января 1804 г. числилось 9 (для сравнения – городническом правлении – 49), на 1 января 1809 г. – 181 (в городническом правлении – 19), на 1 января 1814 г. – 689 (в городническом правлении – 8)¹³.

Канцелярские служащие, согласно указу от 4 февраля 1803 г., должны были определяться на службу в каждой губернии самим губернским правлением. Первые представления о крайнем недостатке в Олонецкой губернии канцелярских служащих были поданы в Сенат губернатором Мертенсом в 1804 и 1809 гг. Однако ответа на них не последовало. Все же самостоятельные попытки Олонецкой администрации наполнить канцелярские места за счет семинаристов, а также приглашаемых через публикации из других губерний и направляемых Герольдией Сената, оказались безуспешными. Так, например, в 1819 г. в губернии в целом не хватало 90 канцелярских чиновников (в т.ч. секретарей в 4 из 7 нижних земских судов, а также 10 штатных канцеляристов в 6 из 7 судов), в 1820 г. – уже более 100. По данным же «Адрес-календарей» за 1802–1825 гг., в Петрозаводском нижнем земском суде сменилось 7 секретарей, Олонецком – 3 (при этом 2 года должность не замещалась), Вытегорском – 6 (и 2 года должность не замещалась), Лодейнопольском – 6 (и 2 года должность не замещалась), Каргопольском – 4 (и 2 года должность не замещалась), Пудожском – 4, Повенецком – 4. «Предпринятая в 1820 г. попытка генерал-губернатора Клокачева добиться разрешения готовить «для канцелярской службы из числа незаконнорожденных в губернской гимназии», не имела успеха: 15 ноября 1821 г.

---

¹² Отчеты олонечких губернаторов за 1816–1825 гг. в РГИА и НА РК отсутствуют.

¹³ РГИА. Ф.1281. Оп.11. Д.90, 91.

Комитет министров допустил «определять на службу законным порядком» только тех из них, «кои находятся в каком-либо свободном состоянии»¹⁴. Однако правительство в феврале 1821 г. все же «прибавило» по Олонецкой губернии сумму на канцелярские расходы¹⁵, чтобы хоть как-то «справляться» с делами до утверждения новых общих губернских штатов¹⁶.

Но и эта мера не дала положительных результатов – по представлению, сделанному Олонецким губернским правлением в июле 1824 г. генерал-губернатору С.И. Миницкому, в целом по губернии не хватало 70 канцеляристов (в т.ч. в 7 нижних земских судах не были замещены 42 штатные должности канцеляристов¹⁷). Главную причину незамещения канцелярских должностей правление видело в низких окладах. В частности оно писало: «никого нельзя убедить из-за малости жалованья», т. к. оно для канцелярских чинов составляет даже после удвоения с 1821 г. этих сумм не более 200 рублей каждому, а нижним чинам – от 80 до 100 рублей. «Такая же причина нужды в секретарях», далее писало правление, которых нет в самом губернском правлении и палатах, а также в нижних присутственных местах (в т.ч.

---

¹⁴ НА РК. Ф.1. Оп.36. Д.9/3, 37; Ф.183. Оп.1. Д.35, 37; Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО). Ф.1367. Оп.1. Д.36. Л.249–250, 371; РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.161. Л.24–38.

¹⁵ А, как известно, именно из сумм «на канцелярские расходы» происходили выплаты жалованья канцеляристам, которое распределялось губернской администрацией «по заслугам».

¹⁶ Имелись в виду разработанные 6–7 февраля 1820 г. особо составленным Комитетом из ряда генерал-губернаторов и военных губернаторов (в т.ч. был и Клокачев) «по вверенным им губерниям штатов присутственных мест, в уравнение их, сколько возможность позволяет, с окладами вновь присвоенных местам в Губерниях от Министерств зависящим» (речь шла, прежде всего, о горных и соляных дел, винных, таможенных, лесных и банковских местных учреждениях министерства финансов – В.Е.) // ГА АО. Ф.1367. Оп.1. Д.5.

¹⁷ Вместо штатных чиновников принимали вольнонаемных, которым приходилось, как следует из более позднего отчета Олонецкого губернатора Яковлева за 1829 г., не только платить выше, чем положено по штату за счет сумм на канцелярские расходы, но которые «не быв ограничены в законах, безбоязненно предаются пьянству, лености и корысти, могут так запутать дела и омрачить начальника, не подвергаясь сами ответственности по законам» // РГИА. Ф.1286. Оп.5 Д.672. Л.22.

в 3 из 7 нижних земских судов), а их жалованье в этих местах – по 250 рублей, «тогда как канцелярские чиновники в Казенной палате получают по 800 рублей». В заключении правление просило сделать прибавку к жалованью, по крайней мере, из-за дороговизны продуктов питания, а также разрешить определять на канцелярскую службу в Олонецкой губернии лиц податного состояния, как «это допущено по Питейной части указом 1818 г. для малочисленных дворянами губерний», или предоставить служащим здесь «какие-то особые выгоды»¹⁸. Представляется, что подвинуть Олонецкую губернскую администрацию выйти с такими представлениями в высшие инстанции (и особенно с последним из них) мог назначенный в 1821 г. Олонецкий губернатор А.И. Рыхлевский, служивший до этого несколько лет на Кавказе, где на этот момент, как и в некоторых других губерниях, уже были допущены некоторые из просимых мер. Миницкий признал данное ходатайство «заслуживающим уважения» и представил его от себя министру внутренних дел¹⁹. Однако добиться его удовлетворения при Александре I уже не успел.

Деятельность нижних земских судов в 1-й четверти XIX в. в Олонецкой губернии осложняло и абсолютное преобладание здесь в структуре сельского населения государственных (казенных) крестьян, составлявших, например, по данным 7-й ревизии (1815 г.) 93,9% от всех крестьян и 65,9% от общего числа ее населения²⁰. Незнавшее крепостного права, более подвижное в силу необходимости из-за рискованного земледелия зарабатывать на жизнь отхожими промыслами и наймом в услужение в Петербурге, крестьянство Олонецкой губернии было несомненно и более развитым по сравнению с крестьянством внутренних, более помещичьих по своему составу губерний. По убеждению Олонецкой губернской администрации имен-

¹⁸ РГИА. Ф.1286. Оп.3. Д.166–167. Л.1–38

¹⁹ Имеются в виду предоставленные в 1804–1805, 1814–1815 и 1822–1823 гг. особые льготы чиновникам, определяющимся на службу в Грузию, Сибирь и Кавказскую губернию, а также сделанное в отношении Могилевской и Херсонской губерний и Белостокской области исключение, которым разрешалось «впредь до утверждения составленных на сей предмет правил» принимать на канцелярскую службу лиц податного состояния // ПСЗ-1. Т.28. № 21273; Т.33. № 25926; Т.38. № 29106, 29125, 29175.

²⁰ Кабузан В.М. Изменения в размещении народонаселения России в XVIII – 1-й пол. XIX вв. – М., 1971. – С.132–133.

но «общение с другими местами» повредило народные нравы жителей этой губернии и породила в них «наклонность к обиде-клевете, обманам и вероломству». Впервые так нелицеприятно характеризовал население Олонецкой губернии в 1785 г. в своем историческом описании «О древности Олонецкого края и народах прежде обитавших» генерал-губернатор Т.И. Тутолмин²¹. В 1-й четверти XIX в. эта характеристика была не раз повторена главами Олонецкой губернии в представлениях по тому или иному поводу в высшие инстанции. Так, например, в декабре 1820 г. генерал-губернатор Клокачев, представляя министру внутренних дел дело об утверждении на должность вытегорского земского исправника бывшего каргопольского исправника Ешевского, среди причин необходимости сделать это указал, что жители Вытегорского уезда «имеют особую склонность к тяжбам и к ябедам, отчего много просьб и жалоб на чиновников, а в этом причина, почему нельзя находить чиновников для службы в этом уезде. Земские исправники – писал далее Клокачев – определяются Комитетом о раненых 18 августа 1814 г. из отставных за ранами офицеров, по прибытии в должность в самом скором времени оставляют оную – с 1819 г. переменялось 3 исправника от Комитета назначенных..., отчего дела еще терпят и приходят в запущение и впредь нет надежды, чтобы кто-то и далее захотел бы служить из отставных военных чинов в Вытегре». Поэтому генерал-губернатор полагал возможным поручить исправление этой должности Ешевскому, который до этого всегда хорошо характеризовался местным начальством и хотя по доносу крестьянина Однолеткова Олонецкой палатой уголовного суда «не совсем оправдан, но и не обвинен», но «будет стараться, чтобы загладить вину и восстановить свое имя»²².

Таким образом, уже в 1-й четверти XIX в. Олонецкая губернская администрация выявила причины, делавшие работу нижних земских судов крайне неэффективной. Одни из них были следствием установившихся «сверху» общих законодательных норм и практик, другие – специфических, свойственных только Олонецкой губернии. Первая группа этих причин была обусловлена географическим и природно-климатическим фактором. Неблагоприятный для проживания северный климат, низкие урожаи, приводившие к дороговиз-

²¹ РНБ. Отдел редких рукописей. Архив Державина Г.Р. – Т.21. – С.90.

²² ГА АО. Ф.1367. Оп.1. Д.36. Л.749.

не продуктов первой необходимости, делали службу в Олонецкой губернии малопривлекательной для чиновников. Вторая группа причин обусловлена спецификой социального состава населения губернии, а именно: преобладанием казенного крестьянства и малочисленностью поместного дворянства. В частности, из-за практического отсутствия в губернии поместного дворянства законодатель, вынужденный с 1811 г. окончательно перейти в Олонецкой губернии к системе назначения, не смог в этот период создать здесь не только качественный по составу, но и стабильный корпус земских исправников и дворянских заседателей, который формировался из преимущественно недостаточных отставных офицеров-дворян или местных чиновников-разночинцев. Все предложенные Олонецкой губернской администрацией меры, направленные на улучшение качества кадрового состава нижних земских судов, в т.ч. и канцелярского уровня, не были реализованы при Александре I.

Кострикина О.А.

**«Имение поступило в опеку по смерти мологского
мещанина Алексея Кондратьева Дьяконова и
по малолетству детей, оставшихся после его...»
(к истории городских органов опеки
в дореформенный период)**

Реформа местного управления и суда 1775 г. учреждала новые городские органы по опеке – сиротские суды и дворянские опеки¹. Предлагаемое сообщение посвящено особенностям функционирования системы опекунства в провинции в дореформенный период. Материалами для исследования послужили делопроизводственные документы сиротских судов уездных городов Ярославской губернии – Даниловского, Любимского, Мологского, Мышкинского, Романово-Борисоглебского², Петровского³, Пошехонского, Ростовского, Рыбинского, Угличского. Комплекс документов, отложившийся в фонде Ярославской палаты гражданского суда Государственного архива Ярославской области (далее – ГАЯО), включает в себя несколько групп. Наибольший интерес среди них представляют отчеты опекунов по имениям; описи имущества; документы, связанные с продажей имущества; ведомственная и межведомственная переписка, рапорты уездных сиротских судов в Ярославскую палату гражданского суда.

Органы опеки в рассматриваемый период являлись сословными учреждениями, сиротские суды ведали делами мещан, купцов, чиновников. Председателем сиротского суда назначался городской голова, кроме него заседали два члена городского магистрата и городской староста. Главная задача назначения опекунов – сохранение собственности в случае, если ее владельцами оказывались вдовы,

---

¹ В допетровскую эпоху вопросы опекунства находились в компетенции церкви, Петр I обязал вновь учрежденные магистраты смотреть, «чтобы сироты не оставались без опекунов».

² До 1822 г. отдельно существовали Романовский и Борисоглебский сиротский суд; в 1822 г. гг. Романов и Борисоглебск были объединены в г. Романово-Борисоглебск.

³ Петровский сиротский суд существовал до 1822 г., в 1822 г. Петровск стал заштатным городом и вошел в состав Ростовского уезда.

малолетние или лица, проматывающие состояние. Опекуны ежегодно обязаны были предоставлять в сиротский суд отчет по имени, в котором обязательно указывались следующие сведения: время и причина поступления имени в опекуновское правление, сведения о владельце имени с указанием возраста и местонахождения, состав имени, оценка движимого и недвижимого имущества, источники поступления денежных средств и расходы за отчетный год, данные об опекуне с указанием сословной принадлежности. Отчеты опекунов имеют табличный вид, с начала 1840-х гг. появляются типографские формы. В фондах ГАЯО нами выявлено около 600 имений горожан, по которым сохранились опекуновские отчеты за 1817–1852 гг.; отметим хорошую сохранность документов.

Для учреждения опеки необходимо было подать прошение в сиротский суд; ходатаями в большинстве случаев выступали вдова, родственники, городской голова, губернское правление; опека могла назначаться государственными органами и по завещанию. Наиболее распространенной причиной принятия имени в опеку являлось малолетство наследников после смерти взрослого члена семьи (отца или матери малолетних). «Имение поступило в опеку по смерти молодого мещанина Алексея Кондратьева Дьяконова и по малолетству детей, оставшихся после его...»⁴, – именно такая формулировка типична для опекуновских дел.

Среди возможных причин установления опеки – нарушение владельцами правил поведения, принятых в обществе. «По прошению пошехонской мещанки вдовы Дарьи Буниной о взятии имени после... Ивана Зиминова... жены его а ее дочери Матрены Зиминой по распутству оной», – говорилось о причинах передачи имени Зиминова в опеку⁵. Имение любимского мещанина Шестакова поступило в опеку «по указанию Ярославского губернского правления по случаю распутного Шестакова поведения»⁶.

Порядок установления опеки определялся и регулировался «Примерным, или повальным наставлением опекунам» 1775 г.⁷ Первоначально было установлено различие опеки и попечительства. По

⁴ ГАЯО. Ф.151 Оп.2 Д.6473. Л.8 об.

⁵ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.8075. Л.5 об.

⁶ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.2707. Л.56.

⁷ Российское законодательство X–XX вв.: в 9-ти т. – М., 1984–1994. – Т.5. – С.240–244.

мысли авторов «Примерного, или повального наставления опекунам», в ведении попечителя находились деловые вопросы, связанные с имением, в ведении опекуна – воспитание малолетних. Опека могла быть окончена в 14 лет возраста опекаемого, который может сам просить о назначении себе попечителя до 17-летнего возраста, так как совершеннолетие и соответственно, вступление в управление имением было определено возрастом 17 лет. Но впоследствии право продажи и залога недвижимых имуществ было ограничено до достижения возраста 21 года. Таким образом, в возрасте 14–17 лет несовершеннолетний мог сам распоряжаться имением лишь с согласия попечителя; в возрасте 17–21 года – распоряжался самостоятельно во всех случаях, кроме отчуждения недвижимых имений, хотя и это положение было изменено указом 1826 г.⁸

Обычно назначались один или два опекуна, кандидатура опекунов определялась сиротским судом чаще всего из лица родственников опекаемого. При назначении двух опекунов, один, как правило, был родственник по прямой линии. В случае смерти одного родителя опекуном назначался второй родитель (мать или отец), в случае смерти обоих родителей – бабушка или дедушка. Часто опекунами становились дяди, тетки, посторонние лица. Единичны случаи, когда в роли опекунов выступали крестные, так, угличская мещанка Елизавета Хрящева во время ссылки своей матери в Сибирь находилась при своем крестном отце – Николае Петуховском⁹. В случае назначения одного опекуна им обычно было неродственное лицо; исключения составляли случаи определения опекунов к имению после смерти матери малолетнего, единственным опекуном становился, как правило, отец малолетнего.

В ряде случаев, как показывает последующее ведение опеки, опекуны, не состоявшие в родстве с опекаемыми, прямо или косвенно были связаны деловыми интересами с опекаемым имением. Например, опекунами ростовских мещанских детей Базаровых были купец Николай Хомяков (дядя по матери) и мещанин Дмитрий Тарасов, который проживал в Уральске и «продавал товар, принадлежащий малолетним»¹⁰. Проанализированные нами данные о социаль-

⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права... С.469.

⁹ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.17950. Л.86 об.

¹⁰ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.8454. Л.19.

ном составе опекунов позволяют говорить о следующей тенденции. Опекунами, как правило, были представители того же сословия, что и опекаемые: опекуном малолетних купецких детей назначался купец, мещан – мещанин, служащих (гражданских и военных) – служащий. Встречаются случаи опеки купцов над мещанскими именьями, гораздо реже наблюдаются обратные случаи (мещан-опекунов над именьями купцов); практически нет смешивания в группе служащих¹¹. Не возбранялось определять одно и то же лицо опекуном над несколькими именьями. Попечителями, как правило, назначались родственники по прямой линии – мать, бабка и пр.

Государство предъявляло высокие требования к личности опекунов: запрещалось назначать опекунами расточителей, банкротов, лиц, бывших под судебным наказанием и состоявших в ссоре с родителями малолетнего. «Опекуну надлежит быть кротку, человеколюбиву, попечительну, радиву и усердну к пользе малолетнего»¹², – гласило «Примерное, или повальное наставление опекунам». Все спорные вопросы, возникающие в ходе опеки, заслушивались на заседаниях сиротского суда. Поводом для обращения в сиротский суд было, как правило, нарушение прав опекаемых. Претензии предъявляли обычно родственники малолетних. Например, мещанская вдова Анна Константиновская жаловалась в Ростовский сиротский суд на опекунов, так как, поселившись «по согласию с опекунами с малолетними детьми в подклете», она, на свои средства делала летние и зимние рамы, двери, перегородку и печь с лежанкой. Константиновская просила оплатить из общего собираемого дохода за отделку подклети 50 руб. и за отправление воинского постоя за 4 года 50 руб.¹³ В случае несоответствия требованиям, опекун мог быть устранен от опеки; иногда такие пожелания высказывали члены семьи опекаемого, недовольные самоуправством опекунов.

В случае уклонения опекунов от своих обязанностей, несвоевременной сдачи отчета сиротский суд начинал розыск опекуна. Интересный случай зафиксирован в отчетах Мологского сиротского суда за 1832 г. После смерти мещанина Уланова попечительницей над

¹¹ См., например: Отчет Даниловского Сиротского суда // ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.8059.

¹² Российское законодательство X–XX вв.: в 9-ти т. Т.5... С.239.

¹³ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.37882.

имением малолетних детей была назначена вдова Прасковья, старший сын Григорий находился «по паспорту» в Санкт-Петербурге. «По предписанию сиротского суда попечительница и жена покойного Прасковья Степанова Уланова, уехавшая из Мологи в Санкт-Петербург, была с дороги ворочаема для отобрания от нее увезенного ею имения и заемных обязательств и для подаяния за 1831 г. отчета по сей опеке. Употреблено на сей предмет на прогон, из собственности опекунши родной матери ее денег 32 руб.»¹⁴, – читаем в документах. Можно предположить, что попечительница «сбегала» в столицу в силу каких-то жизненных обстоятельств, но такие случаи были исключением.

Конечно, занятие опекунством в случае доходности опекаемого имения, было выгодно с финансовой точки зрения, опекунам полагалось 5% от доходов имения. Пятипроцентное «поощрение опекунам за труды» составляло довольно внушительную сумму в «купеческих опеках», когда прибыль шла от оборота капитальных средств, находящихся в производстве. Так, доход с имения мологского купца Федора Бушкова в 1832–1840 гг. составлял несколько тысяч рублей (наименьшая сумма 1092 руб. 40 коп. в 1832 г., наибольшая – 5885 руб. 71 коп. в 1840 г.¹⁵, в составе имения находились несколько заводов; проценты, получаемые опекунами доходили до 300 руб.). Доходы в большинстве «мещанских» опеков складывались из сдачи лавки, части жилого помещения в аренду, процентов с капитала и составляли сумму на несколько порядков ниже, чем приведенные сведения по имению Бушковых. Так, опекуны угличских мещан Сахарновых получили за свои труды в 1828 г. 134 руб. 10 коп., в 1830 г. – 42 руб.¹⁶

В ряде случаев опекуны «ссуживали» на свои нужды вверенный им капитал. В «купеческих» опеках суммы капитала были значительны. Денежный капитал купеческой дочери Марьи Дундуковой (Мышкин) в 1845 г., составлявший 926 руб. 92 коп., «обращался у опекуна, дяди купца Лаврентия Дундукова в торговых оборотах»¹⁷. Капитал, принадлежащий мещанским детям Рупасовым (Мышкин)

---

¹⁴ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.7405.

¹⁵ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.8464. Л.8. Д.10927. Л. 2 об.

¹⁶ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.13930.

¹⁷ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.13930. Л.5 об.

в размере 633 руб. 20 коп. в 1845 г. находился у опекуна, купца III гильдии Михаила Цыпленкова¹⁸.

На опекунов также возлагалась обязанность взыскивать долги по векселям и прочим долговым обязательствам, долги часто погашались в течение нескольких лет. Например, при поступлении в опеку имения умершего мологского мещанина Петра Новотельнова, долг покойному с разных лиц составлял 2330 руб. Опекуны взыскивали долги в течение 10 лет после смерти Новотельнова, до 1840 г.¹⁹

Однако даже при строгой отчетности, существовавшей в сиротских судах, было немало нелегальных способов (подчас уголовного наказуемыми) уклонения от уплаты долгов. Парадоксы делопроизводственной системы российских государственных учреждений состояли в том, что нарушения делопроизводства могли обнаружиться совершенно случайно, спустя десятилетия. Интересно в этом отношении дело «О коллежском секретаре Лебедеве, обвиняемом в изменении статьи журнала Угличского сиротского суда», сохранившееся в фонде Ярославской палаты уголовного суда²⁰. В 1849 г. было выявлено, что «журнал Угличского сиротского суда 11 августа 1836 г.», хранящийся в архиве, оказался перемещен. При проверке выяснилось, что в деле по имени умершего угличского купца Кожевникова «изменен пункт под литерой «д», где на опекунов Зимина и Выжилова возлагалась обязанность взыскать с купца Варегина долг»²¹. Вызванный письмоводитель этого дела – находящийся в отставке коллежский регистратор 53-х летний Петр Лебедев – показал, что в 1841 г. он «переписывал журнал по приказанию письмоводителя сиротского суда Соколова с заготовленного им чернового проекта и в намеренном подлоге он не виноват». Причины подлога выяснить так и не удалось, тем не менее, Лебедева «оставили в сильном подозрении».

Опекуны не могли распоряжаться имуществом малолетних без разрешения сиротского суда, а при продаже недвижимого имущества требовалось разрешение губернского правления и Сената. В случае согласования всех инстанций, принятие решения затягивалось на несколько лет. Например, в течение нескольких лет шла распрода-

¹⁸ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.13930. Л.7 об.

¹⁹ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.6473, 7405, 8057, 8464, 8964, 10927.

²⁰ ГАЯО. Ф.150. Оп.1. Д.5497.

²¹ Там же. Л.27.

жа находящегося в опеке части движимого и недвижимого имения, оставшегося после смерти любимского мещанина Петра Кичигина. В 1827 г. с разрешения Сената были проданы «две пустопорожные земли», принадлежащие Кичигину на общую сумму 255 руб.²², в 1830 г. – после разрешения Ярославской палаты Гражданского суда «мужское платье на 107 руб. 50 коп.», в 1831 г. – «12 пар столовых ножей и вилок и 25 картин разных названий и величины на 27 руб. 25 коп.», в 1832 г. с разрешения сената – «не подверженное тлению имущество – карманные часы, серебро, 9 разного сорта серебряных ложек, одна ситка²³, посуды оловянной 1 миска и 19 тарелок» на 155 руб. 29 ½ коп. – движимое имение (носильное платье, посуда, картины)²⁴.

Поводом для распродажи имения (а чаще части имения) обычно служили, во-первых, необходимость выплаты долговых обязательств (если имение находилось в опеке за долги) и, во-вторых, ненужность, по мнению опекунов, имения «для пользы малолетнего». В первом случае ходатайства опекунов о продаже, как правило, не вызывали споров в сиротском суде. Например, опекуны по имени любимского мещанина, поступившего в опеку «по случаю распутства Шестакова», обратились в 1818 г. с просьбой разрешить продать часть движимого имения. Сиротский суд разрешил «для удовлетворения долговых обязательств» продать вещи, «подверженные тлению» на 1542 руб. 20 коп.²⁵ Если же наследниками опекаемого имения были малолетние, сиротский суд мог отказать в распродаже вещей, мотивируя отказ, вероятно, ущемлением прав малолетних. Так, опекун малолетнего рыбинского мещанина Спиридона Калинина, его дед А. Матвеевский, обратился в сиротский суд с просьбой разрешить продать одежду матери, иконы и жемчуг. Сиротский суд, ссылаясь на соответствующие статьи закона, разрешил опекунам продать «носильное платье в отвращении порчи ... по вольной цене, а вещи, тлению не подверженные, заключающиеся в иконах и жемчуге предписал хранить в удобных местах до совершеннолетия малолетнего»²⁶.

---

²² ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.2707.

²³ Ситка – ситечко для чая.

²⁴ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.6737.

²⁵ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.2707. Л. 66 об.

²⁶ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.11325. Л.20 об.

Однако сведение роли опекунов только к выполнению ими сугубо прагматических функций было бы не совсем верным. По нашим наблюдениям, опекуны в ряде случаев обеспечивали комфортность опекаемым. В опекунских отчетах встречаются записи об оказании состоятельными опекунами благотворительной финансовой помощи, например, для погашения долга, учебы детей, выхода замуж или «из любви к опекаемому». Например, опекун угличского купецкого сына Родиона Зимина, его дядя, ежегодно выделял значительные суммы на содержание: «в 1829 г. добровольно в пользу племянника пожертвовано 263 руб. 23 коп.»²⁷, в 1831 г. «из любви к малолетнему племяннику своему Родиону Зимину в пользу добровольно пожертвовано 579 руб. 48 коп.»²⁸. Угличский купец Иван Петров Лбов в 1818 г. подарил Любове Бычковой «для покупки материи на приданое 154 руб. 83 коп.»²⁹.

Опекуны могли выделять средства и на содержание родственников опекаемых и в том случае, если они официально не были наследниками имения. Например, в Рыбинске после смерти Афанасия и Натальи Романовых остались дети Романовых и мать Афанасия; наследниками по имению значились только малолетние дети. Тем не менее, из общих доходов опекуном в 1835 г. было выдано «престарелой матери покойного Афанасия вдове Марфе Романовой на пропитание ее по бедности по 5 руб. на месяц, а за год 60 руб.»³⁰.

Интересные материалы для характеристики отношений «опекун – опекаемый» выявлены нами в опекунских отчетах Даниловского сиротского суда. Особую ценность представляют отчеты по имени Ивана Ливанова, который в 1830-е гг. обучался в Ярославской мужской гимназии³¹. Архивные источники позволяют предполагать, что контакты между опекуном и опекаемым были достаточно частыми: опекун Потапов несколько раз в год навещал гимназиста в Ярославле, на праздник Рождества возил Ливанова домой, в Данилов. Можно предположить, что неоднократные поездки Потапова были вызваны, прежде всего, необходимостью контролировать подопечного, сле-

---

²⁷ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.6476.

²⁸ Там же. Л.156 об.–157.

²⁹ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.2405. Л.341.

³⁰ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.8455. Л.26 об.

³¹ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.8059. Л.13–29.

доть за расходом средств, но нельзя исключать существование «отеческих» отношений между ними. Взаимоотношения «опекун – опекаемый» предполагали и участие опекунов в профессиональной подготовке малолетних. В среде купечества были нередкими случаи, когда несовершеннолетние обучались практическим навыкам у опекунов: мышкинский купецкий сын Николай Дроздеников, 14 лет, занимался «под присмотром опекуна коммерцией, отправлен в разные места для покупки и продажи товаров»³².

Основанием для прекращения опеки по малолетству являлось достижение наследниками возраста совершеннолетия. Наследники подавали прошение в сиротский суд с просьбой о закрытии. Угличская мещанка Елизавета Шкурлятьева (по мужу Карамышева) по достижении соответствующего возраста обратилась в сиротский суд с просьбой о прекращении опеки. Она указывала, что «по указу 22 декабря 1785 года может сама наследственным своим именем распоряжаться». Сиротский суд предписал опекунам купцам Шкурлятьеву и Каравину «все какое есть имущество и капитал сдать ее под расписку и оную представить в сей суд, определяя между тем к ней до пришествия ее в 21 год в попечители мужа ее мещанина Дмитрия Петрова Карамышева»³³.

Сиротские суды были упразднены Декретом ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11 (24) ноября 1917 г.»³⁴. Согласно этому документу, «все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются» (ст.1), «имущества купеческих и мещанских обществ немедленно поступают в распоряжение соответствующих городских и земских самоуправлений» (ст.4). Статья 5 гласила: «Все сословные учреждения, дела, производства и архивы передаются в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений»³⁵.

³² ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.3457. Л.4 об.

³³ ГАЯО. Ф.151. Оп.2. Д.8062. Л.100.

³⁴ Декреты Советской власти. Т.1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М., 1957. – С.72.

³⁵ Там же.

Кусова И.Г.

Влияние административных реформ 1770–1780-х гг. на территории кремлей российской провинции

В последнее десятилетие отмечается рост общественного интереса к отечественным кремлям, им посвящаются выставки, научные конференции¹. Однако приходится констатировать, тема кремлей более-менее разработана с точки зрения археологии, искусствоведения, изучения памятников архитектуры и в меньшей степени привлекала внимание историков. Вместе с тем очевидно, что кремли заслуживают внимательного рассмотрения не только как оборонительные сооружения или архитектурные ансамбли, но и как уникальные историко-культурные комплексы, обладающие высокой степенью «исторической сакральности».

Помимо исследовательской парадигмы интерес к кремлям обусловлен общественно-политическими событиями последних лет, ставящими под угрозу существование кремлей как заповедных исторических территорий. Попытки ликвидировать музеи-заповедники в Тобольском, Рязанском, Соловецком, Александровском кремлях в угоду имущественным интересам Московской патриархии Русской православной церкви в случае их реального воплощения могут нанести непоправимый ущерб российскому культурному достоянию.

Обратившись к теме российских кремлей, я пытаюсь исследовать те явления, которые были характерны для кремлей после того, как они потеряли свое военное значение, и начался постепенный процесс преобразования их в музеефицированные зоны, т.е. процесс формирования кремлей как исторических достопримечательных территорий.

---

¹ См.: Длужневская Г.В., Калинин В.А., Субботин А.В. Кремли России XV–XVII веков. – СПб., 2006; Кремли России. Материалы и исследования / ФГУ «Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». – Т. 15. – М., 2003; Кремли России. Тезисы докладов всероссийского симпозиума (Москва, 23–26 ноября 1999). – М., 1999; Кусова И.Г. Кремли России: судьба исторического наследия // Четвертые Яхонтовские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Рязань, 24–27 октября 2006 года. – Рязань, 2008. – С.268–289; Сказания каменных богатырей: Российский кремль. – Нижний Новгород, 2007.

Среди современных кремлей имеются как кремли-крепости, сохранившие свои оборонительные сооружения, так и территории, не сохранившие таковых, которые не имеют визуальных признаков крепостей, но где расположены древние архитектурные ансамбли, и по сложившейся уже столетия назад традиции эти территории также именуется кремлями. Среди последних – Рязань, Кострома, некоторые другие. Практически все кремли потеряли свое военное значение к середине XVII в., а то и раньше, и на протяжении последующих десятилетий постепенно трансформировались в некие городские центры – административные, религиозные, торговые и проч. Важнейшее значение для городов Российской империи имели административные реформы Екатерины II последней четверти XVIII в. Настоящее сообщение имеет целью проследить, как упомянутые реформы повлияли на развитие кремлевских территорий в некоторых городах российской провинции. Остановимся на двух составляющих проводимых преобразований – тех, что имели наиболее важное значение для исследуемых объектов: это, во-первых, появление в городах регулярной планировки и, во-вторых, коренные изменения в системе местной власти, а именно, значительное расширение ее аппарата, появление большого числа новых учреждений.

В последней четверти XVIII в. в городах России начинается массовая перепланировка. Впервые города начинают застраивать по «регулярным» планам, предполагающим строго геометричные сетки улиц, четкие прямоугольники кварталов. Планы определяли векторы развития городских территорий, их размеры, границы.

Одним из основополагающих принципов планирования был учет существовавшей к тому времени застройки, поэтому кремли, вместе с другими «дорегулярными» городскими территориями, должны были вписаться в новую застройку и занять в ней свое место.

При реализации новых городских планов и «вписании» в них кремлей, возникали различные ситуации: кремль мог оставаться в центре или оказаться на окраине вновь спланированного города. Известны случаи, когда кремли даже меняли свое местоположение, как это произошло, например, в Вологде, где были снесены остатки крепостных сооружений кремля, т.н. Насон города, а спустя какое-то время «кремлем» начали именовать комплекс архиерейского двора, расположенный на кремлевской же территории, но занимающий менее 10% его площади.

Впрочем, определяющим в новой топографии города было не местоположение кремля, будь оно центральным или окраинным, более важным было, в какой функциональной зоне регулярного города оказался его древний исторический центр. От этого зависело, насколько активно кремль будет включен в жизнь вновь спланированного города. К примеру, с точки зрения городской топографии на окраине остались кремли Нижнего Новгорода, Рязани и Пскова, однако Нижегородский кремль продолжал оставаться в центральной функциональной зоне города, а Рязанский и Псковский оказались на периферии городской жизни, превратившись со временем в тихие живописные окраины. При этом в обоих кремлях, и Псковском, и Рязанском, доминирующей стала религиозная функция: на их территории по-прежнему располагались резиденции архиереев, которые после вывода других учреждений являлись центральными по значимости объектами кремля. Любопытно, что оба архиерея, судя по всему, чувствовали себя не вполне уютно в своих полузабытых кремлевских апартаментах и искали возможность для смены местопребывания. Псковский владыка в 1804 г. удалился-таки из кремля, перенес свой двор в Святогорский монастырь, Рязанский – на такие кардинальные меры не решился, но большую часть времени проводил в горячо любимой им семинарии, расположенной совсем в другой части города, и периодически жил там какое-то время².

Последствия того или иного варианта включения кремлей в регулярную застройку были, разумеется, неоднозначными. Центральное местоположение нередко обрекало кремли на большие изменения: в Тобольске в соответствии с велениями времени решено было «преобразовать замкнутую крепостную систему в открытое публичное пространство», с этой целью разрушили крепостные стены и построили в кремле здания, нарушившие его исторический облик. И, наоборот, окраинное местоположение давало больше шансов для сохранения исторической застройки и древней планировки кремлей, в какой-то степени уберегало их от преднамеренных разрушений и активной застройки. Застройка XVIII–XIX вв. в Пскове и Рязани – минимальна. В итоге, Довмонтов город Псковского кремля в XX в. был практически полностью исследован археологами. В большой

---

² Агнцев Д. История Рязанской духовной семинарии. – Рязань, 1889. – С.54–55.

степени сохранилась дорегулярная планировочная структура Рязанского кремля, что само по себе уже ценно с точки зрения изучения историко-культурного наследия.

Регулярное планирование коснулось и непосредственно внутренней территории кремлей. К тому времени далеко не все кремли выглядели как грозные цитадели: заметно обветшали в результате своей невостребованности каменные крепостные сооружения, деревянные – практически исчезли. Вследствие ослабления военной опасности уже в XVI–XVII вв. из кремлей начали постепенно выходить жилые и торговые кварталы, к середине XVIII в. они еще сохранялись, но занимали значительно меньшую по сравнению с предыдущим периодом площадь. В отличие от них административные и важные религиозные объекты до начала реформ в подавляющем большинстве оставались в кремлях – речь идет о провинциальных канцеляриях, тюрьмах, воеводских дворах, а также архиерейских дворах, кафедральных соборах, древних монастырях.

В дорегулярный период основными планировочными узлами кремлей являлись соборные площади с храмовыми комплексами и архиерейскими дворами. В результате перепланировки территорий по регулярным принципам, почти не осталось жилых кварталов, исчезли кривые улочки с деревянной застройкой. Улицы не только выпрямлялись, но и расширялись, застройка становилась более крупной, разреженной. Более всего было преобразований на участках с деревянной застройкой, там, где преобладали каменные строения, изменений было намного меньше. Пример радикального обновления территории являет собой Нижний Новгород, где за малым исключением практически вся историческая застройка кремля была уничтожена с целью высвобождения места под новое строительство. Пример несколько иного, более гуманного по отношению к древней архитектуре, характера – Рязань. На примере Рязанского кремля и рассмотрим изменения, произошедшие на древнейшей территории города в связи с реализацией регулярного плана³.

Значительные изменения в планировке Рязанского кремля коснулись главным образом его южной части, где располагались жилые кварталы деревянной застройки (рис. 1, 2). Согласно плану они со-

---

³ План застройки губернской Рязани (до 1778 г. – Переяславль Рязанский) был утвержден в 1780 г. и начал реализовываться несколько лет спустя.

хранились, но сокращались по площади: если ранее несколько улиц занимали больше половины кремлевской территории, то по плану оставалась единственная улица и один жилой квартал, занимавший примерно $\frac{1}{4}$ территории. Кроме того, вновь спланированная улица предназначалась исключительно для одной категории горожан – определялась под жилую застройку «для соборно и священо церковнослужителей». Видимо, строго в соответствии с планом она застраивалась и заселялась, поскольку уже в документах XIX в. улица именуется Архиерейской⁴.

Логическим следствием ухода жителей с территории кремля стало упразднение оставшихся к тому времени двух приходских церквей, Смоленской и Воскресенской. Примерно в то же время из кремля были выведены два монастыря. Вывод Духовского монастыря не был непосредственно связан с регулярной планировкой: его упразднили в 1787 г. и перевели «братию» в Троицкий монастырь Скопинского уезда после пожара 1783 г., во время которого выгорели практически все его постройки⁵.

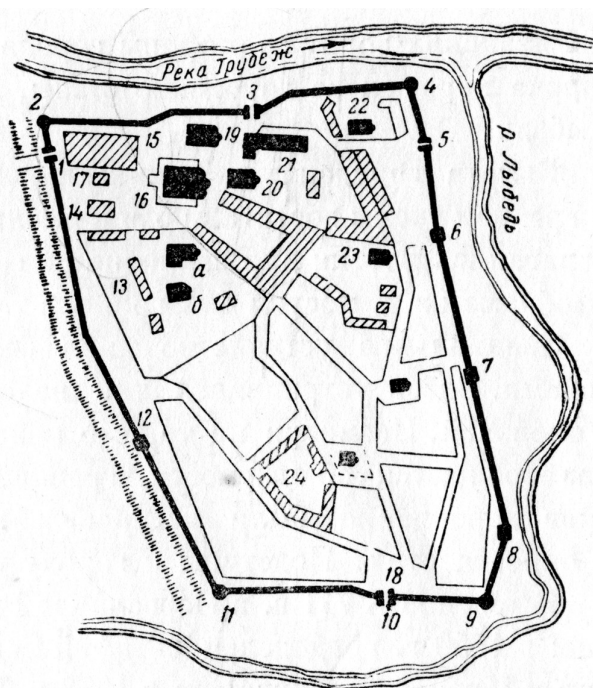
Второй монастырь, женский Казанский, переместили из кремля по распоряжению рязанского наместника М.Н. Кречетникова. В 1781 г., т.е. на следующий год после утверждения регулярного плана губернской Рязани, наместническое правление определило место, куда должен был выехать монастырь – в пригородную Ямскую слободу, в июне выслали и необходимую для переезда сумму – 31 руб., однако пройдет еще пять лет, прежде чем обитель оставит кремль и переберется, правда, не в удаленную Ямскую слободу, а значительно ближе – к церкви Вознесения, прихожане которой по просьбе главы епархии уступили свой храм монахиням⁶.

---

⁴ См., например: План губернского города Рязани (недатированный, приблизительно конца 1850 – начала 1860-х гг.) // Научно-справочная библиотека Государственного архива Рязанской области (ГАРО). На плане 1810 г. (рис.2) улицу предполагалось назвать иначе – Смоленской, по названию храма, расположенного в соседнем квартале. Видимо, упразднение храма и повлекло за собой изменения в названии улицы.

⁵ Добролюбов И.В. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии. Т.1. – Зарайск, 1884. – С.55. От монастыря осталась только Духовская церковь, которая после реставрации была отнесена к разряду бесприходных.

⁶ Там же. С.53.

Переславль Рязанский. План кремля XVII в.

1 — Глебовская проездная башня; 2 — Спасская башня; 3 — Тайнинская проездная башня; 4 — Духовская башня; 5 — Ипатская проездная башня; 6, 7, 8 — Глухие башни; 9 — Всехсвятская башня; 10 — Рязанская проездная башня; 11 — Введенская башня; 12 — Глухая башня; 13 — Спасский монастырь; а — Богоявленская церковь; б — Преображенская церковь; 14 — Приказная изба; 15 — тюрьма; 16 — Успенский собор; 17 — существующая соборная колокольня 1789—1840 гг.; 18 — городские ряды; 19 — Рождественский собор; 20 — Архангельский собор; 21 — Архиерейский дом; 22 — Духовской монастырь; 23 — Казанский монастырь; 24 — Воеводский двор

Рис. 1. План Рязанского Кремля в дорегулярный период. Реконструкция Д.Д. Солодовникова.

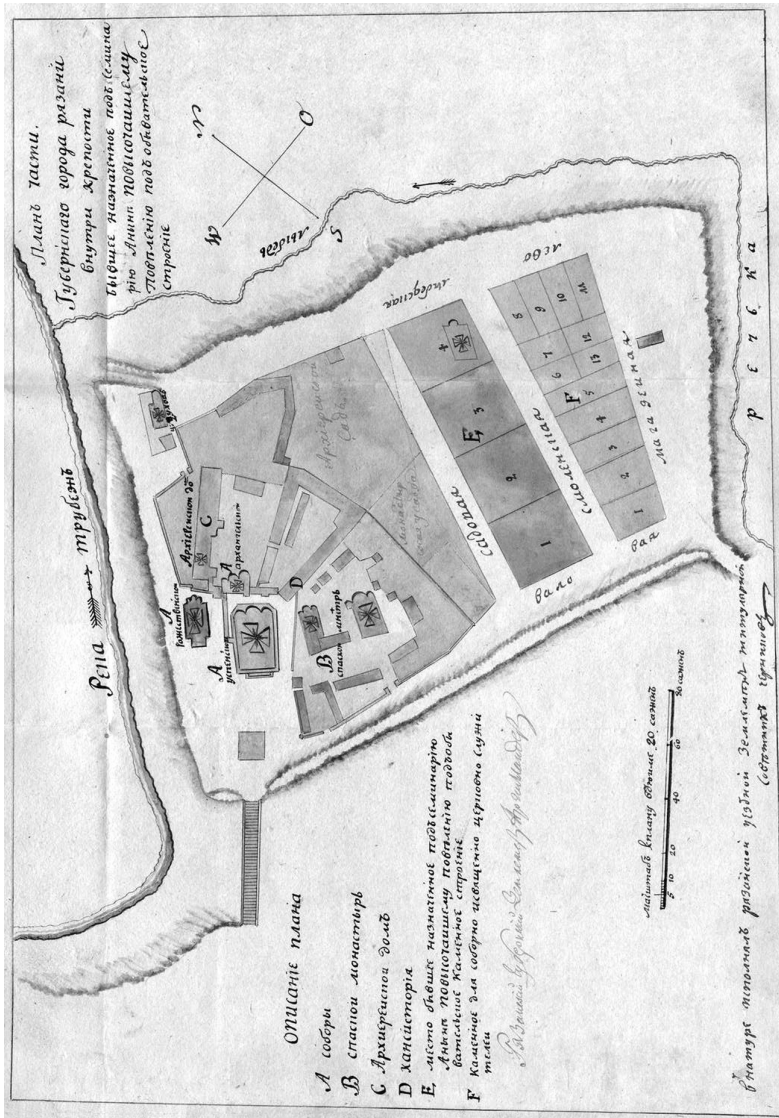

Рис. 2. План Рязанского Кремля 1810 г. ГАРО. Ф. 4. Оп. 17. Д. 60. Л. 32.

Место, где располагался Казанский монастырь, как и вся центральная часть кремля, по плану первоначально предназначалось под духовную семинарию. С этой целью выделялся отдельный квартал, но руководство епархии не пожелало исполнить предписание губернского начальства, во-первых, из-за сильной влажности грунтов, во-вторых, архиерея вполне устраивало прежнее местонахождение семинарии – рядом с его бывшей загородной резиденцией. Тем более, что, если в дорегулярный период семинария располагалась за пределами тогда еще Переяславля Рязанского, то согласно регулярному плану она оказывалась на одной из центральных улиц новой губернской Рязани⁷. Пожелания уважаемого владыки⁸ были учтены, и указанное место в кремле вместо семинарии было назначено «под обывательское каменное строение». Однако и этим планам не суждено было сбыться: центральная часть кремля, площадью около 4 га, так и не была застроена обывателями, осталась в пользовании епархии, в последующий период на пустующем месте разбили архиерейский и монастырский сады, и поныне эта территория остается незастроенной.

Северная часть Рязанского кремля с XVII в. имела каменную застройку. Кроме упомянутого выше Духова монастыря, там располагался еще один – самый древний в городе монастырь – Спасский. Рядом с ним находились обширный комплекс архиерейского двора, оставшийся еще с княжеских времен Архангельский собор, который использовался как усыпальница архиереев, а также два кафедральных собора, летний и зимний.

Планировка этой части кремля не претерпела существенных изменений. После начала регулярного строительства здесь в основном идут ремонтные работы. Постройки архиерея обновляются: и без того протяженные архиерейские палаты, после получения из казны 10 тыс. руб. на исправление ветхостей, не только поновляются, но и заметно расстраиваются, увеличивая тем самым свою длину на треть – с 32 до 43 саженей. Приводится в порядок и заново освящается кафедральный Успенский собор, в котором из-за аварийного состояния к тому времени уже много лет не было служб. Начинается строительство соборной колокольни. Ее возводят на месте Глебовской башни,

⁷ ГАРО. Ф.4. Оп.17. Д.50. Л.32.

⁸ С 1778 г. рязанскую кафедру занимал Симон (Лагов), известный своей просветительской деятельностью.

главных городских ворот и единственного каменного сооружения в крепостной системе города. Башня была знаменита своей военной историей, с нее победоносно палили пушки, отгоняя вражеские набеги, однако эти обстоятельства, разумеется, не могли быть сочтены аргументом для ее сохранения в качестве исторической достопримечательности. Вместе с башней была скрыта часть вала. В итоге, кремль стал еще меньше напоминать крепость, от деревянных стен и башен к тому времени уже ничего не оставалось, даже земляной вал сохранился единственно с западной стороны, т.е. там, где не было рек и, соответственно, не обваливался берег, разрушая тем самым и земляные укрепления города.

Наконец, последним значимым явлением в регулярных преобразованиях Рязанского кремля необходимо отметить полный вывод с его территории административной власти: все новые учреждения и усадьбы для наместнического и губернского управления, включая присутственные места, дома наместника, губернатора, вице-губернатора и прочее – все они были спланированы в новых кварталах города.

Именно тогда, в конце XVIII в., когда территория кремля была частично перепланирована, в кремле и появилась существующая по сегодняшней день планировочная структура. Именно тогда на более чем сто лет вперед было предопределено в функциональном отношении развитие кремлевской территории: сосредоточив в себе исключительно религиозные функции, кремль был окончательно вытеснен из активной городской жизни – жизнь в нем уже не кипела, как ранее, но тихо тлела, оживляясь лишь изредка и на короткое время в особо торжественные моменты в истории города – будь то торжества по случаю приезда императоров, либо празднование исторического юбилея Рязани.

Завершая рассмотрение регулярных преобразований на территории Рязанского кремля, можно заключить, что с точки зрения сохранения исторической территории судьбу Рязанского кремля можно считать достаточно благополучной. Далеко не всем кремлям удалось избежать кардинальных перестроек, сопровождавшихся разрушением исторической планировочной структуры и древних архитектурных памятников.

Второй важный для исторических судеб кремлей аспект екатерининских реформ – трансформация местной власти, повлекшая за собой появление большого числа новых учреждений и должностей.

Все это потребовало соответственно большого числа новых помещений и многие, по сложившейся традиции, появлялись буквально на месте своих «предшественников» – провинциальных канцелярий и воеводских дворов, которые, как указывалось выше, зачастую располагались на кремлевских территориях. На смену им пришли присутственные места, наместнические правления, дома губернаторов и вице-губернаторов, гауптвахты, казармы, цейхгаузы. В кремлях разворачивается строительство новых административных зданий. Активно застраиваются кремли в Нижнем Новгороде, Тобольске, Владимире, Великом Новгороде. Уникальная ситуация с точки зрения сохранения преемственности в месторасположении административной власти имела место во Владимире: дом губернатора был построен на месте, где до него в разные исторические периоды последовательно находились княжеский двор, воеводское правление и провинциальная канцелярия.

Изменения в функциональном зонировании новых центров, необходимость высвободить площади для размещения новых учреждений приводили к планомерному выселению жителей из кремлей, из тех оставшихся небольших кварталов внутри кремлевских территорий. Известно, что власти выкупили участки и переселили 11 семей во Владимире. Учитывая наличие жилых кварталов в Рязанском кремле в дорегулярный период, непосредственно накануне екатерининских реформ, можно предположить, что аналогичные переселения имели место и в Рязани, и в других городах.

Новые власти неизбежно вставали перед проблемой, что делать с имеющимися крепостными сооружениями, которые к тому времени давно потеряли свое функциональное значение, не поддерживались в должном порядке и зачастую имели весьма неприглядный, запущенный вид. К решению проблемы подходили по-разному. Самым радикальным способом следует признать разбор обветшавших стен и башен. Так поступают, как отмечалось выше, в Тобольске, а также в Астрахани, Вологде. При разборе стен власти ведут себя весьма прагматично: они не только наводят порядок, убирая видимые следы разрушения, – распространенной практикой стало использование материалов, полученных во время разборки крепостных сооружений, для нового строительства. Факты такого рода имели место в тех же Астрахани и Вологде, в Тобольске кирпич из разобранных крепостных стен пошел на строительство в кремле нового архиерейского дома.

Известны случаи, когда строительные материалы от разобранных крепостных стен и башен использовались для ремонта тех же стен, т.е. в одном месте разбирали наиболее ветхие участки и высвободившимся кирпичом латали те участки, где разрушения были не такими сильными. Таким образом поступили, к примеру, в Нижнем Новгороде, где наместник И.М. Ребиндер разобрал две поврежденные оползнями башни с прилегающими к ним стенами, на две трети понизил зубцы по всему периметру и пустил высвободившиеся материалы на исправление других участков.

Несмотря на заметные следы обветшания, значительная часть строившихся на века каменных крепостных сооружений оставалась, тем не менее, в рабочем состоянии, сносить их было нецелесообразно, поэтому после проведения ремонта многие стены и башни стали использоваться в различных целях для нужд новой власти, тем более, что повсеместно не хватало площадей под разросшиеся управленческие, военные, общественные, образовательные и прочие структуры. В Астрахани на стенах были устроены цейхгауз и казармы, активно использовали кремлевские строения в Нижнем Новгороде, где после споров о том, что делать с ветхой крепостью – разрушить или отремонтировать, остановились на необходимости все оставить и после ремонтных работ в башнях разместили воинские склады, полицейский участок, губернский архив, учебные заведения, судебные и исправительные учреждения, госпиталь и больницу.

Касаясь позиции местных властей в вопросе сохранения исторических достопримечательностей, можно предположить, что в ходе реформ произошли определенные сдвиги в отношении к памятникам старины. Приток образованных людей в новые губернские центры не мог не отразиться на общем уровне культуры, сыграли свою роль и появившиеся в XVIII в. местные исторические исследования, которые также должны были способствовать изменению общественных взглядов на древнюю архитектуру.

Подводя итоги, отметим, что период последней четверти XVIII в. – начала XIX в. – время проведения административных преобразований – стал если не переломным, то во многом рубежным для российских цитаделей. Для судеб кремлей реформы имели далеко неоднозначные последствия, как позитивного, так и негативного свойства, и в большой степени предопределили развитие этих исторических территорий на многие десятилетия вперед.

Любичанковский С.В.

**Оценка уральским региональным руководством состояния
института губернаторства на рубеже XIX–XX вв.¹**

Веками в России поднимался, частично разрешался, откладывался и вновь инициировался вопрос о рациональном устройстве вертикали власти, в том числе и такой важнейшей ее составляющей для огромной страны, как местное звено аппарата государственного управления. Крушение партийно-советской государственной системы и формирование государственности Российской Федерации вызвало закономерный интерес к альтернативному опыту государственного строительства – опыту Российской империи, как положительному, так и отрицательному. Особенно привлекает внимание позднеимперский период отечественной истории (конец XIX – XX вв.), поскольку многие существенные процессы современной российской жизни имеют в нем вполне очевидные аналогии.

Институт губернаторства, как и вся система местного управления, в поздней Российской империи переживал кризис². Он ощущался современниками и стал основанием для разработки правительством Николая II проектов губернской реформы. Свой вклад в решение данного вопроса в виде соответствующих предложений внесли такие крупные государственные деятели, как И.Л. Горемыкин, В.К. Плеве, С.Д. Урусов, П.А. Столыпин, а в годы Первой мировой войны – еще и Б.В. Штюмер³.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-200.2007.6.

² Об этом подробнее см.: Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.) / Поволжский филиал Института российской истории РАН. – Самара-Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007.

³ Об этом подробнее см.: Любичанковский С.В. Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II // Родина. – 2008. – №7. – С.76–80; Он же. Истоки российского федерализма: проект областной реформы Б.В. Штюмера (1916 г.) // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в

Механизм разработки губернской реформы на рубеже XIX–XX вв. предусматривал выяснение и анализ позиции местной управленческой элиты. Реализовано это было в исследуемый период дважды, и оба раза путем сбора заключений начальников губерний на разосланные им сначала (в 1898 г.) министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным⁴, а затем (в 1903 г.) министром внутренних дел В.К. Плеве⁵ циркуляры, в котором излагались базовые подходы МВД к планируемому преобразованию и предлагалось дать собственное заключение. Причем в обоих циркулярных письмах указывалось, что присланные материалы «должны служить только программой при обсуждении вопроса о губернской реформе, и затем от Вашего Превосходительства будет зависеть дополнить их теми соображениями, которые Вы признали бы, согласно условиям местной жизни и указаниям Вашего опыта, необходимыми для успешного выполнения поставленной задачи»; что губернаторы не должны быть «стеснены проектируемым (в циркуляре. – С.Л.) планом... реформы, имеющим значение только программы для облегчения рассмотрения дела на местах».

Руководство Уральского региона⁶ приняло достаточно активное участие в процессе высказывания своей позиции по вопросу о губернской реформе, в том числе затронув и вопрос о состоянии института губернаторства. В ходе многолетней целенаправленной поисковой работы в архивах нам удалось ввести в научный оборот 4 документа, в которых соответствующие чиновники излагали свое видение проблемы⁷. Их авторами были Оренбургский губер-

---

состав Российского государства. Ижевск, 20–22 мая 2008 г. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – С.603–607.

⁹ Циркулярное письмо министра внутренних дел И.Л. Горемыкина губернаторам // Губернская реформа в заключениях губернаторов Уральского региона на рубеже XIX–XX вв.: Сборник документов. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – С.20–32.

⁵ Циркулярное письмо министра внутренних дел В.К. Плеве губернаторам // Там же. С.52–53.

⁶ В состав Уральского региона в исследуемый период входили Вятская, Оренбургская, Пермская и Уфимская губернии.

⁷ Губернская реформа в заключениях губернаторов Уральского региона на рубеже XIX–XX вв.: Сборник документов / Пред., вступит. статья, комментарии и публ. С.В. Любичанковского / Комитет по делам архивов Оренбургской области, государственное учреждение «Государственный архив Оренбургской области». – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2006.

натор В.И. Ершов (1898 г.), Вятский губернатор Н.М. Клингенберг (1900 г.), Уфимский губернатор И.Н. Соколовский (1903 г.) и Вятский губернатор П.Ф. Хомутов (1903 г.). Можно с большой долей уверенности утверждать, что совокупность их записок в адрес министра внутренних дел представляет собой исчерпывающий перечень проектов губернской реформы, выработанных руководителями региона и сохранившихся до наших дней.

Созданные независимо друг от друга, но объединенные на уровнях времени создания (1898–1903 гг.), территории происхождения (Урал), авторства (гражданские губернаторы), целеполагания (написаны в едином контексте, в качестве заключений на циркуляр министра внутренних дел), указанные документы представляют исследователю всю необходимую основу для корректного сопоставления с целью выяснения оценок, данных уральским региональным руководством институту губернаторства, а также предложениям по модернизации этого института. Последовательно рассмотрим каждый из этих проектов.

В проекте Оренбургского губернатора В.И. Ершова (1898) контент-анализ позволил выделить 11 целевых установок. Их можно разбить на четыре тематических блока. Во-первых, это объединение однородных функций губернского управления в одних руках, что выразилось в общем требовании «достижения единообразного порядка управления»⁸ и конкретно поставленных задачах объединения всего статистического и продовольственного дела в ведении соответствующих подразделений центрального губернского органа⁹. Во-вторых, это деконцентрация управления на губернском уровне за счет разгрузки губернатора и вице-губернатора в пользу подчиненных им чиновников¹⁰. В-третьих, это улучшение образовательного уровня служащих администрации¹¹. В-четвертых, это оптимизация техники работы губернских учреждений. В данный целевой блок, являющийся самым большим по объему, вошли задачи упрощения делопроизводства, достижения наилучшего соотношения численности должностных лиц и объема их работы, упорядочения финансо-

⁸ Заключение оренбургского губернатора В.И. Ершова // Там же. С.33.

⁹ Там же. С.34.

¹⁰ Там же. С.36.

¹¹ Там же.

вой составляющей местной администрации и, наконец, ускорения рассмотрения дел¹². Важно отметить, что большинство предложенных В.И. Ершовым мероприятий, способствующих достижению обозначенных целей, работали именно на усиление власти губернатора, поскольку увеличивали круг подчиненных ему отраслей местного хозяйства и одновременно разгружали начальника губернии от второстепенных полномочий. Однако нельзя не отметить, что предложения оренбургского губернатора по усилению власти начальников губернии носили завуалированный характер.

Центральной частью проекта вятского губернатора Н.М. Клигенберга (1900) являлось предложение создать т.н. «Губернское Управление» – центральный орган губернской власти, своеобразное правительство при губернаторе. В него должны были быть включены практически все основные губернские учреждения, в качестве 12 отделений: 1) исполнительного, созданного на базе канцелярии губернатора и не рассматривающего дел коллегиальным путем; 2) административного, на базе двух первых отделений губернского правления; 3) врачебного, на базе ветеринарного и врачебного отделений губернского правления; 4) строительного, на базе одноименного отделения губернского правления; 5) межевого, на базе губернской чертежной; 6) тюремного, на базе тех столов губернского правления, которые занимались соответствующими делами; 7) крестьянского, на базе губернского присутствия; 8) судебного, на базе соответствующих столов губернского правления и губернского присутствия; 9) земского и городского, на базе губернского по земским и городским делам присутствия; 10) воинского, на базе губернского по воинской повинности присутствия; 11) распорядительного, на базе соответствующего губернского комитета; 12) хозяйственного, на базе секретарской части, архива и типографии губернского правления¹³.

Для соблюдения единого направления в управлении предусматривалось, что губернатор будет являться председателем не только общего присутствия, но и низших коллегий. В записке специально оговаривалось, что назначение начальников отделений производится решением министра внутренних дел, но при этом должно быть

---

¹² Там же. С.33–35.

¹³ Заключение вятского губернатора Н.М. Клигенберга // Там же. С.42–46, 48–50.

обязательно обусловлено соответствующим представлением губернатора, причем было зафиксировано правило, согласно которому, если первое предложение начальника губернии по кандидатуре подчиненного ему должностного лица «не будет уважено», он имеет право на подачу второго представления. Кроме того, предусматривалось право губернатора по собственному усмотрению перемещать начальников отделений одного на место другого¹⁴. Все это, по мнению Н.М. Клингенберга, должно было обеспечить большую управляемость нового центрального органа со стороны его председателя – губернатора.

Большой откровенностью суждений по вопросу о сковывающих развитие института губернаторства путях отличался проект вятского губернатора П.Ф. Хомутова (1903)¹⁵. В блок сформулированных им стратегических целей реформы входили следующие: нужно «ограничить по возможности тесным кругом» коллегиальный порядок решения дел, а в вопросах, «относящихся собственно до управления губернией, личные распоряжения губернатора поставить на первый план»; следует провести «облегчение занятий Губернатора»¹⁶. Таким образом, в записке П.Ф. Хомутова был поставлен вопрос о необходимости усиления власти губернатора путем освобождения его, по мере возможности, от необходимости работать в коллегиальном режиме. Такая позиция будет в дальнейшем характерна для государствоведов этатистского направления, таких, например, как Н.А. Зиновьев, И.М. Страховский¹⁷.

Что касается идеи о создании центрального губернского органа, то П.Ф. Хомутов выступал за присоединение большинства существовавших губернских учреждений к губернскому правлению, на правах его новых отделений¹⁸.

---

¹⁴ Там же. С.46.

¹⁵ Заключение вятского губернатора П.Ф. Хомутова // Там же. С.79–90.

¹⁶ Там же. С.86.

¹⁷ Зиновьев Н.А. На современные темы. – Вып.5. Министерский проект реформы местного управления. Положение о губернском управлении. Положение об уездных установлениях. Заключение. – СПб., 1909. – С.4, 8–9; 23, 104–105, 136; Страховский И.М. Губернское устройство. – СПб., 1913.

¹⁸ Заключение вятского губернатора П.Ф. Хомутова // Там же. С.79–80.

Проект Уфимского губернатора И.Н. Соколовского (1903) был гораздо более откровенным, чем записки его коллег¹⁹. Он позволил себе дать критическую оценку состояния института губернаторства. Так, им было прямо заявлено, что губернатор де-факто являлся лишь номинальным хозяином и начальником губернии²⁰. Относительно чрезмерной обширности обязанностей губернатора саркастически отмечалось: «Полагаю счастливым того губернатора, который знает свое дело [в его полном объеме]...»²¹. Раскрывая существующее положение в системе губернского управления, И.Н. Соколовский преимущественное внимание уделил констатации малой результативности деятельности различных учреждений губернии – как подчиненных, так и неподчиненных напрямую губернатору. Этому сюжету было посвящено 15 из 31 характеристики, то есть почти 50%. Еще 10% описывали неэффективность тех или иных механизмов власти, что в конечном итоге также не могло не означать низкую результативность деятельности. В частности, именно в таком ключе была описана практика деятельности губернатора. В итоге основной пафос этой части записки И.Н. Соколовского может быть сформулирован так: губерньские учреждения работают плохо, а губернатору не хватает полномочий для нормализации ситуации.

Более половины сформулированных в уфимском проекте стратегических целей преобразований было напрямую связано с усилением власти губернатора. Во многих других целях эта же мысль присутствовала в завуалированном виде. Становится ясным, что именно решение данной задачи начальник Уфимской губернии рассматривал в качестве основного пути повышения эффективности местного управления. В таком контексте становится понятным, почему И.Н. Соколовский выступил категорически против учреждения Губернского Совета: он видел в нем возможность умаления губернаторской власти. Губернатор высказал мнение о том, что новое учреждение «в некоторых случаях будет путями на ногах Губернатора, а в большинстве случаев совершенно ненужным учреждением», поскольку «по существующему закону Губернатор, затрудняясь в ре-

---

¹⁹ Заключение уфимского губернатора И.Н. Соколовского // Там же. С.54–78.

²⁰ Там же. С.54.

²¹ Там же. С.57.

шении какого-либо вопроса или желающий осветить его возможно всесторонне, – вправе собрать какой ему угодно Совет». Поэтому, делал недвусмысленный вывод Уфимский губернатор, «учреждение Губернского Совета совершенно не желательно»²². Таким образом, И.Н. Соколовский отрицал необходимость какого-либо согласования принятых губернатором решений с позицией других ведущих должностных лиц губернского уровня, настаивал на субординационном подчинении.

Итак, в каждом из составленных уральскими региональными руководителями проектов звучала в той или иной форме мысль о том, что губернатор в Российской империи был слаб. Соответственно, предложения по исправлению ситуации сводились к усилению губернаторской власти.

Собственно, и объединение губернских коллегий в единое учреждение или их присоединение к губернскому правлению должно было сопровождаться подчинением последнего губернатору в той же степени, что и «старого» губернского правления. Это, безусловно, повысило бы значение «начальника губернии» в аппарате управления. Губернатор рассматривался как безусловный председатель общего присутствия проектируемого губернского центрального органа у В.И. Ершова, а у Н.М. Клингенберга – в качестве председателя не только главной коллегии, но и коллегий каждого из отделений, предполагавшихся в новом учреждении. П.Ф. Хомутов подчеркивал, что «в делах, относящихся до управления губернией, личные распоряжения Губернатора [следует] поставить на первый план». Ярче других эта мысль прозвучала у И.Н. Соколовского, который сформулировал основной принцип будущей реформы, как он его видел: «...объединяющею властью в губернии может и должен быть только Губернатор, которому... необходимо дать все средства и способы быть действительным, а не номинальным хозяином и начальником губернии», «необходимо... надлежащим образом поддержать Губернаторскую власть путем строжайшего охранения ее от посягательств на неприкосновенность ее со стороны прочих ведомств, Губернатору неподчиненных, без чего никакие преобразования губернского управления ни принесут тех благих результатов, кои имеются в виду ими достигнуть».

---

²² Там же. С.63.

Парадоксальная, на первый взгляд, мысль о слабости существовавшей в Российской империи губернаторской власти еще до революции с гневом отвергалась оппозицией – как либеральной²³, так и революционной. Так, например, В.И. Ленин в 1901 г. опубликовал статью, в которой была фраза: «Если и до сих пор (до появления циркуляра министра внутренних дел от 17 августа 1901 года. – С.Л.) губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во «вверенной» губернии, то теперь создается уже настоящее «военное положение» в этом отношении»²⁴. Надо ли говорить, что в советской науке высказанная В.И. Лениным по совершенно конкретному поводу идея, не претендующая на научно-обобщающий характер, тем не менее, долгие годы абсолютизировалась. И только в последние десятилетия среди историков начинают обсуждаться вопросы о том, что власть губернатора в России конца XIX – начала XX вв. производила лишь видимость мощи и силы²⁵.

Применение к истории местного управления Российской империи структурно-функционального подхода позволило установить, что в указанный период реализация многих возложенных на губернатора функций была связана с деятельностью таких управленческих структур, которые лишь косвенно и относительно зависели от губернатора, или вообще не зависели от него, что резко снижало эффективность губернаторской власти. Изучение организации губернаторской власти как системы показало, что она характеризовалась

---

²³ См., например: Гессен В.М. Вопросы местного управления. – СПб.: Право, 1904. – С.237.

²⁴ Ленин В.И. Борьба с голодающими // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т.5. – С.279–280.

²⁵ См., например: Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. – М.: Прометей, 1991. – С.23, 188; Матханова Н.П. Полномочия губернатора в XIX веке: закон и жизнь (к постановке проблемы) // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков: Материалы региональной научной конференции, 18–19 декабря 1997. Тезисы докладов. – Новосибирск: Изд-во Государственного архива Новосибирской области, 1997. – С.25; Секиринский С.С. Роль губернаторов в управлении // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – №2. – С.20; Корелин А.П. Проблемы местного управления в России на рубеже XIX–XX вв. // Судьба двух империй. Российская и Австро-Венгерская монархии от расцвета до крушения. – М.: ИРИ РАН, 2006. – С.180–205.

сложной внутренней иерархией. Большинство органов управления в указанный период были введены в систему губернаторской власти таким образом, что гарантия принятия ими нужного губернатору решения отсутствовала. Широта подчиняющихся губернатору учреждений была обманчивой, власть самого губернатора – кажущейся. Возложенная на «начальника губернии» ответственность на практике не соответствовала его реальным возможностям²⁶.

Таким образом, оценка бюрократической элитой Урала рубежа XIX–XX вв. института губернаторства как неэффективного (в терминологии уральских губернаторов «слабого») находит сегодня сторонников в научных кругах, как отечественных, так и зарубежных, а, значит, и не позволяет с ходу откинуть высказанные в уральских проектах предложения как недейственные. Конечно, исправлять существующее положение предлагалось чисто административными методами, и в этом проявилась ограниченность (или политическая осторожность?) авторов. В своих проектах губернаторы, конечно, не предусматривали кардинальной ломки самодержавной системы управления (а именно такой критерий в советской науке зачастую был мерилем прогрессивности реформы), но и в рамках названной системы, по нашему убеждению, их предложения могли способствовать ее оптимизации, повышению ее эффективности. Управленческий потенциал предлагаемых решений был значителен. А их нереализация в течение всего позднеимперского периода есть дополнительное свидетельство системного кризиса власти, приведшего империю к краху в 1917 году.

---

²⁶ Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02. – СПб., 2008. – С.29–30.

Марасанова В.М.

**Институт губернаторства в Российской империи
в отечественной историографии**

Возвращение к губернаторской форме управления в субъектах Российской Федерации с начала 1990-х гг. сделало весьма актуальным изучение исторических традиций института губернаторства с его успехами, трудностями и нереализованными возможностями. Именно управленческий аппарат реализовал на местах решения верховной власти. Происхождение, образование и убеждения каждого конкретного администратора сказывались на стиле и методах управления, могли влиять на различные тенденции социально-экономического, общественно-политического и культурного развития регионов. Впервые в нашей стране губернаторы появились в связи с проведением административно-территориальных преобразований Петра I в 1708 г. По «Учреждению для управления губерний» 1775 г. Российская империя получила однотипное административно-территориальное устройство из 50 губерний и их уездов с одинаковыми учреждениями и штатом чиновников. Данная система органов управления с небольшими изменениями просуществовала до 1860–1870-х гг., а деление страны на губернии и уезды сохранялось и в дальнейшем.

Дореволюционная историография российской государственности весьма значительна. В марте 1811 г. подготовленную Н.М. Карамзиным «Записку о древней и новой России» вручила императору Александру I его сестра великая княгиня Екатерина Павловна. Ее супруг Г.П. Ольденбургский в 1809–1812 гг. являлся генерал-губернатором Ярославским, Новгородским и Тверским, и Н.М. Карамзин навещал Ольденбургских в их резиденции в Твери¹. Н.М. Карамзин провозглашал самодержавие неперемнным условием могущества и процветания России. В местном управлении он считал необходимым «возвысить сан губернаторский» по образцу наместников при Екатерине II².

¹ Ярославские губернаторы. 1777–1917: Историко-биографические очерки / Марасанова В.М., Федюк Г.П. – Ярославль, 1998. – С.74; Тверские губернаторы. – Тверь, 1996. – С.11.

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. – М., 1991. – С.48, 74, 100, 103, 105.

Много сделали для сбора и систематизации фактического материала по истории правительственных учреждений России представители государственной школы, сложившейся ко второй половине XIX в. (С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин и др.). В частности, К.Д. Кавелин считал необходимым не конституцию, а сильное самодержавие, чтобы «установить главные основания правильной, систематически-стройной организации высшего, среднего и низшего управления государством... в замену теперешнего беспорядка и анархии»³. Выходом из «неурядиц» и «хаоса» местного управления К.Д. Кавелин считал создание в будущем губернских административных советов во главе с губернаторами, где заседали бы представители от учреждений всех ведомств и земств⁴.

Постоянное внимание историков привлекала история высших и центральных учреждений⁵. Отдельный вид дореволюционной литературы составили юбилейные ведомственные издания, к сожалению, в юбилейном издании МВД сведения по истории местной администрации были очень краткими⁶. Весьма развитым в дореволюционный период стало биографическое направление, и особое внимание авторов привлекали российские самодержцы⁷. Изучение русской бюрократии в основном свелось к составлению жизнеописаний высших сановников⁸. Наиболее значительным итогом развития био-

---

³ Кавелин К.Д. Мысли и заметки по русской истории // Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. – СПб., б.г. – Т. 1: Монографии по русской истории. – Стб. 671.

⁴ Кавелин К.Д. Политические призраки // Кавелин К.Д. Собр. соч. – Т. 2. – Стб. 972.

⁵ Даневский П.Н. История образования Государственного Совета в России. – СПб., 1859; Барсов Т.В. Святейший Синод в его прошлом. – СПб., 1896; История Правительствующего Сената за 200 лет: В 5 т. – СПб., 1911; и др.

⁶ Министерство внутренних дел: Исторический очерк. – СПб., 1902.

⁷ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время: В 6 т. – СПб., 1869; Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: В 4 т. – СПб., 1897–1898; Он же. Император Николай I: В 2 т. – СПб., 1903; Он же. Император Павел I. – СПб., 1901; Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I: В 2 т. – СПб., 1912; и др.

⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Словарь достопамятных людей русской земли: В 5 ч. – М., 1836; Он же. Словарь достопамятных людей русской земли.

графического направления стал «Русский биографический словарь», однако это издание, к сожалению, не успело выйти до 1917 г. в полном объеме⁹.

Единственной попыткой создания обобщающего историко-правового исследования о российских губернаторах стала работа И. Блинова. Он проследил эволюцию института губернаторства в России и особое внимание уделил правовой основе деятельности губернаторов. И. Блинов отмечал, что «централизационная система... убивает жизнь, уничтожает самостоятельность, инициативу и предприимчивость»¹⁰. Автор стремился показать соотношение централизации и децентрализации власти в стране на разных этапах истории. Эти проблемы интересовали и самих представителей местной администрации. К примеру, тверской губернатор А.П. Бакунин стал автором труда «Общее управление для всех губерний Российской империи, не состоящих на особых положениях»¹¹.

С 1920-х гг. редкие работы по интересующей нас проблематике с точки зрения фактологии уступали трудам дореволюционных авторов. Историк-марксист М.Н. Покровский писал, что одной из отличительных особенностей «русского феодализма XVIII в., как он сложился к шестидесятым годам, была слабость центральной власти», и «пугачевское восстание заставило пересмотреть вопрос»¹². Он указывал на значительное увеличение «низшего персонала» новых губерний из числа дворянства и огромную роль наместников как «агентов» центральной власти.

Исключение представляло подробное исследование академика Ю.В. Готье¹³. Он привлек к исследованию законодательные материа-

---

В 3 ч. – СПб., 1847; Современники: Альбом биографий Н.И. Афанасьева: В 2 т. – Б.м., 1909–1910; Иванов П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. – СПб., 1863; и др.

⁹ Русский биографический словарь. – СПб., 1896. – Т.1; СПб., 1900. – Т.2; и др. Всего было опубликовано 28 томов.

¹⁰ Блинов И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб., 1905. – С.13.

¹¹ Тверские губернаторы. – С.21.

¹² Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. – М., 1924. – Т. 3. – С.167.

¹³ Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. – М.-Л., 1941. – Т.2.

лы и документы центральных архивов по различным местностям России. Работа Ю.В. Готье с источниками была тем более важна в связи с тем, что после Октябрьской революции практически отсутствовала источниковедческая разработка документов. Только на рубеже 1930–1940-х гг. стали появляться источниковедческие статьи, посвященные методике изучения отдельных видов источников¹⁴. Использование дореволюционной официальной документации не сопровождалось ее источниковедческим анализом, что приводило к существенным провалам и даже прямым искажениям исторического процесса.

Наиболее значительный вклад в изучение истории дореволюционных государственных учреждений в советской историографии внесли труды Н.П. Ерошкина¹⁵ и П.А. Зайончковского¹⁶. Работы Н.П. Ерошкина дали четкое представление о структуре и функциях разных звеньев правительственного аппарата, а П.А. Зайончковский показал состав правительственного аппарата и процесс деятельности государственных учреждений в центре и на местах¹⁷.

В 1960-х гг. историки начали рассматривать российский абсолютизм в целом и отдельные элементы государственного строя дореволюционной России¹⁸. Кандидатская диссертация М.П. Павловой-

---

¹⁴ Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX–XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. – М.-Л., 1937. – С.319–371; Ахун М. Источники для изучения истории государственных учреждений царской России (XIX–XX вв.) // Архивное дело. – 1939, № 1. – С.77–91; и др.

¹⁵ Ерошкин Н.П. Военный аппарат царской России в период Крымской войны (1853–1856 гг.) // Труды МГИАИ. – М., 1957. – Т. 9. – С.138–176; Он же. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1960; и др.

¹⁶ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1954; Он же. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. – М., 1958; и др.

¹⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 2-е изд. – М., 1968; Он же. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1997; Он же. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). – М., 1981; Он же. Местные государственные учреждения дореформенной России (1800–1860). – М., 1985; Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. – М., 1978; и др.

¹⁸ Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. – М., 1964; и др.

Сильванской впервые была посвящена анализу «Учреждения для управления губерний» 1775 г. и оценке его классовой сущности¹⁹.

В 1968 – 1972 гг. в научных исторических журналах «История СССР» и «Вопросы истории» развернулась дискуссия по проблемам абсолютизма²⁰. В обсуждении российского абсолютизма участвовали многие известные историки – И.А. Федосов, А.Я. Аврех, М.Я. Волков, Н.И. Павленко, А.Н. Чистозвонов и другие. Дискуссия об особенностях возникновения и развития абсолютной монархии в России подтвердила важность поставленной проблемы и необходимость ее разработки с привлечением новых исторических источников.

В работах С.М. Троицкого рассматривались общие закономерности и специфика эволюции государственного строя России XVII–XVIII вв., внутренняя политика абсолютизма и формирование бюрократии²¹. Фундаментальный труд о дворянстве пореформенной России создал А.П. Корелин²². Специальный раздел его работы освещал гражданскую службу дворянства в XIX веке.

В литературе, посвященной истории отдельных регионов России в XVIII – начале XX вв., о местном управлении писали немного²³. Все упоминания о губернаторах дореволюционного периода в литературе были краткими и негативными. А.М. Унковский написал книгу, посвященную его деду, известному лидеру тверской оппози-

---

¹⁹ Павлова-Сильванская М.П. Учреждение о губерниях 1775 г. и его классовая сущность: Дис.... канд.ист. наук. – М., 1964.

²⁰ Павленко Н.И. К вопросу о генезисе абсолютизма в России // История СССР. – 1970, № 4. – С.54–74; Преображенский А.А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России // История СССР. – 1971, № 2. – С.108–117; Сахаров А.Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. – 1971, № 1. – С.110–126; Чистозвонов А.Н. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. – 1971, № 3. – С.72–76; и др.

²¹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. – М., 1974; Он же. Россия в XVIII в.: Сб. ст. и публикаций. – М., 1982; и др.

²² Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – М., 1979.

²³ Виноградов В.А. Регион Верхней Волги в конце XVIII и XIX вв. – Калинин, 1979; Очерки истории Ярославского края. – Ярославль, 1974; Псковский край в истории СССР: Очерки истории. – Псков, 1970; Приморский край. – Владивосток, 1979; и др.

ции второй половины XIX в. Алексею Михайловичу Унковскому²⁴. В работе рассказывалось о многочисленных конфликтах, возникавших у А.М. Унковского с тверскими губернаторами А.П. Бакуниным и П.Т. Барановым.

К сожалению, в советской историографии сложился устойчивый негативизм в отношении оценки опыта государственного управления дореволюционной России. В исторической литературе присутствовали утверждения о неспособности правящей элиты проводить реформы в интересах общества, о некомпетентности и коррумпированности отечественной бюрократии, об отсутствии самоуправления и т.д.

В связи с реформами, проводимыми в России на современном этапе, проблемы становления и развития государственной службы заняли достойное место в числе тем, наиболее активно исследуемых историками²⁵. Появились взвешенные и аргументированные объяснения тех процессов, которые происходили в системе местного управления и обеспечивали относительную эффективность функционирования губернского звена в аппарате государственного управления Российской империи²⁶.

---

²⁴ Унковский А.М. Алексей Михайлович Унковский (1828–1893). – М., 1979.

²⁵ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России, XVIII–XX века. – М., 2000; Бабиц М.В. Государственные учреждения России XVIII в. – М., 1999; Государственные институты России: прошлое и настоящее: Материалы межвуз. науч. конф. памяти Н.П. Ерощкина, 19–20 декабря 1995 г. – М., 1996; Междунар. науч. конф. «Государственное управление: история и современность» (29–30 мая 1997 г.). – М., 1998; и др.

²⁶ Анисимов Е.В. Россия без Петра. 1725–1740. – СПб., 1994; Он же. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. – СПб., 1997; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в: Опыт целостного анализа. – М., 1999; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование. – М., 1994; Он же. Государственный строй России периода феодализма (XV–XIX вв.). – М., 1989; Он же. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование. – М., 1994; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVII – начала XX вв.): В 2 т. – СПб., 1999; Павленко Н.И. Екатерина Великая. 2-е изд. – М., 2000; и др.

О.В. Морякова по материалам министерств внутренних дел, юстиции и финансов проанализировала систему местного управления и состав провинциального чиновничества в России во второй четверти XIX века²⁷. Больше внимание начало уделяться истории органов внутренних дел России²⁸. З.И. Перегудова в работе, посвященной политическому сыску России в конце XIX – начале XX вв., уделила внимание не только Департаменту полиции, но и его местным органам²⁹. В энциклопедию, подготовленную к юбилею МВД, было включено около тысячи статей³⁰. Особого интереса заслуживает подготовленный к статье «Губернатор» список губернаторов России за 1802–1917 годы. В сборнике документов по истории органов внутренних дел Ярославского края приведен очерк А.М. Селиванова, освещающий их деятельность в разные периоды³¹.

В последние годы отечественными историками достигнуты значительные результаты в изучении влияния личностных особенностей государственных деятелей на общую ситуацию в стране и отдельных регионах. Внимание ученых вновь привлекли, во-первых, биографии российских императоров. Во-вторых, активно начали изучаться персоналии выдающихся деятелей государственного аппарата, выступавших с идеями преобразований в структуре правительственных учреждений (М.М. Сперанский), имевших огромное влияние при дворе (А.А. Аракчеев), занимавших ответственные должности (К.П. Победоносцев) и др. Результатом многолетних исследований стала книга Л.Е. Шепелева, в которой обобщен обширный материал

---

²⁷ Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. – М., 1998.

²⁸ Верой и правдой: ФСБ. Страницы истории. – Ярославль, 2001; Губернии Российской империи: История и руководители. 1708–1917. – М., 2003; МВД России: страницы истории (1802–1902). – СПб., 2001; Полиция и милиция России: Страницы истории. – М., 1995; Рубцов С.Н. История российской полиции. – Иркутск, 1998; и др.

²⁹ Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). – М., 2000.

³⁰ Министерство внутренних дел России: Энциклопедия. – М., 2002.

³¹ Селиванов А.М. Служить Отечеству // Служить Отечеству честь имею: Документы по истории органов внутренних дел Ярославского края в конце XVIII – начале XXI вв. – Ярославль, 2002. – С. 7–73.

о чиновничестве Российской империи от эпохи петровских преобразований до 1917 года³².

Подводя итоги и намечая перспективы изучения высшей бюрократии дореволюционного периода, Б.Б. Дубенцов и С.В. Куликов привели ценные данные о составе губернаторского корпуса второй половины XIX – начала XX вв. Они привели подсчеты, касающиеся изменений в уровне образования, возрасте, вероисповедании и других характеристиках российских губернаторов как особой социальной группы³³. Л.М. Лысенко поставила целью показать развитие института губернаторства с момента его появления в начале XVIII в. до 1917 года³⁴. На основе банка данных, включающего около 2 тыс. персональных характеристик, Л.М. Лысенко выделила характерные типы губернаторов и дала количественные и качественные характеристики губернаторского корпуса.

Интересной постановкой проблемы отличались работы Ричарда Роббинса о российских губернаторах второй половины XIX – начала XX вв.³⁵ Он пытался рассматривать проблему комплексно с учетом взаимоотношений центральной власти, земства, предпринимателей, рабочих, крестьян и т.д. Роббинс справедливо отмечал, что в начале XX в. штат и инструменты власти были недостаточны для решения стоящих перед органами местного управления задач, что особенно увеличивало личную ответственность губернаторов за все происходящее в пределах их губерний.

В последние десятилетия в России явно наметился подъем в развитии краеведения, и стали заметны две положительные тенденции. Это, во-первых, поиск новых тем исследований и, во-вторых, обращение к новым историческим источникам. Одним из актуальных на-

---

³² Шепелев Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX в. – СПб., 2001.

³³ Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начала XX вв. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. – СПб., 1999. – С.63–86.

³⁴ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России: Дис. ... докт. ист. наук. – М., 2001.

³⁵ Роббинс Ричард. Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы? // Родина. – 1995, № 6. – С.28–30; Richard G. Robbins. The Tsar Viceroy's Russian Provincial Governors in the Last Years of Empire. – Cornell Univ. Press. 1987.

правлений региональных биографических исследований стала тема дореволюционного губернаторского корпуса³⁶. Историки и архивисты прошли путь от написания коротких биографических очерков об отдельных губернаторах³⁷ до создания обстоятельных трудов о генерал-губернаторах и губернаторах целых регионов страны. Особое внимание привлекла незаурядная фигура великой княгини Екатерины Павловны – супруги генерал-губернатора Г.П. Ольденбургского³⁸.

Одна из первых работ по данной проблематике вышла в Ярославле³⁹. В работе рассказано о том, как усилиями просвещенного кружка людей, сплотившегося вокруг первого ярославского наместника А.П. Мельгунова, в городе был издан первый в России провинциальный журнал «Уединенный пошехонец», открылись Ярославский Дом призрения ближнего и светские учебные заведения, составлялись топографические описания наместничества.

Обстоятельные работы были посвящены главам местной власти Москвы, владимирским, архангельским и другим губернаторам⁴⁰. Специальные исследования вышли о некоторых генерал-губернаторах, внесших большой вклад в развитие подчиненных им

---

³⁶ Акиншин А.И. Справочные издания о российских губернаторах // Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVIII – начале XX вв.: Сб. науч. трудов. – Воронеж, 1999. – С.242–252.

³⁷ Комолов Н.А. Воронежский губернатор Г.П. Чернышев (исторический портрет) // Край Воронежский: история и традиции. – Воронеж, 1996. – Вып. 1. – С.110–114; Миронов В. Саратовский губернатор А.И. Косич // Волга. – Саратов, 1994. – № 9/10. – С.35–40; Савельев П.И. Самарский губернатор К.К. Гротт // Краеведческие записки. – Самара, 1995. – Вып. 7. – С.89–100; и др.

³⁸ Быченкова Л. Екатерина Павловна – губернаторша тверская, королева Вюртембергская // Российская провинция. – М., 1994. – № 6. – С.128–137; Коновалова А. «Тверская полубогиня» // Тверская старина. – Тверь, 1994. – № 4. – С.75–80; Собко Е.М. Великая княгиня Екатерина Павловна // Вопросы истории. – 2004, № 3. – С.135–139; и др.

³⁹ Ермолин Е.А., Севастьянова А.А. Воспламененные к Отечеству любовью (Ярославль 200 лет назад: культура и люди). – Ярославль, 1990.

⁴⁰ Балязин В.Н. Московские градоначальники. – М., 1997; Алексушин Г.В. Самарские губернаторы: от С.Г. Волховского до К.А. Титова. – Самара, 1996; Попов Г.П. Губернаторы русского Севера. – Архангельск, 2001; Фролов Н.В., Фролова Э.В. Владимирские наместники и губернаторы. – Ковров, 1998; и др.

территорий⁴¹. Н.П. Матханова создала комплекс работ по высшей администрации Восточной Сибири в середине XIX века. На основе формулярных списков, мемуаров и писем она изучила кадровый состав администрации большого региона страны, выявила основные возрастные, имущественные и сословные характеристики⁴².

В настоящее время в тех регионах, где устранен пробел в отношении изучения персонального состава губернаторского корпуса, заметно стремление перейти к рассмотрению других звеньев государственного аппарата⁴³. Региональное исследование о губернском чиновничестве России в середине XIX в. провел В.А. Иванов⁴⁴. В.Д. Чернышов вновь обратился к анализу деятельности А.М. Унковского в Тверской губернии⁴⁵. Т.И. Любина и С.Н. Смирнов обобщили материалы о кадровом составе и функционировании системы местного управления на примере Тверской губернии в конце XIX – начале XX вв.⁴⁶

---

⁴¹ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.А. Гондатти. – Хабаровск, 1997; Полвинен Туомо. Держава и окраина. Н.И. Бибиков – генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904 гг. – СПб., 1997; Савинова Р.Ф. Бог судил мне губернией править. Повествование о князе И.М. Долгорукове. – Владимир, 2000; и др.

⁴² Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в.: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С.Корсаков. – Новосибирск, 1998; Она же. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск, 2002; и др.

⁴³ Владимирские прокуроры. От Петровских времен до наших дней: Очерки /Авт.-сост. Сухарев А. – Владимир, 1999; Барышев В.В. Правозаступники: Тверские прокуроры (1764–1917): Из истории Тверской прокуратуры. – Тверь, 1999; Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв. – Томск, 1999; и др.

⁴⁴ Иванов В.А. Губернское чиновничество в 50–60-е гг. XIX в. в России (По материалам Московской и Калужской губерний): Историко-историко-экономические очерки. – Калуга, 1994.

⁴⁵ Чернышов В.Д. А.М. Унковский: жизнь и судьба тверского реформатора. – Тверь, 1998.

⁴⁶ Любина Т.И., Смирнов С.Н. Чиновничество в системе местного управления Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: правовой статус и социокультурная характеристика. – М., 2008.

Появление работ о губернаторах позволило установить много новых фактов не только о самих представителях местной администрации, но и заметно стимулировало изучение истории отдельных регионов России. К сожалению, биографические материалы о некоторых губернаторах и тем более о других представителях местной администрации крайне фрагментарны. Основой написания многих биографических очерков стали, главным образом, работы дореволюционного периода и «Русский биографический словарь». Для провинциальных историков поиск биографических данных о губернаторах затруднен тем, что большинство из них являлись не местными, а присланными из центра чиновниками. Тем не менее, данная работа имеет большой потенциал на будущее. Ее дальнейшее развитие необходимо строить на привлечении различных групп исторических источников и, прежде всего, на архивных материалах, еще не введенных в научный оборот.

Нугманова Г.Г.

**Казанский кремль в XIX веке и
политика официальной народности¹**

В XIX столетии государственная политика России, направленная на сохранение и восстановление древних памятников, коснулась и кремлей, которые при Николае I и во все последующие царствования наряду с православными храмами оказались идеальным объектом для материализации новых ценностей, выступая носителями идеи народности².

В 1827–1830-х гг. произошло осмысление Казанского кремля как исторического памятника, причем, что важно отметить, не только связанного с победой русского народа над татарами, православия над исламом, но и как памятника, несущего в себе черты иной древней культуры³. В восстановление его как центра завоеванного иноверческого региона вкладывалось особое содержание. Работы, начатые после пожара 1815 г. как ремонтно-восстановительные, с конца 20-х гг. XIX столетия приобрели совершенно иной смысл. Основной пафос деятельности в Кремле в эти годы связывался с идеей создания здесь императорской резиденции, где губернатор являлся представителем империи на этой некогда чуждой земле.

В данном контексте особая роль отводилась двум архитектурным проектам – реконструкции Благовещенского собора и строительству губернаторского дворца с помещениями для императорских квартир. Множество предлагавшихся вариантов, череда отвергнутых проектов свидетельствовали о том значении, которое придавалось этим строениям. Древний Кремль с православным собором и дворцом

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Архитектура и градостроительство Среднего Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX вв.» (проект № 08-04-00378а).

² Кириченко Е.И. Николай I и судьба Кремлей России // Кремли России: Тезисы докладов всероссийского симпозиума. – М., 1999. – С.74–76.

³ Подробнее об этом см.: Нугманова Г.Г. Казанские древности в XIX – начале XX вв. // История градостроительного искусства. – В.1. – М., 2006. – С.282–294.

царского наместника превращался в материальный символ господствовавшей в тот период официальной идеологии – триады «православие, самодержавие, народность». Этим проектам и посвящена настоящая публикация⁴.

Как известно, в августе 1836 г. Казань посетил император Николай I, который, обозревая ход строительных работ в Кремле, сделал ряд существенных распоряжений. Прежде всего, они касались сооружений, относящихся к военному ведомству – школы батальонов военных кантонистов, для которой отстраивались бывшие арсенальные здания, а также крепостных стен и башен. Император указал на неисправности в зданиях школы⁵, повелел укрепить Тайницкую башню контрфорсами⁶ и обратить приходскую церковь в Спасской башне в военную⁷. Тогда же было принято решение о строительстве в Кремле военно-губернаторского дворца с императорскими квартирами и расширении кафедрального Благовещенского собора со сносом теплой придельной Рождественской церкви. Работами по военному ведомству руководил Комитет, специально учрежденный для устройства помещений школы батальонов военных кантонистов⁸, другие постройки находились в ведении губернского архитектора Ф.И. Петонди.

Обновляющийся ансамбль требовал обновления и его главного сооружения. Первые поиски, которые велись хорошо известным в Поволжье архитектором М.П. Коринфским, относящиеся к 1832–1833 гг.⁹, остались не реализованными по причине изменений художественно-стилистических ориентиров, происходивших в области культового зодчества и напрямую отражавших смену политического курса страны.

Проектированием Благовещенского собора Ф.И. Петонди начал заниматься еще до приезда императора – его первый вариант рекон-

---

⁴ Подробнее о Казанском кремле в середине XIX в. см.: Нугманова Г.Г. Казанский кремль в эпоху Николая I // Архитектурное наследство. – В.50. – М., 2008. – С.26–45.

⁵ НА РТ. Ф.409. Оп.1. Д.546. Л.6.

⁶ НА РТ. Ф.409. Оп.1. Д.515. Лл.2–9.

⁷ Липаков Е.В., Афонина Е.В., Долгов Е.Б., Середа Г.И., Якимов И.В. Республика Татарстан: Православные памятники. – Казань, 1998. – С.17.

⁸ НА РТ. Ф.409. Оп.1. Д.515. Л.9.

⁹ НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРРК. Ед.хр.9607.

струкции храма датируется 26 июля 1836 г.¹⁰ Возможно, что пока спешно подмазывали и подбеливали крепостные стены, исправляли поврежденные громовыми ударами крест и яблоко на Спасской и Сююмбекиной башнях, готовясь к приезду высочайшей особы¹¹, Фома Иванович разрабатывал свой проект расширения кафедрального собора, предполагая представить его на рассмотрение императору.

Неизвестно, видел ли Николай I выполненные Ф.И. Петонди чертежи собора. Но нельзя исключать, что именно по его указанию они были отосланы в Петербург, поскольку в марте 1837 г. их рассматривала Комиссия проектов и смет при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий. Она нашла проект неудовлетворительным, соответствующую резолюцию подписали ее члены – архитекторы Шарлемань 2-й и Висконти 2-й¹².

Взамен присланного в Комиссии разработали свой вариант, автором которого был В. Морган. Совет путей сообщения и публичных зданий, изучив оба представленных проекта и, согласившись с мнением Комиссии, отверг предложение Ф.И. Петонди, а вариант В. Моргана получил одобрение¹³.

В своем проекте Ф.И. Петонди сносил теплую Рождественскую церковь и с трех сторон окружал древний собор пристройками, сохранив при этом его апсиды. К первоначальному объему с севера и юга примыкали два симметричных, прямоугольных в плане придела, а с запада на улицу была обращена трапезная. Ее трехчастный фасад, разделенный пилястрами, завершался тремя килевидными фронтонами-закомарами. Аналогичные килевидные завершения имели центральные ниши на фасадах приделов с расположенными в два яруса полуциркульными и стрельчатыми проемами. Открытая галерея, огибая пристройки, окружала здание по всем трем сторонам.

Проект Моргана предполагал не только разборку Рождественской церкви, но и апсид древнего собора. Таким образом, пристройки окружали его не с трех, как в проекте Петонди, а со всех четырех сторон, так что древний храм оказывался внутри нового объема. Три

¹⁰ Нугманова Г.Г. Казанский кремль в эпоху Николая I // Архитектурное наследство. – В.50. – М., 2008. – С.318–321.

¹¹ НА РТ. Ф.409. Оп.1. Д.514. Лл.1–11.

¹² НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРРК. Ед.хр.9607.

¹³ НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРРК. Ед.хр.9608, 9609, 9610; РГИА. Ф.1488. Оп.1. Д.1238.

апсиды заменялись одним большим, полукруглым в плане алтарным выступом на ширину собора. Фасады при этом, следуя той же художественно-эстетической концепции, ориентированной на использование ложно-византийских форм, принципиально не отличались от фасадов Петонди¹⁴.

Заимствование форм древнерусской архитектуры в обоих вариантах свидетельствовало об эклектичности создаваемого нового образа. Однако черты классицизма проступали в них достаточно определенно благодаря использованию ордера, выраженным симметричным композициям, как самих зданий, так и их фасадов. При всем этом храм, представленный в проекте Ф.И. Петонди, отличался большей выразительностью и живописностью благодаря более свободной, чем у Моргана, трактовке древнерусских форм, использованию ниш и проемов разной ширины и формы, и, прежде всего, конечно, присутствию подлинного фрагмента древнего собора. Со стороны улицы этой древней части соответствовала трапезная, решенная с использованием более мелких, чем на боковых пристройках, членений и деталей, что позволяло безошибочно выделить, «прочитать» на главном фасаде первоначальный храм.

Собор, созданный Морганом, был значительно ближе к классицистической традиции. Использование исключительно полуциркульных (хотя и заключенных в килевидные обрамления) проемов одинаковой ширины, их подчеркнуто правильное, регулярное расположение придавали новому храму чрезмерную сухость и официальность.

Таким образом, проект Ф.И. Петонди представлялся более удачным. Предполагая сохранение собора XVI в., он, тем самым, более отвечал новой государственной архитектурно-градостроительной концепции, направленной на сохранение российских древностей и проектирование новых храмов в древнем вкусе.

В то время пока проект рассматривался в столице, Ф.И. Петонди продолжал работу над собором. Его второй вариант реконструкции подписан им 29 марта 1837 г., то есть неделей спустя после утверждения «моргановского», о чем Петонди, очевидно, не знал¹⁵. В этом, следует отметить, менее удачном варианте архитектор заменил вет-

¹⁴ Там же.

¹⁵ НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРРК. Ед.хр.9611, 9612.

хую Рождественскую церковь новым теплым храмом. Прямоугольный в плане объем равной высоты с существующим собором, но значительно превышавший его по габаритам, объединялся со стороны улицы с трапезной холодного храма общим фасадом. Таким образом, оба собора – новый и старый, – примыкали друг к другу, и каждый из них при этом завершался пятиглавием. Уличный фасад состоял из двух неравных из-за разной ширины храмов частей. Их фасады делились пилястрами на прясла (пять и три соответственно), завершавшиеся килевидными фронтонами-закомарами.

Несмотря на одобрение Совета проект В. Моргана, по-видимому, также не удовлетворил императора. В январе 1838 г. на имя обер-прокурора Святейшего Синода графа Н.А. Протасова последовал Высочайший указ, требовавший рассмотреть возможность обращения Казанского кафедрального Благовещенского собора в Казани в теплый, «оставя его в настоящем виде без всяких переделок»¹⁶. Выполняя спущенное сверху поручение, Ф.И. Петонди и поручик строительного отряда путей сообщения Гнедич рапортом от 28 апреля 1839 г. представили составленный ими «план с показанием, где устроить в существующем соборе печи», «кои могли бы его нагревать»¹⁷. В приложенном к проекту подробном описании сообщалось, что главный собор сохранялся «в своем виде» с устройством двух печей. Однако при этом предполагалось разделить в нем окна, старую теплую церковь, «после к собору приделанную, угрожающею во всех частях падением», разобрать, а на ее месте возвести пономарню «в симметрию придела Бориса и Глеба». Кроме того, предполагалось разобрать и одноэтажную паперть «за имеющимися значительными трещинами», заменив ее двухэтажной, «в верху которой поместить ризницу»¹⁸.

Этот третий вариант расширения собора был рассмотрен и утвержден в ГУПСИПЗ в августе 1840 г.¹⁹, а в период с 1841 по 1846 гг. по нему производились работы. Собор вытянулся по оси восток-запад. Характерные «тоновские» элементы – лопатки и килевидные фронтоны-закомары, – присутствовали лишь на фасадах пристройки. Северный и южный фасады древнего собора частично

¹⁶ НА РТ. Ф.409. Оп.10. Д.18. Л.6.

¹⁷ Там же. Л.7.

¹⁸ Там же. Л.8.

¹⁹ РГИА. Ф.1488. Оп.1. Д.1238.

(на уровне нижнего яруса) скрывались за пристройками. Полоса типично псковского орнамента, опоясывающая барабан центральной главы и обегаящая верх средней апсиды, так же, как и аркатурный пояс, украшающий апсиды и барабаны глав, напоминали о том, что здание было сооружено псковскими мастерами в XVI в.

Сохранение древнего храма признавалось бесспорным достоинством последнего проекта, в котором Ф.И. Петонди предполагал оставить также и старую колокольню, обозначив его на генеральном плане «памятником для Казани». Когда возник вопрос о возведении новой колокольни на месте старой, протоирей собора и казанское градское общество поддержали архитектора, указав на то, что желали бы сохранить сей памятник, чтобы он дошел в настоящем его виде до потомков²⁰.

Проектирование Благовещенского собора ярко отразило произошедший в России поворот к национальной традиции в области храмового строительства, совпав с ним хронологически. Стилистика храмов в русском «старинном вкусе», заявленных и опробованных в программных произведениях К.А. Тона – церкви святой Екатерины у Калинина моста в Петербурге (1830), одноименной церкви в Царском Селе (1831), Храме Христа Спасителя (1832), церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы в Семеновском полку (1834) и святых Петра и Павла (1834) в Петербурге, – нашла свое воплощение при проектировании Благовещенского собора 1836–1839 гг.

Николай I, распорядившись возвести в Казанском кремле губернаторский дворец, указал и место для его строительства. Факт выбора места самим императором неоднократно подчеркивается в документах. Так, «место для построения Военно-губернаторского дома, Его Императорским Величеством 20 августа 1836 г. назначенное», отмечено, например, на генеральном плане кремля 1838 г.²¹ Оно располагалось вблизи башни Сююмбеки и Никольской церкви и было занято остатками бывшего обер-комендантского дома и развалинами древнего ханского дворца²².

²⁰ НА РТ. Ф.114. Оп.1. Д.1393. Л.4.

²¹ РГИА. Ф.1488. Оп.1. Д.1238.

²² Комплекс комендантского двора, «падением угрожающий», как о нем сказано в экспликации к генеральному плану, располагался покоем у самого склона кремлевского холма. Его основной корпус, собственно дом, был обращен к Благовещенскому собору. К нему примыкали корпуса

Ф.И. Петонди было поручено разработать проект «дома военного губернатора с помещениями для императорских квартир», к составлению которого он приступил немедленно после отъезда императора. В ноябре того же 1836 г. «проект дворца, предполагаемого вновь построить в Казанской крепости, был уже готов»²³.

Ф.И. Петонди развернул губернаторский дом лицом к реке Казанке, справедливо полагая, что таким образом не только открывался лучший вид из него, но и весь кремлевский комплекс получал выигрышный фасад, формируя городскую панораму со стороны главного московского въезда.

Продолжая линию, на которой располагались башня Сююмбеки и Введенская церковь, он загнул ее дугой и посадил на нее здание дворца²⁴. Церковь, предназначенная стать домовою, оформила западную оконечность дуги, а с противоположной стороны на другом ее конце архитектор поставил точно такой же новый объем с апсидами и главкой. Он имел вид храма, но вместо креста венчался двуглавым орлом и служил частью внутренних помещений квартир губернатора и императора. Квартира губернатора занимала весь нижний этаж. Императорская квартира, значившаяся в экспликациях как «помещение на случай прибытия Государя Императора», располагалась в бельэтаже. Центральное место в планировке занимал большой овальный зал, отмеченный на фасаде двенадцатипилястровым портиком коринфского ордера. Дворец величественно возвышался над кремлевским склоном, поставленный на мощное цокольное основание, напоминающее подпорную стену²⁵.

Служебные строения располагались в глубине вдоль ограды, тянувшейся от башни Сююмбеки и отделявшей губернаторский двор от участка Благовещенского собора, а также вдоль восточного склона, и, таким образом, были невидимыми со стороны кремлевской улицы. Арка башни Сююмбеки служила парадным въездом во двор²⁶.

хозяйственных построек, а со стороны Казанки он отгораживался каменной оградой, образуя закрытый внутренний двор. См.: НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРПК. Ед. хр. 9604.

⁴⁸ НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРПК. Ед. хр. 9599, 9601, 9602, 9603, 9604.

²⁴ НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРПК. Ед. хр. 9601, 9602, 9603.

²⁵ НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРПК. Ед. хр. 9599.

²⁶ НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРПК. Ед. хр. 9604.

Однако проект отклонили при рассмотрении в ГУПСИПЗ в феврале 1837 г. Комиссию не удовлетворило расположение будущего губернаторского дворца. Поэтому, поручая переработку проекта своему члену, она достаточно определенно описала свое видение дворца – «чтобы проект оный переделан был так, чтобы дом для г. Военного губернатора был приличен, без всякой роскоши и расположен был в одно целое с остатками древнего здания подле Сюмбекиной башни, и при этом без нужды не опускаться под косогор, но поставить строение параллельно Собору»²⁷. Под остатками древнего здания у башни Сюмбеки подразумевалась Введенская церковь, также включенная в список казанских древностей как перестроенная из татарской мечети²⁸. Расположение «в одно целое» означало создание единого комплекса.

Древние здания подлежали реставрации. Поэтому в то время, пока в Комиссии разрабатывался новый проект, губернскому архитектору было поручено произвести подробную фиксацию памятников старины, составив «по древнему зданию фасады с четырех сторон, разрезы вдоль и поперек сего здания, планы по каждому ярусу во всей подробности и ясности с означением размеров»²⁹, а также чертежи деталей – «украшений, карнизов и других орнаментов в настоящем их положении»³⁰.

Вновь составленный проект рассматривался в Комиссии проектов и смет вместе с первоначальным проектом и обмерными чертежами, составленными Ф.И. Петонди. 26 марта 1838 г. император утвердил «как фасады, так и расположение сего дома»³¹. Комплекс дома военного губернатора состоял из главного, П-образного в плане корпуса, поставленного в линию с Введенской церковью, и примыкавших к нему с северной стороны подковообразных в плане служб. Стена отделяла внутренний парадный двор от черного, хозяйственного³².

В нижнем этаже располагалась квартира военного губернатора и хозяйственные помещения (кухни, кладовые, людские и т.д.), в том

²⁷ НА РТ. Ф.409. Оп.8. Д.4. Лл.1–2.

²⁸ Нугманова Г.Г. Казанские древности в XIX – начале XX века // История градостроительного искусства. – В.1. – М., 2006. – С.282–294.

²⁹ НА РТ. Ф.409. Оп.8. Д.4. Лл.4–5.

³⁰ Там же.

³¹ НА РТ. Ф.409. Оп.8. Д.4. Лл.12–13.

³² НБ КГУ им. Н.И. Лобачевского. ОРРК. Ед. хр. 9500. Л.1.

числе предназначенные для обслуживания императорской квартиры. Губернаторская квартира, занимавшая часть лицевого корпуса и восточного крыла, выходила окнами во внутренний двор и состояла из нескольких смежных комнат. Двухэтажные службы включали кладовые, прачечную, сараи, конюшни, помещения для кучеров, ледники.

Весь верхний этаж с антресолями был отведен под «помещения на случай прибытия Государя Императора»³³. Императорская квартира состояла из двух рядов комнат, расположенных анфиладой и разделенных продольной стеной. Она связывалась с церковью крытым переходом.

Обращенный к Благовещенскому собору главный фасад представлял собой симметричную композицию – повышенные центральный и боковые объемы в пять и три осей окон соответственно соединились более низкими по высоте вставками³⁴.

Сравнение проектов военно-губернаторских домов, выполненных в Казани и в столице, вновь оказывается не в пользу столичного. Монументальное сооружение Ф.И. Петонди, рассчитанное на восприятие издали, органично включало в себя древние строения – церковь и башню Сююмбеки, четкая вертикаль которой позволяла издали фиксировать взгляд, выделяя кремлевский комплекс в панораме города. Воспроизведение объема храма симметрично существующему, вызванное непосредственным присутствием древнего памятника и законом стиля, придавало комплексу необычность, а фасад своей парадностью и торжественностью отвечал своему дворцовому назначению. Дворец в утвержденном проекте не только не отличался оригинальностью, апеллируя к усадебным композициям, но практически буквально повторял в своем облике главный корпус расположенной напротив через улицу школы батальонов военных кантонистов.

По своему внутреннему устройству здания в обоих случаях представляли собой двухквартирные доходные дома с поэтажно расположенными квартирами. В проекте Ф.И. Петонди значимость императорских покоев подчеркивалась расположением в бельэтаже и двусветным залом. Из обращенной к Казанке парадной анфилады обеих квартир открывался великолепный вид на Зилантов монастырь вдали. Во втором же варианте губернаторская квартира, занимавшая

³³ Там же. Л.2.

³⁴ РГИА. Ф.1488. Оп.1. Д.1216. Л.8.

несколько смежных комнат, обращенных окнами в замкнутый двор, отличалась крайним неудобством по причине того, что значительную часть этажа составляли вспомогательные помещения императорской квартиры, впрочем, также устроенной в соответствии с требованиями «без всякой роскоши».

Желание обратить военно-губернаторский дом главным фасадом к Благовещенскому собору ставило своей целью композиционно объединить два главных кремлевских сооружения, призванных символизировать союз самодержавия и православия. Однако, при практическом воплощении этой идеи два самостоятельных комплекса сообщались лишь через калитку в разделявшей их ограде.

При составлении сметы к утвержденному проекту у Ф.И. Петонди возникли затруднения, относительно которых он пожелал иметь «личные пояснения от архитектора Шарлеманя, составившего проект»³⁵. Таким образом, автором проекта губернаторского дворца, составленного в Комиссии проектов и смет, был Шарлемань, к которому и был командирован на 28 дней казанский губернский архитектор³⁶.

Здание предполагалось возвести за четыре года³⁷, однако строительные работы не начинались еще в течение нескольких лет. Датированный почти пятью годами спустя документ содержит написанный К.А. Тоном рапорт следующего содержания: «Вследствие словесного приказания господина Главноуправляющего Путиями сообщения и Публичными зданиями графа Петра Андреевича Клейнмихеля имею честь представить проект на постройку губернаторского дома в г. Казани, составленный мною вместо прежнего на тот предмет проекта ... Архитектор Тон, августа 14 дня 1843 г.»³⁸.

Внесенные придворным архитектором изменения, очевидно, произвели впечатление в ГУПСИПЗ, поскольку в сентябре того же года в Казань последовало от Клейнмихеля письмо, в котором граф писал: «Препровождая при сем в копии Высочайше утвержденный проект (на 8 листах) на постройку дома военного губернатора в Казани, — предписываю комиссии немедленно составить и представить мне смету сообразно сему проекту и сделать все предварительные распо-

³⁵ НА РТ. Ф.409. Оп.8. Д.4.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л.49.

³⁸ РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.7. Лл.136–136 об.

ряжения таким образом, чтобы с весны будущего года можно было начать работы»³⁹. В соответствии с составленной сметой предполагалось губернаторский дом и обгоревшую церковь выстроить за четыре года, оставив на пятый год лишь наружные штукатурные работы⁴⁰.

Однако в ходе проведения подготовительных работ обнаружилось обстоятельство, в очередной раз поставившее под сомнение утвержденный проект. Обследование «назначенной к присоединению к губернаторскому дому обгоревшей церкви с возобновлением оной», показало, что восстановить ее не представлялось возможным. Соответствующий акт подписали три архитектора – Песке, Петонди и Миртов. В нем сообщалось, что «фундамент ее устроен непрочно, на сухой кладке и не на материке, а на сваях, которые совершенно сгнили, отчего в стенах и сводах церкви имеются значительные трещины и железные связи во многих местах разорваны так, что возобновление этой церкви весьма ненадежно»⁴¹.

Кроме того, придворный садовник Финтельман, осмотрев местность для устройства при доме сада, нашел, что лучший вид из губернаторского дома будет на реки Волгу и Казанку. Между тем по проекту на этой стороне предполагалось возвести конюшни, сараи, людские и устроить черный двор, что, по его мнению, будет представлять из парадных комнат дома неприятный вид⁴².

Губернатор С.П. Шипов признал замечания садовника, а также результаты обследования церкви обоснованными. Приложив два плана на устройство сада («один при таком положении здания, как оно было проектировано, а другой с отнесением служб на противоположную сторону»), он обратился с прошением в ГУПСИПЗ сообщив, что «полагает гораздо удобным составить на возведение Военно-Губернаторского дома совершенно новый проект с тем, чтобы Архитектор, которому поручено будет составление этого проекта сам лично осмотрел местность»⁴³.

Клейнмихель, разделяя представленные Казанским губернатором доводы, в свою очередь обратился с прошением к императору:

---

³⁹ Там же. Л.140.

⁴⁰ Там же. Л.145.

⁴¹ РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.7. Л.221–224.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л.221.

«...приемлю смелость всеподданнейше испрашивать Высочайшего соизволения: 1. Церковь сию оставить без возобновления, потому что ей нельзя дать прочного основания и употребленные на это издержки оказались бы потерянными, и 2. Так как за сим здание в общем виде должно получить изменения и к возведению его еще не приступлено, то составить оному новый проект с ближайшим применением его к местности и не выходя из ассигнованных сумм»⁴⁴.

Однако, император, по-видимому, уже несколько раздраженный затянувшимся процессом проектирования, отрезал: «церковь при Военно-Губернаторском доме в Казани возобновить в настоящем виде, подведя новый фундамент, где нужно будет», а также «немедленно в нынешнем же году, начать возведение такового согласно Высочайше утвержденному 19 сентября 1843 г. проекту (т.е. проекту К.А. Тона – Г.Н.)»⁴⁵.

10 мая Шипов докладывал своим отношением в ГУПСиПЗ о состоявшейся одновременной закладке в Казани трех значимых для города зданий: Дворянского собрания (6 мая), Казанской Духовной Академии (8 мая) и военно-губернаторского дома в кремле (9 мая), о чем и было доложено Николаю I в Петергофе 21 июня 1845 г.⁴⁶

Строительство Военно-губернаторского дворца было завершено в 1848 г. В уменьшенной реплике Большого Кремлевского дворца в Москве использован тот же арсенал форм-знаков русско-византийского стиля. Однако выраженная симметричная композиция здания с центральным ризалитом и боковыми порталами, колонны и пилястры коринфского ордера, оформляющие фасад, говорят о его связи с классицистической традицией.

Вслед за губернаторским дворцом 16 мая 1849 г. начались работы по восстановлению Введенской церкви, которую по окончании работ предполагалось освятить во имя Сошествия Святого духа. Для ее освидетельствования в Казань был приглашен член общего присутствия правления IV округа Путей сообщения старший архитектор Н.В. Никитин⁴⁷.

---

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л.241.

⁴⁷ Зодчие Москвы. – М., 1998. – С.181; РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.338. Ф.218. Оп.4. Д.276.

Интересное историческое изыскание провел назначенный производителем работ инженер Корпуса путей сообщения майор Н. Граве. Установить дату возведения храма ему не удалось. Он однако выяснил, что старожилы считали церковь частью бывшего дворца царицы Сююмбеки. Граве в этом сомневался, но в то же время ему было известно, что русские строили церкви именно на местах «средоточия неверности». Сверив кирпич, из которого была выстроена церковь, с кирпичом на башне Сююмбеки, он обнаружил их идентичность как по размеру, так и по качеству. Из этого факта Граве сделал вывод о том, что весьма вероятно, что дворец Сююмбеки располагался на месте нынешней церкви, но его, «как средоточие зла» разрушили, и из этого кирпича сложили церковь⁴⁸.

Церковь требовалось прежде всего укрепить. Утраченные крышу и купола предполагалось возвести по «Высочайше утвержденным формам»⁴⁹. Общий проект был утвержден только в 1852 г., а восстановительные работы продолжались вплоть до 1859 г.⁵⁰

Древние здания, отнесенные к историческим памятникам, подлежали ремонту и восстановлению «в первобытном виде». Остатки мечети и ханского дворца, осознавались как древние, однако они утратили свой облик. В данном случае памятником считалась церковь, возведенная на их месте. По мнению столичных властей именно ее и надлежало возобновить «в настоящем виде». Фактически речь шла о выборе, какое из разрушенных зданий, располагавшихся когда-то на данном месте, следовало признать памятником, охранять и восстанавливать. И если казанские власти отдавали приоритет более древним памятникам казанского ханства, то столичные явно предпочитали памятник распространения православия, и мы сталкиваемся с различиями в подходах к этому вопросу со стороны государства и Казанской администрации.

В любом случае речь не шла о научной реставрации в современном понимании. В XIX в. облик многих сооружений был утрачен. Под воссозданием в «первозданном виде» понималось зачастую новое строительство здания по аналогии. Однако строительство губер-

⁴⁸ РГИА. Ф.218. Оп.4. Д.338.

⁴⁹ Там же. Л.10 об.

⁵⁰ Липаков Е.В., Афолина Е.В., Долгов Е.Б., Середа Г.И., Якимов И.В. Республика Татарстан: Православные памятники. – Казань, 1998. – С.15.

наторского дворца на месте ханского могло символизировать воссоздание древних властных и градостроительных структур.

Проводившиеся в 1830–1850-х гг. строительные работы в Казанском кремле отражали градостроительную политику эпохи Николая I. Они осуществлялись под руководством императора и носили государственный характер. Считается, что постройки государственного масштаба при Николае I осуществлялись в Москве, поскольку она олицетворяла народность⁵¹. Однако таким же олицетворением народности служила и российская провинция.

Николаевская эпоха стала эпохой кристаллизации имперской идеологии. Самобытность страны, определяемая ее историческим прошлым, стала одним из важнейших столпов государственной идеологии. И возвести этот столп, опираясь только на новую столицу Санкт-Петербург, было невозможно. Древнюю историю страны питали ее памятники, сосредоточенные не только в древней столице Москве, но и в протяженных провинциях. Особое значение приобретали места старых военных побед, места славы старого русского оружия. Отсюда возникал с одной стороны – интерес к российским древностям и их охране, а с другой – желание отметить эти места новыми архитектурными сооружениями, соответствовавшими им по стилю и выражавшими идею величия империи. Оба эти явления мы наблюдаем в Казанском кремле.

---

⁵¹ Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. – М., 1986. – С.100.

Ремнев А.В.

Административный «треугольник» империи для Сибири и Дальнего Востока

Как результат моих многолетних исследований генерал-губернаторской власти в Азиатской России, я бы хотел представить некоторые наблюдения о том, как осуществлялось взаимодействие центра и регионов, как функционировала имперская власть в региональном измерении¹. Несмотря на большое количество исследований по истории российской монархии, мы все еще плохо представляем императорскую власть как институт реального управления огромной коммуникационно разорванной территорией с полиэтничным и поликонфессиональным населением. В качестве описательной модели системы управления Азиатской России я, с известной долей схематизма, могу предложить треугольник, вершиной которого был император, управляющий окраинами через генерал-губернаторов и министров. Административно-правовое поле такого треугольника и будет объектом моего внимания, сконцентрированного на пяти аспектах проблемы. Это было пространство принятия политических решений, эффективность которых во многом зависела от согласованности действия всех акторов имперского управления.

Административное устройство Сибири и Дальнего Востока рассматривалось как «переходная форма», которая должна иметь конечную цель: «путем последовательных преобразований введение окраин в тот устойчивый административный строй, приданный европейским губерниям, который, представляя свободу и развитие в пределах областных интересов, поддерживает объединение дей-

---

¹ Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. – Омск, 1995; Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. – Омск, 1997; Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX вв. – Омск, 2004; Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). – М., 1997. – С.52–66; Степное генерал-губернаторство в имперской географии власти // Азиатская Россия: люди и структуры империи. – Омск, 2005. – С.163–222.

ствий в руках центральных учреждений»². В многообразии проектов и административно-территориальных реформ в Азиатской России можно заметить одну важную, на мой взгляд, тенденцию: империя последовательно двигалась по пути разрушения административного единства географически и исторически формировавшихся регионов, создавая административную сеть со все более дробными и мелкими управленческими ячейками. Российские власти почти не имели в Сибири старых политических, этнических или культурных границ, которые (как на Кавказе или в Средней Азии) могли бы оказывать существенное воздействие на конфигурацию административной карты. Созданные военными города становились управленческими, хозяйственными, фискальными и культурными опорными точками имперской интеграции региона, а административные границы – определяли контуры новой имперской географии. Поэтому в Сибири, особенно на Дальнем Востоке, генерал-губернаторам приходилось быть не столько «этнополитиками» или «хозяйственниками» (по типологии К. Мацузато), сколько «географами». На ранних этапах освоения Сибири, а на Дальнем Востоке на протяжении всего XIX – начала XX вв., администрация должна была «не только управлять краем, но и изучать его и создавать в нем гражданскую жизнь»³. Можно наблюдать, как на протяжении XIX века постепенно менялась карта Сибири, перекроенная ведомственными границами, которые не всегда совпадали с обычным административным делением. Этот процесс также усиливал сходство Сибири и Европейской России.

В государственном местном управлении Российской империи существовало как бы две линии реализации самодержавной власти: территориальная и отраслевая. Имея общую природу властных полномочий, нечетко разделенные прерогативы, возможность напрямую апеллировать к монарху, министры и генерал-губернаторы с большим трудом координировали свои действия. Личностная природа генерал-губернаторской власти при довольно частой смене генерал-губернаторов неизбежно придавала дискретный характер правительственному курсу в отношении той или иной окраины.

---

² Журнал Особого совещания по административному переустройству Азиатской России (1882 г.) // РГИА. Ф.1284. Оп.60. 1882 г. Д.47. Л.166.

³ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. // РГИА. Ф.1284. Оп.60. 1886 г. Д.70. Л.145.

Смена персонажей на генерал-губернаторском посту имела нередко определяющий характер на направление и успех правительственных мероприятий. Парадокс развития генерал-губернаторской власти, как это заметил еще дореволюционный правовед И.Я. Фойницкий, заключался в том, что при видимом расширении полномочий главы местной администрации он продолжал действовать без четкой юридической регламентации. На трудности исследования института генерал-губернаторской власти, из-за неопределенности его правовой основы, указывают и современные исследователи⁴.

Генерал-губернаторская власть в империи так и осталась с неустойчивым статусом и нечетко определенным кругом полномочий, что в случае конфликта, интриг в регионе или в столице, могло поставить генерал-губернатора в весьма уязвимое положение. Чему примеров в сибирской истории, начиная с показательной казни в петровскую эпоху сибирского губернатора М.П. Гагарина, обвиненного не только в «лихоимстве», но и заподозренного в сепаратизме, предостаточно⁵. Между тем в юридической мысли империи господствовала точка зрения, что генерал-губернаторство есть явление временное, «переходное», пока центральные ведомства не создали плотную сеть

⁴ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. – СПб., 2001. – Т.1. См. также: Ремнев А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX вв.). – М., 1997. В.В. Трепавлов, очевидно, не без впечатления от введения федеральных округов в современной Российской Федерации (которые на первых порах часто сравнивали с генерал-губернаторствами) считает, что институт генерал-губернаторств есть «одно из основных, вероятно, достижений русской государственной мысли», а генерал-губернатор выполнял важную стабилизирующую роль в империи, будучи «амортизатором», способным в условиях подобной децентрализации «гасить потенциальные конфликты на местах, не доводя их до общеимперского масштаба (исключая периоды глобальных социально-политических кризисов)». См.: Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003. – С.360. См. также: Ремнев А.В. Федеральные округа или генерал-губернаторства? В поисках исторических аналогий // История и культура Сибири. – Омск, 2001. – С.186–196.

⁵ Так, четверо из семи сибирских генерал-губернаторов второй четверти XIX века вынуждены были оставить свой пост в Сибири не по своей воле, вызвав серьезное недовольство петербургских властей и императора.

своих институтов и не выстроили надежную систему коммуникаций, что особое управление окраин может препятствовать единству империи. Подозрение вызывали даже сами генерал-губернаторы, которые могли «осибиричиться» и которым трудно отрешиться от предвзятой идеи, «что край этот есть нечто особое от остального государства»⁶. Действительно, некоторые из генерал-губернаторов, как Н.Н. Муравьев-Амурский – в Восточной или Н.Г. Казнаков – в Западной Сибири формировали свой взгляд на развитие региона, что не могло не сближать их взгляды с позициями сибирской общественности в адресованных к центру требованиях проведения реформ.

Ключевым в «треугольнике»: император – министры – генерал-губернатор, разумеется, являлось отношение генерал-губернатора к монарху. Неясность управленческого статуса генерал-губернатора может быть объяснена самой природой их полномочий, которые были своего рода делегацией (поручением) верховной власти, а генерал-губернатор мог рассматриваться скорее «личным региональным агентом» императора⁷, нежели частью рационально организованного механизма взаимодействия главы государства с подчиненными ему сотрудниками. Д. ЛеДонн, проанализировавший проекты генерал-губернаторств начала XIX в., пришел к выводу, что правительственные реформаторы так и не смогли выйти за пределы московско-имперской, воеводско-наместнической традиции, натолкнувшись на непреодолимое препятствие генетической связи императорской и генерал-губернаторской власти⁸. Так, назначив в 1844 г. графа М.С. Воронцова кавказским наместником, Николай I прямо сказал ему: будешь моим *«alter ego»*⁹. Не случайно, нового генерал-губернатора подробно инструктировал сам император, лично давая

⁶ Градовский А.Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собр. соч. – СПб., 1899. – Т.1. – С.329.

⁷ Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования самодержца 1812–1858. К типологии основ имперского управления. – Хельсинки, 1998. – С.275–277. См. также рецензию М.Д. Долбилова в журнале «Критика».

⁸ LeDonne J.P. *Frontier Governors General 1772–1825* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Н.1. S.56–81; 2000. Н.2. S.161–183; 2000. Н.3. S.321–340; idem. *Russian Governors General, 1775–1825. Territorial or functional administration?* // *Cahiers du Monde russe*. 2001. V.42 (1). P.5–30.

⁹ Воспоминания М.П. Щербинина // *Русский архив*. – 1876. – Кн.3. – С.301.

наставления, которые в начале XIX в. могли иметь особую юридическую форму «наказа» (нередко, секретного), а генерал-губернаторы на монарших аудиенциях стремились заручиться не просто высочайшей поддержкой, но и получить одобрение программы своих действий. Не случайно, в бюрократических кругах даже осмеливались сравнивать власть генерал-губернатора с монархом. При обсуждении вопроса о пространстве Приамурского генерал-губернаторства раздавались призывы к генерал-губернатору смелее делегировать полномочия губернаторам, так как нельзя же ему будет управлять таким обширным регионом, вдаваясь в мелочи. Громадная территория, отмечалось при этом, не может служить препятствием для единства власти в одних руках, «так как вся обширная Россия управляется лишь одним лицом – Государем Императором»¹⁰. При этом декларировалось, что генерал-губернатор – вторая инстанция после царя и поэтому он обязан быть руководящей властью, а не исполнительной. Это была своеобразная региональная трактовка монархического принципа, что царь правит, но не управляет.

Российский самодержец вынужден был делегировать часть своих прерогатив министрам и генерал-губернаторам, предпочитая это делать по заведомо неясно прочерченным двум линиям, стремясь, таким образом, обезопасить себя от излишних бюрократических процедур и сохранить личную инициативу в азиатской политике. Современниками неоднократно отмечалась привычка российских монархов играть на противоречиях, сталкивать своих ближайших сотрудников, находя в их разногласиях дополнительные гарантии своей неограниченной власти. Особенно это было присуще Николаю II, который пребывал в плену старомосковских представлений о роли царя, опасался «расхищения» монархической власти бюрократией. Не случайно, неожиданное учреждение наместничества на Дальнем Востоке в 1903 г. было воспринято в правительственных кругах, не только как акт недоверия министрам, но и способ укрепить самодержавие¹¹. В этой связи В.К. Плеве говорил А.Н. Куропаткину, что «черта недоверия к министрам и издание важных актов без посредничества обща

¹⁰ Журнал № 1 комиссии под председательством А.Н. Корфа (январь 1885 г.) // РГИА ДВ. Ф.702. Оп.1. Д.63. Л.25.

¹¹ Не случайно в этой связи В.К. Плеве напомнил, что таким же личным волеизъявлением монарха был известный царский манифест 29 апреля 1881 г. об укреплении самодержавия // Красный архив. – 1922. – Т.2. – С.45–46.

всем государям, начиная с Александра I. Эта черта находится в связи с основным принципом самодержавия¹². Именно на Дальнем Востоке Николай II намеревался проявить свою самостоятельность, найти новое поприще для «славного» царствования. Вопрос об усилении власти на дальневосточной окраине смещался, таким образом, в плоскость сохранения самодержавия. Это было связано с известным недоверием Николая II к своим министрам, который, пребывая в плену старомосковских представлений о роли царя, опасался расхищения монархической власти бюрократией. Одновременно он стремился играть самостоятельную роль в дальневосточной политике, которая могла сулить ему славу покорителя Востока. Именно на Дальнем Востоке Николай II намеревался проявить свою инициативу, найти новое поприще для «славного» царствования. Сдержанность и осторожность министров создавали лишь досадные помехи, от которых он и поспешил отделаться, создав альтернативную вертикаль региональной власти: наместник – Комитет Дальнего Востока – император. Наличие на окраинах параллельных по сути властей (министерской и генерал-губернаторской), в известной мере, позволяло российскому монарху охранять самодержавие и не попасть окончательно под «власть докладчиков»¹³. Казалось, что генерал-губернаторы, лично подконтрольные императору и могущие непосредственно к нему апеллировать, будут более удобным, нежели министерства, инструментом реализации «личной» политики самодержца. Не случайно актуализируется именно политический, а не только административный или хозяйственный, характер власти генерал-губернаторов.

Российские юристы так и не смогли дать внятного определения генерал-губернаторской власти, то определяя ее как министерства, действующее на местах (М.М. Сперанский), то как среднюю инстанцию между центральными и местными учреждениями. Наместническое управление объявлялось уже «своеобразною властью – местное по пространству своего действия, а также потому, что находится не в центре, а в подведомственной ему местности, и центральною по

---

¹² Плева выразился так: «Уступают внешним образом министрам, а на стороне ищут союзников в защиту самодержавия».

¹³ См. подробнее: Долбиллов М.Д. Рождение императорских решений: Монарх, советник и «высочайшая воля» в России XIX в. // Исторические записки. – М., 2006. – Т.9 (127).

существо своих полномочий»¹⁴. Изначально, при учреждении должности генерал-губернатора, предполагалось, что он, включаясь в систему местного управления, должен одновременно как бы стоять над ней, осуществляя высший местный надзор. Эта двойственность в функциях породила так и неразрешенную в имперском государствоведении проблему: является генерал-губернатор органом управления или только надзора? После неудачных попыток институционализировать генерал-губернаторское управление в рамках децентрализационных проектов начала XIX в. к концу царствования Александра I, как признавали уже имперские юристы, «от софизма о пресловутом отделении власти управления от власти надзора отказались, и генерал-губернаторы стали открыто признаваться полномочными правителями»¹⁵. Генерал-губернаторское управление оставалось прежде всего личностным, что, хотя и приводило к непоследовательности и плохой согласованности в имперской политике, делало ее многовариантной и альтернативной. Смена персонажа на генерал-губернаторском посту нередко означала изменение правительственного курса в отношении данной окраины и являлась отражением сложного «расклада» сил в петербургских правительственных и сановных кругах. Кроме того, существовала потребность в особой координации действий местной администрации, так как проблема «объединенного правительства» неизбежно транслировалась и на региональный уровень.

Вместе с тем правовой статус генерал-губернатор на восточных окраинах империи всегда оставался плохо определенным, сопровождаясь неясными декларациями в законе. Сверхправовая природа генерал-губернаторской власти, делегированной с высоты престола, отсутствие регулярного и четко отлаженного надзора центра воспроизводили, по образцу самодержца, своего рода патриархальный, «домашний» вариант управления, где, по определению М.М. Сперанского, самовластие сочеталось с послаблением. «Сибирское учреждение» 1822 г. полномочия генерал-губернатора фактически обходило стороной, а советы Главных управлений, призванные корректировать единовластие генерал-губернаторов, с самого начала

¹⁴ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. – СПб., 1910. – Т. II. – Ч. 1. – С. 200, 206.

¹⁵ Соколов К. Очерк истории и современного значения генерал-губернатора // Вестник права. – 1903. – Кн. 7. – С. 178.

попали под их контроль. Наказ генерал-губернаторам 1853 г. не внес ясности и к тому же не имел прямого действия в Азиатской России. Существенно расширяло прерогативу генерал-губернаторов «чрезвычайное законодательство», а также секретные императорские инструкции, дававшие генерал-губернаторам право выносить даже смертные приговоры. Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, почти неограниченную власть, генерал-губернатор оказывался в ситуации, когда не знал: действует ли он в рамках своих полномочий или ему грозит наказание за превышение власти или за служебное бездействие. В 1863 г. намеревались вернуться к юридическому определению прав генерал-губернаторов, но польские события спутали планы. Оставив этот юридически неразрешенный вопрос как бы в подвешенном состоянии, российский законодатель предпочел уповать на указания практики, действуя скорее ситуативно, нежели планомерно. Широко известно выражение М.С. Воронцова: «Если бы здесь было нужно исполнение закона, то государь не меня бы прислал сюда, а свод законов». Как отмечал в это связи министр внутренних дел П.А. Валуев, он действует «comme le fait un gouvernement régulier, а наши генерал-губернаторы любят действовать comme un gouvernement personnel»¹⁶. П.А. Валуев упрекал генерал-губернаторов за их стремление к независимости от центральных ведомств, возможность решать некоторые дела напрямую с царем, пользуясь «своим воинским званием и его личным их выбором», за отсутствие преемственности в их деятельности. Он даже подозревал их в притязаниях «на создание государства в государстве». Между тем, как отмечал военный министр Д.А. Милютин, МВД предпочитало и на окраинах «иметь дело непосредственно с губернаторами, которые сами не что иное, как чиновники того же Министерства, чем с генерал-губернаторами, лицами более самостоятельными и авторитетными»¹⁷. Но и ведомственный интерес Военного министерства также был очевиден, так как от него во многом зависело назначение генерал-губернаторов, являвшихся одновременно и командующими дислоцированными в крае войсками и казачьими поселениями.

¹⁶ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1906. – Кн.20. – С.53.

¹⁷ Милютин Д.А. Мои старческие воспоминания // ОР РГБ. Ф.169. К.16. № 2. Л.109.

Генерал-губернаторы, как это было предписано законом, «определяются по непосредственному избранию и особому личному к ним доверию» императора. Они имеют право всеподданнейших докладов и обязаны представлять императору ежегодный отчет, а также, пользуясь особым монаршим доверием, могли получить право писать лично царю. Все реформы, касающиеся азиатских окраин, должны были согласовываться с генерал-губернаторами, а министры были обязаны ставить генерал-губернаторов в известность о предпринимаемых действиях. Генерал-губернаторы, как правило, приглашались в Сенат, Государственный Совет, Комитет министров и в другие высшие комитеты и особые совещания, когда там рассматривались дела, связанные с преобразованиями во вверенных им краях. Их мнение, несомненно, имело особый вес при разработке региональных реформ.

В имперских «сценариях власти» генерал-губернаторы разыгрывали роль особо доверенных лиц царя, подкрепляя тем самым монархический принцип государства. Эту непосредственную связь с императором они постоянно ощущали и всячески стремились поддерживать, демонстративно отделяя себя от прочих чиновников империи. Поэтому генерал-губернаторы столь ревниво относились к авторитету своей власти, а покушение на нее подавали как угрозу потери верноподданности населения. В глазах азиатских подданных империи, никогда не видевших своего «Белого царя» (за исключением тех немногих, кто побывал в столице), генерал-губернатор был символом могущества государства, олицетворял высшую власть империи. Поэтому важное значение придавалось престижу власти личного представителя монарха, «внешнему блеску» и личному «обаянию» его персоны. С особой тщательностью генерал-губернаторы заботились об антураже своей власти (дворец, приемы, балы, свита, чиновники для особых поручений, почетный конвой при поездках, продуманный церемониал встреч туземных подданных, приемов иностранных делегаций и т.п.). Презентацию власти в разных региональных ситуациях генерал-губернаторы старались адаптировать к восприятию и традициям местного населения, обставляя ее по-азиатски помпезно, что нередко шокировало просвещенную часть российского общества.

Самое опасное заключалось в потере доверия монарха, перед которым «сибирские проконсулы» империи только и чувствовали себя ответственными. Неопределенность положения генерал-губернатора

нередко порождала конфликты, когда за личными столкновениями царских сановников могли скрываться системные изменения самой имперской структуры власти. Все жалобы на генерал-губернаторов, поступавшие в высшие государственные инстанции, должны были предварительно сообщаться царю, и только он был волен избрать форму проверки их справедливости. При оценке действий сибирских генерал-губернаторов верховная власть нередко колебалась между восстановлением справедливости и сохранением их авторитета в глазах подданных. Однако усиление контроля центра путем сенаторских и министерских ревизий, либо организации независимого от генерал-губернатора жандармского надзора грозили подорвать авторитет высшей местной власти и отрицательно сказаться на имидже самого монарха. Показательно, что именно на такой трактовке своего положения в регионе настаивали сами региональные начальники. Восточносибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев (будущий граф Амурский) откровенно разъяснял в письме от 1 сентября 1856 г. военному министру Н.О. Сухозанету: «Особенное доверие Государя к генерал-губернатору Восточной Сибири необходимо и потому, что его нельзя облечь теми званьями, коих требует важность этого места; но званья эти ограждают от ответственности перед законом, следственно генерал-губернатор Восточной Сибири, не имеющий этого ограждения, должен, по крайней мере, быть убежден, что Государь его не обвинит и не предаст суду законов»¹⁸.

В таких условиях для генерал-губернаторов важно было сохранить личное главенство в регионе, выстроить формальную и неформальную структуру власти, добиться устойчивого положения в столице империи, что было всегда нелегкой, но очень значимой задачей. Из Петербурга исходила главная угроза, которая могла в ситуации правовой аморфности генерал-губернаторской власти привести к отставке за превышение власти или за нерешительность в ее применении. Генерал-губернаторы должны были постоянно заботиться о поддержании монаршего доверия к себе, опасаясь быть отодвинутыми конкурентами. Главными среди них были министры, которые стремились провести на генерал-губернаторские посты своих ставленников или поставить региональных администраторов в большую зави-

¹⁸ Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. – М., 1891. – Т.1. – С.472.

симось от указаний центра. Ревизии, тайный надзор жандармов, а то и просто доносы в такой ситуации были реальной угрозой, с которой генерал-губернаторы должны были считаться и находить эффективное противодействие. Они должны были внимательно следить за столичными делами, подолгу задерживаться в Петербурге, нуждались в союзниках в лице министров (это необязательно мог быть военный министр, с которым генерал-губернатор как командующий войсками, казалось, был теснее всего связан), членов императорской семьи, а то и просто влиятельных фигур при царском дворе. Эти контакты и союзы носили неформальный характер, были покрыты завесой тайны, что создает дополнительные трудности в постижении логики действий генерал-губернатора в высших петербургских сферах.

Исходя из чувства самосохранения, генерал-губернатор старался иметь могущественных покровителей в столице, стремился окружить себя на месте верными людьми, подавить всяческую оппозицию, и строго следил, чтобы неконтролируемая информация не смогла просочиться наверх. Зачастую не имевшие опыта гражданского управления, как правило, незнакомые с сибирскими условиями, постоянно опасаясь чиновных и купеческих интриг, генерал-губернаторы при отсутствии надежных покровителей в столице и в самой Сибири, могли превратиться в простое орудие в руках сибирской бюрократии. Промахи в управлении и завистливые происки врагов компрометировали главного начальника края в глазах верховной власти. Поэтому, чтобы удержаться на своем посту, генерал-губернатору приходилось вести постоянную борьбу с настоящей или мнимой оппозицией, подавлять всяческое недовольство и лавировать между различными группировками в сибирском обществе. Даже ссыльные декабристы или представители польской аристократии, оказавшись в Сибири, но, сохранив связи с могущественными родственниками и друзьями в Петербурге и Москве, имели шанс повлиять на карьеру генерал-губернатора¹⁹.

Казалось бы, в идеале министерская власть должна была выражать интересы страны в целом, а генерал-губернаторская – региона,

---

¹⁹ Подробнее см.: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX века. – Омск, 1995. Глава III. «Административная политика самодержавия в Сибири во второй четверти XIX века».

соблюдая при этом устойчивый баланс интересов. Однако практика государственного управления была далека от этого. Полного совпадения взглядов по всем вопросам генерал-губернаторов и министров достичь было невозможно: необходимо было или подчинить все учреждения в регионе генерал-губернатору, или совсем упразднить эту должность. Однако последнего было сделать нельзя, так как министерства не имели разветвленной и эффективно действующей системы ведомственных учреждений на местах. Азиатская Россия долгое время оставалась вотчиной генерал-губернаторской власти, куда никто из министров вплоть до конца XIX века ни разу не приезжал. Личная осведомленность в делах окраин и сопредельных государств придавала точке зрения генерал-губернаторов дополнительный экспертный вес при выработке политических решений в Петербурге. Даже оставивших генерал-губернаторский пост стремились использовать как региональных специалистов, чему придавалось особое значение, как императором, так и самими министрами. Таким образом, генерал-губернаторская власть на азиатских окраинах на протяжении почти всего имперского периода оставалась генеральной линией управления, альтернативной по своей сути министерствам.

С другой стороны, генерал-губернаторское управление, как мы видели, было порождено реальными потребностями организации огромного пространства империи. Самодержавие, сталкиваясь со сложными проблемами «недоуправляемости» азиатских окраин, не останавливалось перед деконцентрацией не только внутренней, но и внешней политики. Исторически такая самостоятельность генерал-губернаторов была оправдана и допускаема, пока контроль за местными агентами верховной власти был неэффективным, а центральные ведомства не имели развитой сети своих учреждений на региональном уровне. Когда же министерства усилили свое присутствие на региональном уровне, а регулярная почта, телеграфное сообщение и железные дороги сделали возможным оперативную связь со столицей, генерал-губернаторы оказались в трудном положении. Они были вынуждены действовать с оглядкой на позиции в регионе министерств, опасаясь брать на себя необходимую инициативу и ответственность, ожидая указаний из центра. Уже в середине XIX в. раздавались заявления, что при наличии телеграфа, генерал-губернаторская власть превратилась в непозволительную «роскошь». Однако такие технические новшества, признавал министр внутрен-

них дел А.Е. Тимашев, конечно, способствуют быстрому согласованию экстраординарных мер, но авторитетная и самостоятельная власть в крае нужна, прежде всего, для текущих дел. Дело было не в скорости коммуникаций, а в степени власти начальства, которое могло бы авторитетно распоряжаться на месте и представлять интересы региона перед лицом петербургских властей. Таким образом управленческое и хозяйственное предназначение губернаторской власти определено дрейфовало в политическую сферу, что диктовалось нарастанием кризисных ситуаций.

Одновременно, постепенно по многим направлениям своей деятельности, генерал-губернаторы попадали во всю большую зависимость от министерств, как в Петербурге, так и на самих азиатских окраинах. Бюрократическая машина, работавшая чрезвычайно медленно, также побуждала генерал-губернаторов часто приезжать в Петербург, лично «проталкивая» свои проекты через министерства и высшие государственные учреждения. Переписка не давала должного эффекта, что заставляло генерал-губернатора надолго задерживаться в столице, или иметь там своих представителей. В этом была другая опасность – попасть под огонь критики о том, что они «забросили» управление краем, как это было в начале XIX в. с И.Б. Пестелем. Постоянного представительства (в отличие от кавказского наместника после 1905 г.) никто из генерал-губернаторов Азиатской России в столице не имел. Однако генерал-губернаторы нуждались в устойчивом легальном канале связи, по возможности, менее зависимом от центральных ведомств с их сложными бюрократическими структурами, который бы надежно обеспечивал прямой доступ к высшим органам власти и императору. Высшие комитеты, как мы видели, могли этому способствовать, но и там доминирующим оставалось влияние министров.

Статус генерал-губернатора постепенно менялся в сторону его поглощения бюрократической системой «легального управления», очерченной более строгими нормативно-правовыми рамками. Обладая полной военной и гражданской власти, будучи наделен даже дипломатическими правами, генерал-губернатор должен был постоянно сталкиваться с формально ему неподчиненными местными ведомственными чиновниками, число которых постоянно возрастало. Впрочем, российские императоры не спешили передавать все нити управления азиатскими окраинами министерствам, сохраняя генерал-

губернаторов в качестве своих особо доверенных лиц, которые бы не позволили министрам монополизировать власть. Министры же стремились уже не просто к большей централизации и унификации окраинного управления, но и к лидерству в азиатской политике. Это проявлялось в исключительном праве на разработку и проведение реформ, сохранении за собой законодательной инициативы, контроле за распределением и использованием бюджетных средств. Положение генерал-губернаторов серьезно осложнилось после Первой российской революции, когда выросло число политических акторов (Государственная дума, реформированный Государственный совет, политические партии, независимая пресса, центральные и местные представительные организации буржуазии), усилились объединительные тенденции в Совете министров. Чрезвычайная же по своей сути власть генерал-губернаторов осталась плохо согласованной с новым механизмом законодательства и местного администрирования, что давало ее оппонентам дополнительные аргументы ратовать за ее упразднение. Не случайно именно Государственная дума поставила вопрос о целесообразности сохранения на некоторых окраинах генерал-губернаторской власти, заявляя, что «роль генерал-губернаторов в строе местного управления и ныне не совсем выяснена». Схожей позиции придерживались и либерально настроенные юристы, внушая, что в местностях, подчиненных генерал-губернаторам, менее всего человек может быть защищен от произвола администрации²⁰.

Жалобы на умаление генерал-губернаторской власти становились общим местом обращений региональных глав к монарху. Их риторика удивительным образом напоминала речи в защиту самодержавной власти императора, самостоятельность которого умаляет бюрократия. «В обществе, в народе и, в особенности, у туземцев степи самую жизнь создалось представление о генерал-губернаторе, как о лице, особо отличенном царским доверием по сравнению с простыми чиновниками разных ведомств, – подчеркивал в 1905 г. степной генерал-губернатор Н.Н. Сухотин – а потому властным и могущем скоро и непосредственно решать дела, фактически защищать обиженных, устранять беду, нужду». В реальности же они опутаны бюрократическими правилами и «обращены в промежуточные инстан-

²⁰ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. – СПб., 1910. – Т. II. – Ч. I. – С. 211.

ции», как и губернаторы. «Такое ослабление и ограничение живой деятельности высших местных начальников ... явилось вследствие систематического стремления Министерств к сосредоточению решающей власти в своих руках, в центре, в Петербурге. Осуществлялось же это разными путями, преимущественно же министерскими циркулярами, якобы разъясняющими законы, а на самом деле иногда изменяющими их, расширением компетенции Министерств относительно назначения должностных лиц своею властью, установлением прямых сношений губернских учреждений с Министерствами их ведомств – оборудование дел по соглашению Петербургских департаментов разных Министерств с их представителями на местах, иногда временными партиями, только наезжающими в край, установлением прямого общения Министерств с местными учреждениями и населением, посредством командированных из Петербурга чиновников, преимущественно летом, то для преподания разъяснений и руководящих указаний, то для ближайшего изучения дела на месте, то для проверки результатов применения разного рода положений»²¹.

Центральные ведомства неуклонно уплотняли свою региональную административную сеть, заполняя ее отраслевыми учреждениями и чиновниками, создавая специальное (отраслевое) территориальное деление (военные, учебные, судебные, горные и т.п. округа). Генерал-губернаторы не без основания упрекали министерства за стремление управлять азиатскими окраинами, «как Московскою или Тверскою губерниєю». Министрам же генерал-губернаторская власть представлялась лишь переходной моделью к общеимперской системе управления, они были склонны скорее преувеличивать, нежели преуменьшать²² степень готовности окраин к унификации и возможности их «административно-правовой русификации». МВД неоднократно пыталось, если не ограничить права генерал-губернаторов на общий ход управления, то более четко развести функции генерал-губернаторов и губернаторов. Последние во второй половине XIX в. фактически уже превратились в агентов МВД на местах. Однако эти

---

²¹ Всеподданнейший отчет Степного ген.-губернатора Таубе за 1901 и 1902 гг. – Л.8.

²² Это не всегда было однозначным, стоит только вспомнить о судебной и земской реформах, задержка которых, впрочем, не всегда соотносилась с наличием или отсутствием генерал-губернаторства.

стремления могли быть парализованы общим курсом, направленным на усиление местной власти в условиях обострения политического кризиса. В свою очередь, Военное министерство было также заинтересовано в сохранении генерал-губернаторств, видя в них готовую матрицу для военно-окружного управления.

Вместе с тем действия министерств не были единодушными в отношении генерал-губернаторств, и главы центральных ведомств вели постоянную скрытую или явную борьбу между собой за лидерство на той или иной окраине. Если Военное министерство имело преференции в управлении Приамурского края (хотя в последнем оно должно было разделять свое влияние с морским ведомством, за которым в 1860–1870-х гг. стояла фигура вел. кн. Константина Николаевича), то в Западной и Восточной Сибири роль других министерств (особенно МВД) становилась к концу XIX в. все более заметной. В административной политике в отношении Дальнего Востока можно наблюдать, как конкурировали военное и морское ведомство, как в эту борьбу вмешалось Министерство финансов и как, после Русско-японской войны, о своих правах на доминирование в регионе заявило ГУЗиС. Министерства явно спешили избавиться от генерал-губернаторов, которые, казалось, только замедляют и неоправданно усложняют управление. Сами же генерал-губернаторы постоянно ратовали за сохранение особого статуса управления окраин, жаловались на недостаток полномочий и требовали расширения территории генерал-губернаторства (как в случае с Западной Сибирью на рубеже XIX–XX вв.) или возвести даже в звание наместника. Несогласованные действия влиятельных столичных акторов усложняли положение генерал-губернаторов, но давали им возможность лавировать и искать союзников в высших петербургских сферах. Все это порождало многовариантность политики на азиатских окраинах, давало генерал-губернаторам шанс ввести в правительственный курс региональное измерение имперских проблем. Насколько запутанными и противоречивыми не были бы наблюдаемые процессы в администрировании и реформировании на восточных окраинах, главным все же оставалась их «административно-правовая русификация» и курс на «слияние» с Центральной Россией, который определялся как главное отличие от колониальной политики европейских империй.

Саначин С.П.

**Городские укрепления на территории Татарстана
в описании XVIII века подполковника А.И. Свечина
и гипотезы их местоположений**

Как известно по указу Екатерины II от 7 ноября 1762 г. в Казанской губернии работала сенатская комиссия. Главной из задач комиссии было освидетельствование непорядков и запущения корабельных лесов. Но возглавлявший комиссию подполковник Свечин, помимо исполнения служебного поручения, делал, уже по собственной инициативе, снимки и *Описание*¹ увиденного им по ходу маршрута. Дополнив *Описание* «кратким Историческим описанием» находившихся по тракту крупных поселений, он внес его с *Нижайшим репортом* 10 мая 1765 г. в Правительствующий сенат.

Среди обилия историко-географических сведений Свечина можно сделать выборку информации, касающейся случившихся по маршруту крепостных укреплений. Этот «слой» очень компактен. Но чрезвычайно интересен, поскольку наряду с официальной имперской концепцией создания крепостей Свечин в ряде случаев сообщает уникальные подробности относительно их устройства и разрушения. Важным моментом здесь является и фактор времени составления *Описания* Свечиным: до получивших широкую известность академических работ П.Рычкова, П.Палласа, Н.Озерецковского, И.Лепехина, И.Фалька, И.Георги и, соответственно, всех последующих.

Комиссия Свечина стартовала из Москвы, по Большой Володимерской дороге. Миновав города Володимер, Муром, Нижней Новгород, Василь Сурской, Козмодемьянск и Чебоксар, она нагорным берегом Волги вошла в пределы Татарстана.

---

¹ «Описание! Находившимся потракту деревням и селам, чье оные с показанием числа душ и дворов[,] между оными верст[,] качества земли[,] лесов[,] гор[,] вершины и устья рек и в них рыбы[,] чрез оные перевозов и мостов[,] а огородах краткое историческое описание[,] с наблюдением тех мест разных изобилиев яко то[,] плодородии хлеба[,] скота[,] пчел[,] зверей[,] птиц[,] художеств и торгов» // РГАДА. Ф.248. Оп.41. Д.3419.

Первым на пути городом здесь оказался **Город Свяжжск**. В ходе изложения истории создания Свяжжска, Свечин уточняет технологию строительства привезенного на гору укрепления:

(л.845об.) *Шихалеи[,] зная сие место[,] заготовив и срубя оное укрепление[,] а потом переметя иразобраз[,] в сем готовой по Волге насудах привез[;] которой вдруг на сей горе поставив **изакрывшись уже оным[,] находившиеся лес после вырубал и потребное строение строил**²[.]* То есть: первым делом было заграждение и только затем подготовка территории и застройка.

Затем Свечин сообщает высоту горы:

(л.846об.) *Поселение сего города состоит накругло длинноватая горе[,] коеи вышина перпендикулярно **35 сажжен**[,] на устье трех рек Свягге[,] Щуке и Суляцы[.]*

Наконец, поясняет протяженность крепости и время ее разрушения:

(л.847) *По краю горе было вышеизясненное дубовое укрепление и башни[,] которой **753³ году июня 1-го дня** от случившагося тогда пожару згорел[,] а малые остатки сего развалились так[,] что и виду уже ныне нет[;] по окружению онаго было **1130 сажжен**[,]*

Добавим известное из других источников, что укрепление Свяжжска состояло из городней.

Следующий город на пути – **Казань**. И здесь Свечин приводит не известные до сих пор исторической науке детали об укреплениях и ханской, и российской Казани.

Так, из Никоновской летописи видно, что в 1500 г. для защиты от ногайцев царь Казанский Абдыл-Летиф «повеле около града нарядити острог»⁴. А в 1530 г. воеводы Василия III «царя [Сафа-Кирея – С.С.] побили и острог у них по Булаку взяша»⁵. То есть, не ясно из летописи: чей же острог по Булаку был взят в 1530 г. – Абдыл-Летифа или Сафа-Кирея. Свечин поясняет:

(л.851) *Амежду тем[,] сведав о сем[,] **Сафагиреи**[,] собрав со всех сторон татар и черемис[,] с помощью нагаицов о укрепленни города старался[,] почему[,]*

² Здесь и далее выделено мной. – С.С.

³ 1753 г.

⁴ Полное собрание русских летописей. – М., 1965. – Т.12. – С.253.

⁵ Там же. – Т.13. – С.47.

(л.851об.) *между протчим[,] с левой стороны Булака новой земляной город [-] длины онаго 3 версты 350 сажень[,] немалой вышины зделан[.] Но от российского войска[,] имея всегдашние сражени и побеждая татар[,] овладев оным[,] все строение пожгли⁶[.]*

Столь конкретное указание протяженности городского укрепления трудно оставить без внимания и топографической оценки. И тут возникают два вопроса.

Первый вопрос: какие меры длины использованы автором? Здесь ряд вариантов.

Свечин пользовался текстовым источником ханского времени. Это очень маловероятно. Но если это так, то перевод татарской меры длины (если такое и возможно) должен быть сделан в меры, современные Свечину, то есть – XVIII в.

Свечин пользовался неким источником XVI или XVII вв. В этом случае, зная, что простое сообщение некой величины ничего не дает для понимания реальной протяженности укрепления, Свечин обязан был, если уж не указать разновидность версты (500 или 1000 саженьная) и сажени (маховая, казенная, церковная, пр.), то хотя бы сообщить время использованного им источника. Но он этого не делает. В таком случае, наиболее приближенным к истине является вариант 3.

Свечин показывает современные ему единицы длины, полученные им из некоего источника или, что более вероятно, снятые им с некоего древнего чертежа Казани. В таком случае это верста в 1066,8 м и сажень в 213,36 см. Что приводит к версии о протяженности ханского укрепления Казани 1530 года в 3947,16 м.

Второй вопрос: как сочетается полученная величина с нашей гипотезой трассировки укрепления ханской Казани, имеющей следующие 4 основные позиции?

Линия укрепления начиналась от Северной башни Кремля и шла относительно прямо вдоль Верхней северо-восточной стены и далее до точки, где ныне расположена Юго-Восточная круглая башня.

Далее – по плавной кривой вдоль обрыва Воскресенского увала, хорошо читаемого на фиксационном плане города 1766 г.

Далее следует юго-восточный участок укрепления, три локальные точки которого выявлены археологически⁷. Этот отрезок при-

⁶ То есть – деревянное укрепление, стоявшее на валу.

⁷ Западнее корпуса физфака КГУ, во дворе химфака КГУ, во дворе дома №3 на ул. Лобачевского.

урочиваем к старой посадской улице, разорванной, как представляется, к середине XVIII в. на две части – улицу Ермолову и улицу к Татарскому мосту⁸.

Юго-западный участок: вдоль речки Булак, до Юго-Западной башни Кремля и далее примерно по линии современной стены до Северной башни.

Вышеописанный контур укрепления имеет протяженность около 3900 м. Расхождение в менее чем 50 м с величиной, сообщенной Свечиным (это – 1,2%), делает нашу гипотезу и данные Свечина близкими к реальности (илл. 1 и 2).

Далее. Описывая Казань в составе России, Свечин делает неизвестное ныне в источниках заявление о строительстве кирпичного – называя его по традиции каменным – Кремля: (л.858об.) *Каменной город не малой величины и еще не достроенные ворота[,] кои называются Тайнишные[,] и протчее городовое укрепление[,] построенной между 709⁹ и 712¹⁰ году боярином и воеводой Петром Матвеевичем Апраксиным[,] и как монастырское церковное и партикулярные каменные дома[,] так и сие городовое строение делает великолепной множественной вид[.]*

Здесь следует указать на совпадение времени строительства «Тайнишных ворот и протчего городового укрепления» со строительством комплекса Государева дворца с въездной башней (б. Сююмбике), исследованным нами ранее¹¹. Сходная строительная техника и стилистика Тайницкой и Сююмбекиной башен хорошо просматривалось в 2005 году, когда у Тайницкой была снята штукатурка.

Следующее укрепление на маршруте свечинской комиссии Село Троицкое, Мамадыши тож.

Как населенный пункт Мамадыши возникли в XIV в., после разгрома Булгара Тамерланом. Во времена Ивана IV село отдано Свяязскому Успенскому монастырю и стало называться Троицким. В 1617 г. монастырь поставил в своей вотчине острожек для защиты от ногайцев.

---

⁸ План-реконструкция приложен к статье: Саначин С.П. Эволюция планировки и застройки Воскресенского увала к началу XIX века // Казанский посад в прошлом и настоящем. – Казань. – 2002. – С.193.

⁹ 1709 г.

¹⁰ 1712 г.

¹¹ Саначин С.П. Возраст Сююмбекиной башни // Казань. – 2002. – №9. – С.37–47.

В начале XVIII века фортификация села претерпела значительные изменения, о которых сообщает Свечин:

(л.864) *Около ж онаго села обведен вал назад тому лет с 60 вовремя башкирской шатости от Аидара¹²... [-] котораго длины сажен на 200[,] где и деревянной город был построен[,] Ноточию от долгвременного стояния весь отвалился[,] котораго и признаков неимеется[.]*

И там же совсем свежие подробности: *Место виду изрядного, которое в прошлом 1763-м году в мае месяце згорело почти все без остатку[,] так же люди 8 человек и всякой скотины немалое число[,] Только осталась одна церковь и дворов здесь[.]*

Здесь данных для установления линии укрепления недостаточно. И, прежде всего, не ясно, что подразумевалось под «длиной»: размер вытянутого вдоль реки Вятки укрепления или его периметр.

За Мамадышами на пути был Бывшей город, что ныне село Елабуга. Здесь, по описанию Свечина и с помощью плана Фолимона Рослякова 1796 г., предлагается реконструкция линий укрепления города.

Свечин пишет:

(л.865) *Не более 70 лет как собранными по жеребю из разных дворцовых волостей крестьянами на сем месте селить зачето[.] А потом[,] счисляясь пригородом вовремя башкирского волнения[,] чрез 15 или 20 лет определенным воеводою Лаврентьем Андреевым сыном Нехтеровым собранными близ живущими чувашами и вотяками земляной немалой вышины вал итакои же ров воокружени онаго 285 сажен сделал[.]*

В это укрепление попадает современная нам Никольская церковь. А отсюда, надо полагать, следует, что первой церковью в Трехсвятском была не Покровская, как это принято считать, а предшественница современной – деревянная Никольская церковь.

Затем Свечин сообщает: *Но как оной в 734¹³ году из числа городов исключен и попрежнему дворцоваго ведомства селом именоваться зачел[,] тогда для болюеи безопасности от набегов башкирских при определенном от дворцовой канцелярии управителе камор лаке Иване Федорове сыне Каларевском собранными Казанского уезду*

¹² Имеется в виду Алдар Исянгильдин – предводитель восстания башкир Казанской и Ногайской дорог в 1704–1711 гг.

¹³ 1734 г.

ясаиными идворцовыми крестьянами на сем же месте городовое сосновое укрепление стакими же двумя немалыми воротами и тремя башнями треуголно срублено [-] которой называется кремлем[.] Бок оного к норду длиною 120 сажен[.] другои к осту [-] 60 сажен[.] третеи ковесту [-] 85 сажен[.]

Суммируя данные Свечина с сообщением Елабужского летописца о пяти башнях, делаем вывод, что над воротами тоже были башни. А с учетом топографии местности и направлений главных дорог реконструируем на плане и положение поименованных отцом Петром Кулыгинским башен: Сарапульской, Никольской, Луговой, Казанской и Спасской (илл.3).

И, наконец, Свечин сообщает о второй – внешней стене города: *Но как в 736 году башкирца Апаики¹⁴ бунт происходил[.] тогда при-вышеписанном же управителе[.] закрывая все поселение[.] ясаиными идворцовыми крестьянами срублена такая же деревянная стена воокружени онои 3 версты[.] которой вомногих местах ответхости развалился[.]*

Далее маршрут экспедиции вошел в пределы современных республик Удмуртии и Башкортостана. В этой части Свечин дает также уникальное описание трех укреплений – «Бывшего города, что ныне село Каракулна», «Пригорода Бирска» и «Оренбургской губернии провинциального города Уфы».

Затем экспедиция снова входит в Татарстан, и первое на пути сенатской комиссии укрепленное мензеле, то есть – остановочный пункт по-арабски, было в польском, можно сказать, **Городе Мензелинске**.

Подробно описав беспокойства, которые причиняло российским оккупантам коренное население, Свечин продолжает:

(л.886)... то поизбежанию всех сих беспокоиств и для усмирения оных в однях царя Алексея Михайловича зачета делатся линия[.] с подкреплением на оной частыми редутами и городами[.] кои необходимо тогда ж наприисканных вновь способных местах строить повелено, [.] В числе сих и оной Мензелинск[.] для коего исправления¹⁵ прислан был из Смоленской с пятью полками полковник

¹⁴ Имеется в виду Акай Кусюмов.

¹⁵ «Исправления», потому как первая крепость здесь была выстроена еще в 1584 г. боярином Одоевским.

Гаславской¹⁶[.] которой поизбрании сего места[.] город строить и присылаемых из разных городов обывателей селить зачел[.]

Ныне нерегулярное сего города укрепление состоит в 374-х саженьях[.] рубленое (л.887 об.) из дубоваго лесу потогдашнему обыкновению[.] с такими же пятью башнями[.] в котором канцелярия[.] воеводской дом[.] пороховой погреб и острог [-] а к сему примыкает з западной стороны земляной немалой вышины вал и такой же глубины ров[.] коего во окружении 698-ми сажен и один аришин[.] насем еще стоящим из дубоваго лесу наподобие полисада с семью немалыми такими же башнями и здвумя воротами[-] бошую часть поселения закрывает[.] которой несколько согнивши уже обвалилась[.]

Не имея плана Мензелинска дорегулярной планировки, реконструировать конфигурацию описанных Свечиным укреплений представляется некорректным.

Как уже было отмечено, в отличие от описания сел описания городов Свечин снабжал любопытным «гисторическим описанием». Приведем более подробно, чем в других случаях описание весьма «темного» в историографии шестого населенного пункта на территории современного Татарстана по маршруту сенатской комиссии – **Пригорода Старошешминска.**

(л.891об.) ... царь Алексей Михайлович (л.892) для закрытия россииских земель[.] удержания оных набегов и отвращения всегдашних волнениев[.] на нагорной стороне от самого Синбирска до Воронежа линию[.] укрепляя оную частыми редутами[.] делать, а на луговой стороне сей Старошешминск ближнему столнику и воеводе князь Даниле Григорьевичю Черкаскому с товарищи[.] -] строить повелел. Но как выше оного места по реке Шешме за пустотой и безлесиев[.] а ниже к Каме за поемностью в вешнее время вод было неспособно[.] то избрал он сие место[.] Откуда живущих до того времени татар и черемис переведа поблизости в другие места[.] сей город строить и присылаемых ис Казани стрелцов[.] так же из разных мест служилых людей[.] поселять начел[.]

Укрепление сие делано было из сосноваго лесу[.] рубленое по тогдашнему обыкновению четверугольное [(/)каждой бои оного

---

¹⁶ По наказу Казанских воевод 1668 г. земли бывших городищ, валов и крепостей отдавались с условием их обновления «под поселения и в надел пленной Польской шляхте полковнику Гавриле Гаславскому с прочими».

по 250 трех аршинных сажен[.],] от коего ныне одни ворота и две башни[.] так же и несколько стены[.] прочее же от ветхости все обвалилось[.] Ис чего[.] выбрав дутчие деревья[.] уже заборником загорожено[.] Видно что оной Черкаской в сем городе немалое время был[.] ибо в 7202-м¹⁷ году[.] уже при царях и великих князьях Иоанне Алексеевиче[.] Петре Алексеевиче и царевне Софии Алексеевне по присланному на имя ево ж указу и в списки находившимся пушкарям земли он же делил[.]

Потом[.] хотя селением сего города и распространением многих жителств беспокоинные сии соседи несколько и усмирены были[.] однако и после того набегами своими некоторые в сих местах беспokoиство причиняли[.] Почему находившимся жителями для закрытия всего строения зделан был немалой вышины земляной вал и такой же ров[.] коего длины на четыре версты[.] Да около (л.892об.) сего деревянного укрепления таким же рвом з двух сторон обрыт, котораго длины на 500 сажен простирается[.] но ныне от небрежения и[.] чрез толь немалое время быв бес починки[.] так зарос[.] что едва и видеть можно.

В 7166-м¹⁸ году взбунтовавшись оные ж баширицы под предводительством двух батыреи[.] ис коих первы Курсюм, а другой Алдар¹⁹ назывались[.] к сему городу со всех сторон окружа приступали[.] но по многом и жестоком от жителей супротивлении[.] не зделав никакова оному вреда, не толко отбиты[.] но и прогнаны[.] В 736-м²⁰ году еще оные ж баширицы взбунтовались и под предводительством батыря ж Апайя[.] сына сего Курсюма; на оной город двоекратно жестоко нападали, но по таком же супротивлении[.] не могли оным овладеть[.] в селех и деревнях великое раззорение причинили[.] Церквей деревянных в городе две, ис коих одна теплая, а другая холодная[.;] и немалой величины колоколя[.] канцелярия и воеводской дом[.] ветхие пороховои погреб и острог за городом[.]

Далее на пути экспедиции оказались остатки неизвестное древнего поселения, которое Свечин назвал: «**Прежде был татарской город**».

¹⁷ 1694 г.

¹⁸ 1658 г. Здесь должен быть показан либо 1707 г., либо другие предводители, напр.: Гаур Акбулатов и Улекей «Кривой».

¹⁹ Имеется в виду Кусюм Тюлекеев и Алдар Исянгильдин.

²⁰ 1736 г.

(л.895об.) *остаток оного и ныне видим[.] Земляной вал немалой вышины, примыкающей обоими концами к реке, коего длиной без малого две версты ныне[.] С наружи осыпи оной рвы так же и поныне немалую глубину имеют...Деревня[.] называемья Куралова Городища, капитана Лва Иванова сына Молоствова.*

Что здесь интересно. Во-первых, впервые при заголовке статьи Свечин не указывает названия населенного пункта, – что он делал до этого в 236 случаях. Хотя и мог бы, поскольку рядом в тексте упоминается Куралово. Значит ли это, что Куралово – вне пределов древнего города? Археология говорит нам, что т.н. «Кураловское селище» находится в 0, 1 км к юго-западу от с. Куралово, на правом берегу реки Бездны²¹. Во-вторых, Свечин при описании валов и крепостей обычно либо называет форму укрепления, либо пишет «во окружении» или «окружая». Здесь же этого нет.

На помощь нам приходит Геометрический Генеральный план Спасского уезда 1798 г. – самый ранний из мелкомасштабных (500 сажень в дюйме) карт этого региона (илл. 4). На этом плане виден тракт, по которому двигался и Свечин. И между селцом Куралово Городище и селом Николское, Чертык тож, который через 17 лет в 1781 г. станет столицей уезда городом Спасск – этот тракт пересекает показанный и подписанный на плане «земляной вал». Вал ничего не окружает, а представляет собой прямую линию, которая действительно «примыкает обоими концами к реке» Бездне, делающей здесь крутую петлю.

Таким образом, древний болгарский город, во всяком случае – его укрепленная часть находилась, согласно обоим рассматриваемым документам XVIII века, на мысу другого – левого берега реки Бездны. А вплотную к ней примыкал посад: с запада это село Чертык, впоследствии – город Спасск, с востока – селцо Городище, Куралово тож и селцо Косяково, Куралово Городище тож. Этим древним городом мог быть летописный город Тухчин²².

Восьмым на маршруте комиссии Свечина укрепленным пунктом на территории Татарстана стали **Болгоры Камские**.

²¹ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория (свод). – 1975. – С.131 и карта.

²² Об этом без оговорок сообщает Спасский Н.А. в своих «Очерках по родиноведению» (Казань, 1913. – С.182). Вопрос дискуссионный.

Здесь Свечин первым дает подробную картину увиденных им остатков древних строений. А относительно укреплений он сообщает:

(л.900) Что все оное место с трех сторон окружено было земляным[,] ныне заросшим дубовыми и березовыми деревьями, великим валом и глубоким ровом, коего длины до осми верст, простирается и[,] окружая оное строение[,] примыкает к полуденной стороне[,] к луговому, и перед сим весьма низкому месту[,] где течение воды хотя и было, что отделение травы и грунта земли не сколько видимо[,] но попустоте чрез столь долгое время уже заросло, и осталось не болюшее болото, -] надлежит думать[,] что в разсуждении обширности сей превращенной пустыни, жители доволствовались более исколодезей[.]

Далее он уточняет некоторые параметры укреплений Малого городка:

От сего вала и к полуденной стороне в 200 шагах [-] (л.900об.) еще четверо угловой ров[,] коего воокружении 94 сажени, здву сторон онаго[,] посрединам[,] не малой величины строение, вышины до пяти аршин[,] завалившееся камнями видимо, но что оные были ворота или такие же капищи[, -] узнать невозможно. Кроме сего[,] к той же стороне вдоль [-] еще рытой ров[,] коего длины 450 шагов[,] Кроме других[,] все оные рвы видно[,] что немалой глубины были[.] Но и засими укреплениями каменного и деревянного поселения вовсе стороны довольно видимо.

Эти «каменные поселения» хорошо видны на том же Геометрическом Генеральном плане Спасского уезда с восточной стороны от Малого городка, вдоль «великого вала» (илл. 5). На этом плане еще привлекает внимание сама конструкция, как бы – двойного вала. Эту фортификационную особенность точнее всех, пожалуй, отметил Риттих: *Во многих местах...видно впереди рва возвышение, склоняющееся незаметно и на короткое расстояние к полю, вероятно гласис, коего внутренняя отлогость составляет продолжение контр-эскарпа*²³.

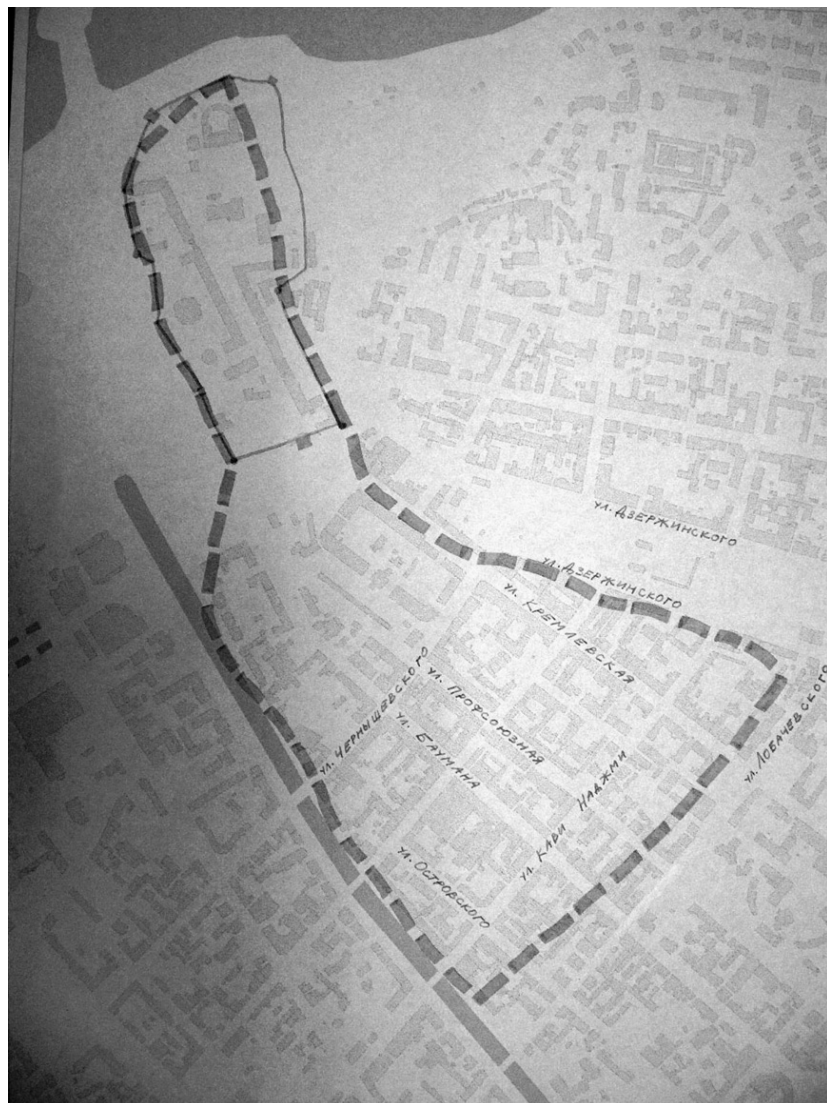
Следующим укреплением, описанным Свечиным был **Пригород Майнск**. Но это уже территория современной Ульяновской области – за пределами нашей темы.

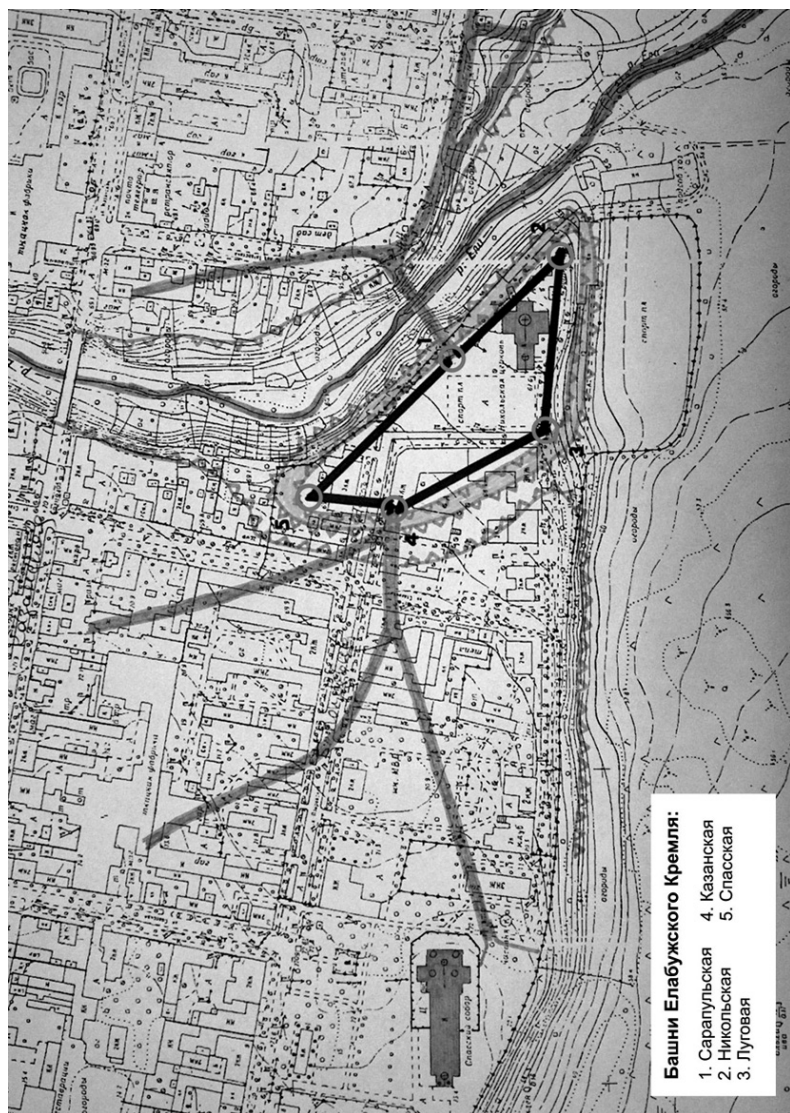
²³ Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. – 1870. – Ч.1. – С.37.

Илл. 1.
Графическая
реконструкция
расположения
казанского
ostroга первой
половины
XVI в. на плане
Казани 1782 г.

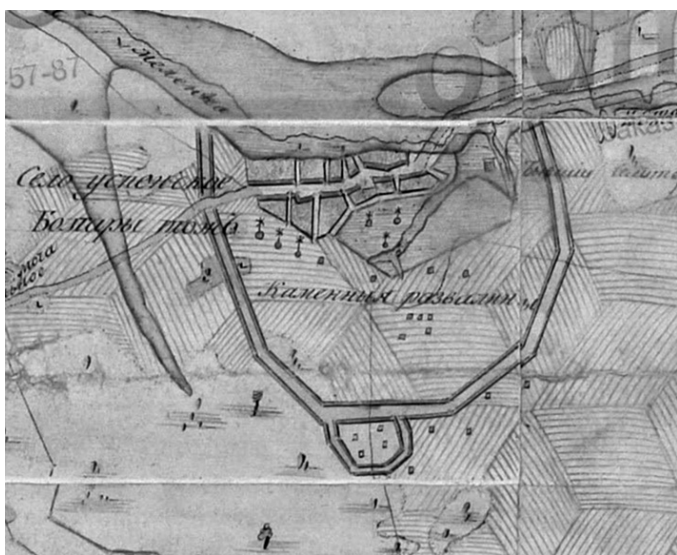
Илл. 2. Графическая реконструкция расположения казанского острога первой половины XVI в. на современной топооснове.

Илл. 3. Графическая реконструкция расположения елабужского кремля в 1734 г. на современной топооснове.

Илл. 4. Останки укреплений бывшего «татарского города» на Геометрическом Генеральном плане Спасского уезда 1798 г.

Илл. 5. Останки укреплений места города Болгоры Камские на Геометрическом Генеральном плане Спасского уезда 1798 г.

Суботина А.М.

**Формирование регионального пространства
этничности в ходе административно-территориальных
реформ XVIII–XX вв. в России (по материалам Удмуртии)¹**

Осмысление «родной земли», своего этнического пространства играет важную роль в самосознании любого народа. История Российского государства представляет собой процесс постепенного включения в его состав новых территорий, разнообразных как по природно-климатическим условиям, так и по составу населения. Вопрос об административно-территориальном делении в этих условиях приобретал особое значение. Настоящая работа исходит из предположения, что административно-территориальные реформы в России XVIII–XX вв. могли как способствовать процессу этнизации посредством создания особого этнического пространства, так и быть его следствием.

Рассматривая вопрос о складывании башкирского этноса, И.В. Кучумов вслед за Ч. Стейнвелделом отмечает, что российская имперская политика, в частности, мероприятия по стабилизации социально-географического пространства территории «Башкирии», стала своеобразным этнообразующим фактором. Данный автор пишет: «...в течение XVI–XIX вв. русским правительством перманентно проводилась политика упорядочивания идентичностей южноуральского населения и стабилизации данного географического пространства, которая охватывала широкий комплекс мер социального (выделение среди местных аборигенов привилегированного сословия «башкир»), экономического (перевод их на оседлость), военного (борьба с восстаниями), административного (обособление и определенную изоляцию «башкир» от остального населения) характера, способствовавших превращению сословия в этнос. Определенная «открытость» (переход в него мишарей, татар, чувашей, марийцев и др. групп населения) превращала «башкир» в некую «суперэтническую» («надэтническую») общность, олицетворявшую эту территорию, что создавало предпосылки для восприятия данно-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-80105 а/У.

го воображаемого пространства как целостного конструкта, неразрывно слитого с этой общностью»².

Следует, однако, заметить, что подобный побочный результат вряд ли просматривался российским правительством и стал следствием поиска способа освоения территории, население которой имело выраженные отличительные черты. В регионах же, где различия были для имперских чиновников не столь заметны, административно-территориальные решения и этноидентификационные процессы не имели прямой связи и зависимости. Кроме того, вплоть до второй половины XIX – начала XX в., когда массовое развитие получило начальное образование вместе с русским языком, входившие в состав России многочисленные этнокультурные общности существовали достаточно замкнуто, а взаимодействие с имперской администрацией осуществлялось преимущественно посредством податей и выполнения различных повинностей. История административно-территориальных преобразований в отношении современной Удмуртии как раз отражает отмеченную тенденцию.

Формирование территории Удмуртии как самостоятельной административной единицы, выделенной по этническому (национальному) принципу, представляет собой длительный и сложный процесс. Само это название (как и новый официальный этноним «удмурты») появляется только в советский период. До этого времени этнический компонент данной территории никак не акцентировался. Более того, вообще не существовало административного единства этой территории.

Как отмечает М.В. Гришкина³, освоение края русскими начинается с XII в. В XVI в. вся территории Удмуртии с ее полиэтничным населением вошла в состав России. На протяжении XVIII–XIX вв. удмуртский край пережил несколько административных реформ в составе других образований. После губернской реформы Петра I северная часть территории Удмуртии в составе Хлыновского уезда вошла в Сибирскую губернию, а южная часть с Казанским уездом – в Казанскую губернию. В 1727 г., образованная в 1719 г. Вятская провинция с северными территориями края из состава Сибирской

---

² Кучумов И.В. Конструирование «суперэтнических» общностей на воображаемой территории «Башкирии» в XVI–XX веках // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья. – Чебоксары, 2008. – С.320–321.

³ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. – Ижевск, 2004.

губернии была передана в Казанскую. Низовые единицы в этот период не были затронуты реформами.

В 1780 г. в результате губернской реформы Екатерины II было учреждено Вятское наместничество, преобразованное Павлом I в 1796 г. в Вятскую губернию, состоявшую из 10, а с 1817 г. – 11 уездов. Территорию современной Удмуртии принято условно связывать с Глазовским, Сарапульским, Малмыжским, Елабужским уездами Вятской губернии. В 1797 г. окончательно ушли в прошлое существовавшие до этого мелкие территориальные единицы (дороги, станы, сотни и т.д.), на смену которым были введены волости. Сложившаяся трехступенчатая система административно-территориального деления (губерния – уезд – волость) просуществовала до реформ уже Советской власти.

Таким образом, губернные реформы XVIII–XIX вв. не способствовали формированию на территории современной Удмуртии четко очерченного этнически идентифицируемого пространства, хотя с точки зрения последующих событий существование в рамках разных уездов одной губернии должно было способствовать развитию социально-экономических, политических, культурных связей. Население четырех уездов было неоднородным по этноконфессиональному составу. В 1897 г. православные составляли в четырех уездах 85,7%, в Сарапульском уезде – 92,3%. Удаленность от центра способствовала притоку в край старообрядцев. Наиболее значительными их общины были в Глазовском (8%), Малмыжском (6,1%) и Сарапульском (3,3%) уездах. Достаточно широкое распространение на территории Удмуртии имел ислам, особенно среди татар и башкир. В Малмыжском уезде в 1897 г. мусульмане составляли 17,4%, в Елабужском – 17,3%, в среднем по четырем уездам – 8,9%. Представители других (нехристианских) конфессий на территории Удмуртии составляли 0,6%, в Елабужском уезде – 2%, в Малмыжском – 0,8%, в Сарапульском – 0,2%⁴.

Столь же разнообразным был и этнический состав населения края. По данным 1897 г., на территории Удмуртии проживало 59,5% русских, 28,6% удмуртов, 8,2% татар, 1,6% марийцев и 1,1% башкир. Наибольшим числом удмуртского населения располагал Глазовский

---

⁴ Подсчеты выполнены по данным: Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1907 год. – Вятка, 1907. – С.24, 26, 27.

уезд (41,6%). В Малмыжском и Елабужском уездах помимо удмуртов (23,8% и 21,9% соответственно) достаточно велика была доля татар (18,6% и 16,3%). В Сарапульском уезде русские составляли 71,3%, удмурты – 24%, татары – 1,8%, башкиры – 1,2%⁵.

Фактором, который способствовал актуализации этнической темы во второй половине XIX – начале XX вв., стало стимулированное, возможно, административными реформами развитие начального образования. Так, земская реформа привела к тому, что в состав органов земского самоуправления вошло много неграмотных крестьян, что вызвало у одной части образованных земцев явное неприятие, а у другой – стремление видеть в просвещении преодоление всех бед России. Однако расширение школьной сети неожиданно натолкнулось на ряд проблем. Именно в этот период на уровне губернии и страны были документально озвучены такие проблемы, как незнание значительной частью населения русского языка, желание учиться только в своих (мусульманских) учебных заведениях. Тогда же получила развитие идея об обучении на родном языке (Н.И. Ильминский), что требовало издания соответствующей литературы и подготовки учительских кадров из представителей проживающих в крае народов. Все это неизбежно вело к появлению социальной среды, в которой этническая тема зазвучала весьма четко. Национальные движения в период двух русских революций это подтверждают. В 1917 г. прошли съезды удмуртов, марийцев и др., что говорит о ярко выраженной политизации проблемы этничности в это время. Поэтому административное решение о введении национальных автономий можно рассматривать и как своеобразный ответ чаяниям определенной части нерусского населения (национальной элиты).

Таким образом, как показывает российский опыт, региональное пространство как пространство этническое формируется разными путями. Однако административно-территориальным реформам в этом процессе принадлежит важная роль. С одной стороны, они способствуют пространственному, социально-экономическому, культурному выделению определенного населения, что активизирует этническую идентификацию. С другой стороны, актуализация этничности требует определенного административного решения, в частности, создания этнически обособленной территориальной единицы.

⁵ Там же.

Фролова С.А.

**Губернатор и частное образование в провинции
(конец XVIII – первая половина XIX вв.)**

В истории изучения российского образования одной из центральных на протяжении значительного времени остается проблема правительственной политики в сфере образования: ее сущности и реализации. При этом основное внимание уделялось собственно органам управления образованием в лице попечителей округов, директоров училищ и т.п. Проблемы взаимоотношения, в также воздействия глав регионов на систему частного образования специальному изучению не подлежали. Этому посвящена данная статья. Речь в ней идет о треугольнике, вершинами которого являются, с одной стороны, губернская администрация (губернатор, вице-губернатор, предводители дворянства), с другой, училищное ведомство во главе с министерством народного просвещения, с третьей, частные учебные заведения. Географический ореол исследования – Казанский учебный округ.

Согласно Главе V «Устава народным училищам в Российской империи» от 5 августа 1786 г. попечителем народных училищ губернии или наместничества являлся губернатор, возглавлявший Приказ общественного призрения. В его обязанности входили: забота о расширении сети государственных учебных заведений, их осмотр, пополнение библиотеки и кабинетов Главного народного училища, ободрение «попечением своим как учащих и учащихся, так и самих над училищами надзирающих», назначение преподавателей. Именно губернатор должен был наблюдать за исполнением «Наказа содержателям домашних училищ и учителям, имеющим у себя воспитанников»¹. Прежде чем приступить к преподавательской деятельности, частное лицо должно было пройти испытание в Главном народном училище и «получить на знание науки и способность свою к пре-

---

¹ Устав народным училищам в Российской империи. 5 августа 1786 // Полное собрание законов Российской империи. – 1-е изд. – Т.22. – СПб., 1830. – № 16421. – С.653–654.

подаванию оных вышепомянутое письменное свидетельство»². Желаящий открыть частную школу или пансион должен был явиться «прежде в Приказ Общественного Призрения, и просить на то от онаго позволения». К прошению прилагались свидетельства, «обстоятельный план, какие науки он в училище своем завести намерен», список учителей и их свидетельства о знаниях, расположение учебных часов, сведения о плате за обучение³. После рассмотрения документов Приказ выносил решение об открытии частного учебного заведения. Пансионы или домашние училища находились в непосредственном ведении директора Главного народного училища⁴. Таким образом, сфера частного образования, с домашними учителями и частными учебными заведениями, контролировалась Приказом общественного призрения во главе с губернатором.

Правительство Александра I поощряло частную инициативу, так как пансионы восполняли недостатки государственной системы образования. С созданием в 1802 г. Министерства народного просвещения система управления частным образованием претерпевает изменения. Контроль за деятельностью частных школ и учителей возлагался на губернских директоров училищ. После появления учебных округов во главе с попечителями и принятия уставов университетов, директор избирался уже не губернатором, а университетом и по представлению попечителя округа в Главное Правление училищ утверждался министром народного просвещения⁵. Директор должен был относиться к губернатору «по делам училищным, требующим пособия земского правительства, если оные не терпят времени»⁶. К таким вопросам и относился контроль за соблюдением правительственных распоряжений содержателями частных училищ и домашними учителями. Директор обязан был выявлять на территории дирекции учебные заведения, открытые без разрешения правительства и доносить об этом в университет. Один раз в две недели он посещал пансионы и сообщал об их состоянии.

---

² Там же. – С.667.

³ Там же.

⁴ Там же. – С.656.

⁵ Сборник постановлений по министерству народного просвещения: 1802–1825. – СПб., 1864. – Т.1. – Стб. 318, 319.

⁶ Там же. – Стб. 319.

Ввиду незначительного авторитета директоров гимназий в провинции правительство возложило контролирующую роль над сферой частного образования и на губернские власти в лице губернатора. Еще, в соответствии с «Предварительными правилами народного просвещения» (§45) от 24 января 1803 г., местная администрация всеми способами должна была «ободрять заведение таких пансионов, которых хозяева имели бы предметом токмо содержание и надзор за поведением юношества, получающего учебные наставления в училищах»⁷. Не видя реальной заинтересованности и активности губернских властей в этом вопросе, в марте 1826 г. министр народного просвещения А.С. Шишков снова просил попечителей обратить внимание на вышеназванную статью и «желающим заводить на изложенном там основании пансионы оказывать со своей стороны всевозможное содействие и покровительство». Он сделал представление в Комитет министров для «направления к сей же цели внимания губернских гражданских начальств»⁸.

Вынести решение о закрытии частного учебного заведения мог попечитель округа с представления Совета университета или Училищного Комитета только в том случае, если его содержатель имел законное разрешение на открытие училища. Содержатели незаконно созданных учебных заведений могли быть оштрафованы только представителями администрации в лице полиции. Они же имели право закрыть подобные домашние училища. Директора училищ и университеты такой властью не обладали. Но губернские власти подчас либо оказывали покровительство содержателям частных школ и пансионов, либо молчаливо бездействовали. Система четкого взаимодействия губернских властей и местного училищного начальства только складывалась. Свое развитие она получит во второй четверти XIX в.

В Казанском учебном округе планомерное выявление незаконно открытых частных школ, а также учителей, преподававших без надлежащих документов, началось в период попечительства М.Л. Магницкого⁹. За помощью он обратился и к гражданским губернаторам.

---

⁷ Там же. – Стб.20–21.

⁸ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения: 1802–1834. – СПб., 1866. – Т.1. – Стб.584.

⁹ Подробнее см.: Фролова С.А. Сфера негосударственного образования в Казанском учебном округе и попечитель М.Л. Магницкий // Вестник Самарского государственного университета. – 2006. – №1 (41). – С.56–69.

Апелляция попечителя к главам губернской администрации негативно оценивалась историком Н.П. Загоскиным¹⁰. Однако в данном случае только они могли представить полные и достоверные сведения о количестве приезжих иностранцев, поскольку за подписью губернатора им выдавался билет на свободное проживание. Следовательно, обращение Магницкого к губернаторам было вполне оправданно и целесообразно.

Предписания Магницкого заставили директоров училищ активно приступить к поиску незаконных училищ, а также домашних учителей, не имевших свидетельств. Директора училищ, узнав о незаконном открытом частном учебном заведении, являлись туда, часто в сопровождении полицейского чиновника (частного пристава), производили осмотр, о результатах которого извещали училищное начальство, просили губернатора содействовать закрытию подобных учебных заведений. В случае обнаружения незаконных частных школ в уездных городах директора училищ обращались за помощью к городничему, «дабы он сделал распоряжение о запрещении обучать юношество»¹¹. С частных лиц полицейские брали подписки примерно такого содержания: «мы обучать малолетних детей российской грамоте посторонних не будем, кроме родственников своих, в чем и подписуемся»¹². Губернатор, получив отношение от директора училищ, обязан был распорядиться произвести полицейское расследование. Оно проходило часто без участия в нем чиновников учебного ведомства¹³ и иногда длилось по нескольку лет. Долго не получая ответа от губернского начальства, директора училищ снова писали в университет, обвиняя губернские власти в бездействии. В первой четверти XIX в. директор училища не имел полномочия закрывать частное учебное заведение. Содержатели это хорошо понимали и относились к угрозам директоров снисходительно. Для «смягчения» директора использовался не только подкуп, но и угрозы. Если незаконное домашнее училище основывалось священниками, мещанами, отставными солдатами, то к учебному начальству с просьбами

¹⁰ Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. – Казань, 1904. – Т.4. – С.226, 229.

¹¹ НА РТ. Ф.977. Оп. Училищный Комитет. Д.1070. Л.1.

¹² Там же. Л.2.

¹³ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.1510. Л.1–2.

обращались родители учащихся. Что касается частных пансионов, то, как правило, содержанием оказывало покровительство местное гражданское начальство в лице губернатора, вице-губернатора, предводителей дворянства¹⁴.

В представлении министру народного просвещения от 30 октября 1823 г. Магницкий просил его ходатайствовать, чтобы гражданское начальство «действовало неукоснительно и точно по требованиям учебного» на основании указов 29 апреля 1757 г. и 19 января 1812 г.¹⁵ Кн. А. Голицын сообщал, что «относительно недержания в домах наставников и наставниц, не имеющих надлежащих на то свидетельств, неоднократно было уже предписываемо местным училищным и губернским начальствам. Впрочем, [...] тщетны будут все напоминания и подтверждения об оных со стороны гражданского и училищного начальства, без искреннего содействия в сем случае самых родителей или родственников обучаемого юношества»¹⁶. В числе таких «нерадивых» родителей были и губернские чиновники. Например, дочь французского купца Софья Троппе в течение 9 лет (с 1806 по 1815 г.) занималась воспитанием и обучением детей в дворянских семьях, не имея на это законного свидетельства. Его не требовали и главы семейства, среди которых был саратовский губернатор Алексей Давидович Панчулидзе. Работа у самого хозяина губернии была для университетских чиновников достаточным доказательством способностей иностранки и серьезным основанием, чтобы разрешить ей учредить собственный пансион в 1818 г.¹⁷

В период попечительства М.Н. Мусина-Пушкина борьба с незаконно открытыми учебными заведениями продолжилась. Новый попечитель прислушивался к мнению директоров училищ. Так, в одном из донесений директор училищ Симбирской губернии А.И. Гапонов

---

¹⁴ Подробнее см.: Фролова С.А. Власть, дворянство и частное образование в русской провинции в первой четверти XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2006. – №3. – С.16–27.

¹⁵ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.1510. Л.33; Сборник постановлений по министерству народного просвещения: 1802–1825. – СПб., 1864. – Т.1. – Стб. 696–703.

¹⁶ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.1510. Л.34–34об.

¹⁷ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.987. Л.28–29.

– педагог и опытный администратор¹⁸ – предлагал исправляющему должность попечителя КУО М.Н. Мусину-Пушкину «списаться с господином Симбирским гражданским губернатором, дабы Его Превосходительство вменил в обязанность градским и земским полициям, по окончании каждой трети года давать дирекции училищ знать, когда где либо в городе или уезде его возникнут впредь частные училища без дозволения учебного начальства или кто-либо принят будет в дом учителем, не имеющий вида от учебного начальства на право домашнего обучения детей»¹⁹. Мусину-Пушкину понравилось предложение Гапонова, и он сделал представление министру народного просвещения (от 2 августа 1827 г.) о необходимости тесного сотрудничества училищной администрации с представителями местного государственного управления. А.С. Шишков со своей стороны обратился к управляющему МВД «об учинении с его стороны распоряжения», чтобы начальники губерний, составляющих Казанский учебный округ, обязали полицейских чиновников по окончании каждой трети года представлять в дирекции училищ сведения о частных училищах, открытых без дозволения учебного начальства²⁰. В конце сентября 1827 г. губернаторы получили надлежащие предписания. Кроме того, Мусин-Пушкин распорядился, чтобы извещения городских и земских полиций директора училищ представляли в Совет университета, а тот уже представлял ему²¹.

С 1811 г. при открытии частного учебного пансиона училищное начальство должно было основываться «не только на степени учености содержателя, но еще более на *удостоверении* (выделено мною – Ф.С.) о доброй его нравственности»²². По распоряжению министра народного просвещения от 22 апреля 1831 г. иностранцы, желающие открыть пансионы должны были представить свидетельства об их поведении от местного начальства и от тех лиц, у которых они находились в домах. Губернаторы, кроме того, должны были узнавать

---

¹⁸ Христофоров И.Я. Очерки из истории Симбирской гимназии с 1809 г. по 1825 г. – Симбирск, 1875. – С.29.

¹⁹ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.2077. Л.4–4 об.

²⁰ Там же. – Л.7.

²¹ Там же. Л. 8 об.

²² Сборник постановлений по министерству народного просвещения: 1802–1825. – СПб., 1864. – Т.1. – Стб. 633.

без огласки о нравственности этих лиц²³. Это было подтверждено в «Положении о частных учебных заведениях» 1835 г.²⁴.

Что же представляли обычно иностранцы, желающие открыть пансионы? По словам министра народного просвещения С.С. Уварова: «а) свидетельство местного начальства или полиции, которые, вообще не имея достаточных способов узнать их подробнее, по необходимости довольствуются при выдаче таковых свидетельств просителям одною только справкою, что на них не было никаких жалоб и не производится в судебных местах никаких дел, в коим они прикосновенны; б) свидетельство нескольких дворян и чиновников, что они находились некоторое время в их домах в звании наставников или надзирателей за детьми и вели себя благонаравно, – свидетельство, в котором, как известно, никто никогда почти не отказывает даже и в таком случае, когда имеет справедливые причины выслать из дому употребившего во зло его доверенность»²⁵. «Вот на каком основании зиждутся в нас частные заведения, – заключает Уваров, – а с ними вместе надежда родителей и обеспечение правительства»²⁶. В заключении министр предлагал приостановить открытие частных пансионов в столицах. В других городах их открытие разрешать только «по уважению крайней в том надобности и в таких местах, где не представляется другой возможности к образованию юношества в казенных учебных заведениях»²⁷. Эти меры были поддержаны императором в 1833 г. Таким образом, получая прошение об открытии частного учебного заведения, попечитель обращался с запросом к губернатору, осведомляясь о необходимости нового учебного заведения в крае, и о нравственности его учредителя. От губернского начальства зависел исход дела об открытии школы или пансиона. К примеру, в 1842 г. пастору Э. Гептеру было отказано в открытии женского пансиона в Астрахани, поскольку, по мнению тамошнего вице-губернатора, пастор, хоть и обладал без сомнения необходимыми

---

²³ Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения: 1802–1834. – СПб., 1866. – Т.1. – Стб. 781.

²⁴ Там же. – Т.2. – Стб.6.

²⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: 1826–1855. – Т.2. – Отд.1. – СПб., 1875. – Стб.643.

²⁶ Там же. – Стб. 644.

²⁷ Там же. – Стб. 646.

ми нравственными качествами и познаниями в науках, тем не менее был человеком бедным и, следовательно, его заведение не могло «обещать столько пользы, сколько доставляет институт благородных девиц в Астрахани». Поэтому, делает вывод вице-губернатор, «гораздо надежнее и полезнее для родителей» помещать дочерей в институт, «ибо в частных пансионах берут плату не менее положенной в институте, а мало чему учат»²⁸.

По уставу от 8 декабря 1828 г. (§ 313) право закрытия частного учебного заведения по-прежнему принадлежало университету²⁹. Но уже через три года (по высочайшему указу от 12 июня 1831 г. «О содержателях частных учебных заведений и обучающихся в частных домах»³⁰) директор училища в тех губерниях, где нет университета, мог «немедленно закрыть пансион» «при обнаружении каких-либо важных беспорядков по нравственной части со стороны содержателя пансиона или учащихся». Обязательным условием являлось согласие гражданского губернатора и донесение о причинах такого распоряжения в университет³¹. Ливен пояснял, что «в сем действии директора училищ должны руководствоваться осторожностью и строгою справедливостью и приступать к испрошению согласия губернаторов на закрытие пансиона не иначе, как, удостовераясь точно в важности беспорядков и доносить о сем не токмо университету, но в то же время и попечителю учебного округа, который обязан доводить о том немедленно до моего сведения, не останавливая, впрочем, дальнейшего исследования о беспорядках в пансионе»³².

По тому же указу гражданским губернаторам предписывалось осуществлять осторожно, «без всякой однако огласки, надзор за поведением и нравственностью иностранцев и иностранок, содержащих частные учебные заведения и обучающие юношество в сих заведениях, или в домах частных. Губернаторы при сем обязаны будут о доходящих до них касательно сих людей сведениях сообщать попечителям учебных округов; или, смотря по важности и обстоятель

²⁸ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.6269. Л.5 об.

²⁹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: 1826–1855. – Т.2. – Отд.1. – СПб., 1875. – Стб. 255.

³⁰ Там же. – Стб. 438–440.

³¹ Там же. – Стб. 438.

³² НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.3410. Л.3 об.

ствам, и прямо министерству народного просвещения, а родителей силою благонамеренных внушений убеждать к удалению из своих домов таких воспитателей, коих поведение, или учение покажется им подозрительным»³³. Таким образом, правительство официально возлагало на губернское начальство ответственность за деятельность иностранцев в сфере частного образования, создавая систему четкого взаимодействия администрации и училищных властей. Подобное содействие училищному начальству должны были оказывать и губернские предводители дворянства.

После подписания Николаем I указа, кн. К. Ливен отправил предписания попечителям учебных округов и гражданским губернаторам от 8 июля 1831 г., в которых разъяснял некоторые положения этого указа, в том числе интересующие нас первые два пункта³⁴. Попечителям он писал, что «для избежания могущих встретиться при исполнении сего недоразумений между местным губернским и учебным начальством, я предложил г.губернаторам, что сообщение от них и предводителей попечителям учебных округов сказанных сведений относится единственно до содержателей частных пансионеров и учителей в сих заведениях, как состоящих под надзором и ведением училищного начальства. Что же касается до учителей в домах частных, как находящихся вне надзора училищного; то подозрительные из них поведением и учением должны быть под исключительным присмотром местного гражданского начальства, без всякого соучастия в том учебного»³⁵. Попечитель должен был извещать губернатора «если что либо невыгодное на счет поведения или образа мыслей того или другого из таковых учителей дойдет» до его сведения или станет известно директорам училищ. Так, Ливен разделил функции попечителей и губернаторов, разграничив контроль за сферой частного образования. В целом, это не способствовало усилению контроля со стороны правительства, поскольку на практике деятельность частных учителей и частных учебных заведений были тесно между собой связаны. Выявляя наличие незаконно существующих частных школ, директора училищ сталкивались с домашними учителями, ко-

³³ НА РТ. Ф.160. Оп.1. Д.31. Л.52.

³⁴ Опубликовано: Казанский вестник. – 1831. – Ч.33. – Кн.9-10. – Сентябрь–октябрь. – С.26–33.

³⁵ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.3410. Л.3–3 об.

торые отказывались признавать наличие в их доме школы и утверждали, что занимаются только частной практикой, и, следовательно, должны были находиться под присмотром губернских властей. Последние не имели средств и желания заниматься поиском частных учителей, преподающих без разрешения от правительства.

Подведем итоги. Губернаторы в отношении сферы частного образования осуществляли надзорно-контрольные функции на протяжении всего рассматриваемого времени. Они выступали агентами интересов местного, губернского общества по вопросам образования перед верховной властью, противодействуя подчас министерской (ведомственной) линии, осуществляемой попечителями округа через директоров училищ. По екатерининскому уставу училищ губернские представители власти, генерал-губернаторы и губернаторы, «признавались местными руководителями и попечителями всего дела народного просвещения»³⁶. Реформы образования Александра I отнимали у начальника губернии прежнюю компетенцию в области училищных дел. Местная администрация не желала делиться властью с училищными чиновниками. Однако постепенно с расширением сети учебных заведений, активизацией деятельности директоров училищ, усилением роли попечителей округов губернаторы отказываются от противостояния и конфронтации с училищными властями к взаимодействию с ними. Быстрее всего это произошло в Казанской губернии, где располагался центр управления округом – университет. Здесь губернатор не вмешивался активно в сферу частного образования, выступая только в качестве почетного гостя на открытии частных учебных заведений и на публичных экзаменах.

В первой половине XIX в. губернаторы по-прежнему оказывали активное влияние на поощрение частных лиц к созданию учебных заведений. Они же в 1830-е гг. получили возможность блокировать открытие частных школ и пансионов, отстаивая нередко монополию на ведение образовательной деятельности ограниченного круга лиц.

---

³⁶ Загоскин Н.П. Указ. соч. – Т.2. – С.206.

Сведения об авторах

Абдуллин Халим Миннуллович (Музей археологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, с.н.с., к.и.н.)

Акульшин Петр Владимирович (Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, заведующий кафедрой отечественной истории, проф., д.и.н.)

Берестова Екатерина Михайловна (Удмуртский государственный университет, кафедра культурологии и менеджмента в культуре, доцент, к.и.н.)

Берсенеv Владимир Вячеславович (Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург, главный специалист отдела научно-справочного аппарата)

Бикташева Алсу Назимовна (Казанский государственный университет, исторический факультет, кафедра отечественной истории до XX в., доцент, к.и.н.)

Борисова Алина Владимировна (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, кафедра отечественной средневековой и новой истории, доцент, к.и.н.)

Габдрафикова Лилия Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, отдел новой и новейшей истории, с.н.с., к.и.н.)

Гасимова Альбина Азатовна (Европейский университет в Санкт-Петербурге, аспирант)

Долгов Евгений Борисович (Институт Татарской энциклопедии АН РТ, отдел истории и общественной мысли, с.н.с., доцент, к.и.н.)

Ефимова Виктория Викторовна (Петрозаводский государственный университет, юридический факультет, кафедра теории, истории государства и права, доцент, к.ю.н.)

Кострикина Ольга Анатольевна (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, кафедра музеологии и краеведения, старший преподаватель, к.и.н.)

Кусова Ирина Гасановна (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, заведующая отделом развития, к.и.н.)

Любичанковский Сергей Валентинович (Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара, в.н.с.; Оренбургский государственный педагогический университет, кафедра истории России, доцент, к.и.н.)

Марасанова Виктория Михайловна (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, заведующая кафедрой музеологии и краеведения, проф., д.и.н.)

Нугманова Гульчачак Гилемхановна (НИИ теории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук, г. Москва, зам. директора Казанского представительства, кандидат искусствоведения)

Ремнев Анатолий Викторович (Омский государственный университет, исторический факультет, кафедра дореволюционной отечественной истории, академик АГН, проф., д.и.н.)

Саначин Сергей Павлович (Институт «Казгражданпроект», главный архитектор проектов)

Суботина Анна Михайловна (Удмуртский государственный университет, кафедра культурологии и менеджмента в культуре, доцент, к.и.н.)

Фролова Светлана Анатольевна (Академия государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, кафедра права, истории и политологии, доцент, к.и.н.)

МАТЕРИАЛЫ

Круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников» (Казань, 21 ноября 2008 г.)

Председатель: *Веденин Юрий Александрович* (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва, директор, проф., д.геогр.н.);

Заместитель председателя: *Хайрутдинов Рамиль Равилович* (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», директор, к.и.н.);

Секретарь: *Ситдиков Айрат Габитович* (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», зам. директора по музейным проектам, к.и.н.).

Участники:

Гриценко Владимир Петрович (Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тульская обл., директор);

Кирюхина Ирина Викторовна (Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», Тульская обл., зам. директора);

Кулешова Марина Евгеньевна (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва);

Кусова Ирина Гасановна (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, зав. отделом развития, к.и.н.);

Кутуев Анас Абдрахманович (Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник, Республика Татарстан, директор);

Лелина Елена Ивановна (Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра исторического регионоведения, ст. преподаватель, к.и.н.);

Маркова Светлана Юрьевна (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская Слобода», Владимирская обл., г. Александров, ученый секретарь);

Махмутов Рафаэль Зуфарович (Булгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, Республика Татарстан, директор);

Мещенина Анастасия Анатольевна (Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра исторического регионоведения, доцент, к.и.н.);

Нестеренко Игорь Михайлович (Главное управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РТ, начальник);

Печенкин Александр Вячеславович (Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Республика Татарстан, зам. ген. директора по научно-исследовательской работе);

Соколов Роман Александрович (Санкт-Петербургский государственный университет, исторический факультет, кафедра исторического регионоведения, доцент, к.и.н.);

Соснина Елена Васильевна (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская Слобода», Владимирская обл., г. Александров, зам. директора по научной работе).

Из стенограммы заседания

Веденин Ю.А.

Уважаемые друзья!

Разрешите приветствовать вас на заседании круглого стола, который проходит в Музее-заповеднике «Казанский Кремль» в рамках Первых Кремлевских чтений!

Наш круглый стол посвящен деятельности и развитию музеев-заповедников России. Музеи-заповедники играют особую роль. Туристы, приезжающие в страну, создают свой образ страны через посещения. С одной стороны, я говорю о привлекательной роли заповедников. С другой стороны, мы все знаем о колоссальной проблеме, которая связана с функционированием музеев-заповедников.

Здесь есть много сильных и одновременно слабых сторон. Потому что, во-первых, очень многие, особенно не городские, а сельские музеи-заповедники связаны с различными ведомствами. А у нас страна бюрократическая и ведомственность играет колоссальную роль, отсюда проблемы, связанные с межмушественными отношениями. Во-вторых, они связаны с землей и территорией, а земельные вопросы, территориальные вопросы, вопросы недвижимости тоже играют колоссальную роль. Поэтому, когда мы думали о проблеме, которую будем обсуждать, для нас земельная недвижимость, правовые вопросы ведения хозяйственной деятельности являются одними из главных. Для нас этот вопрос острый. Я не говорю о том, что хозяйственная деятельность сложна с точки зрения экономики музеев-заповедников. Но для многих музеев-заповедников хозяйственная деятельность – это основа сохранения культурного ландшафта. Проблема для многих, опять же для сельских музеев-заповедников, в том, что, если уходит хозяйственная деятельность – начинают исчезать культурные ландшафты. Например, в лесных местах территория зарастает лесом. В других местах ситуация такая же сложная.

На каких проблемах мы хотели бы сконцентрировать свое внимание?

Всегда мы говорим о проблеме законодательства. В этом отношении музеи-заповедники – уникальные учреждения: фактически они нелегитимны, потому что ни в одном законе нет упоминания о музеях-заповедниках. Министерство культуры в прежнем составе внесло в правительство предложение о том, чтобы в Закон «О музеях и музейном фонде» были включены положения о музеях-заповедниках. Пока этот вопрос обсуждается только в кабинетах власти. Сейчас только в Закон «О музеях Московской области» включены положения о музеях-заповедниках и их территориях.

Земельное право и территория. У нас много путаницы в законодательстве. Как вы знаете, земля – это предмет действия одного закона, территория – другого. У нас идет путаница между территориями и землями, иногда и на уровне закона. Потому что есть закон об особо охраняемых природных территориях, но это нечто другое.

Проблема управления. В свое время, давно, мы сделали революцию, когда в рамках Министерства культуры вынесли музеи-заповедники в отдельное управление. Возникли большие сложности и оказалось все не так просто. Проблема музеев-заповедников – это

не только проблема с музейными фондами и ценностями. Приходится решать массу других вопросов, например, с объектами культурного наследия, социальные, экономические вопросы и т.д.

В свое время мы присутствовали на совещании в Кенозерском национальном парке, где впервые собрались директора музеев-заповедников и национальных парков. Мы увидели, что у всех одни и те же проблемы. Национальные парки формируют у себя музейные фонды и решают те же самые вопросы с памятниками, как, например, в Кенозерском парке, где находятся уникальные памятники деревянного зодчества. А мы в своей сфере решаем вопросы чисто природные, т.е. охрана природных ресурсов, и массу других

Мы пока говорим о координации между министерствами природных ресурсов и культуры по управлению этими территориями. Но в Службе национальных парков США в одну систему объединены и национальные парки и историко-культурные территории, поля сражений и т.д. В целом ряде министерств, как, например, в министерствах скандинавских стран охрана наследия находится в ведении министерства окружающей среды, потому что они рассматривают культурное наследие как часть окружающей среды. Но мы пока осторожны в этом и не склонны к революционным преобразованиям.

Очень важная проблема – что же является экспозицией, экспозиционным пространством музея-заповедника? В музее все понятно: мы входим в здание и смотрим экспозицию. В музее-заповеднике в качестве экспозиции выступает открытое пространство – памятники, территория, иногда городское пространство. Это тоже интересная тема и многие наши коллеги пытаются решать эти проблемы. Например, на Бородинском поле и другие.

Проблема взаимоотношения с властью. Вот мы находимся в Казанском Кремле. Здесь музей-заповедник приближен к власти. Очень часто, когда мы проектировали национальные парки и музеи-заповедники, мы отводили особое место для резиденции президента или губернатора, тем самым власть сближалась с такого рода учреждениями. Мы считаем это интересным и полезным, как для представителей власти, так и для учреждения культуры. Например, в том же Полотняном Заводе – это усадьба, связанная с Пушкиным и Гончаровой – есть дом Щепочкина, замечательный памятник XVIII в. Мы говорили о возможности размещения там, наряду с музейными фондами, представительства губернатора Калужской области для

приемов и других встреч. Конечно, иногда такое объединение с властью плохо сказывается на памятнике.

Вопрос взаимоотношения с наукой. Недаром мы здесь находимся в рамках серии научных мероприятий, в частности, исторической конференции. Это очень важно. Есть ряд музеев, как, например, Музей-заповедник «Казанский Кремль», где связь с академическими институтами существует непосредственно – Институт истории, Институт языка, литературы и искусства. Для многих музеев-заповедников связь с научными организациями довольно проблематична. Это связано с тем, что они находятся далеко от крупных научных центров и им трудно привлечь специалистов и исследователей. Например, на Куликовом поле музей изначально создавался силами науки, археологами. Они выступили инициаторами создания музея-заповедника и до сих пор там ведется активная научная деятельность. Это очень важно, потому что музей-заповедник является не только учреждением культуры, а у него возникает более высокий статус. Он может влиять на научную деятельность, у него появляется более тесная связь с ВУЗами, университетами. Я считаю, что музеи-заповедники, национальные парки – это своеобразные полигоны для ученых, студентов. Если мы хотим поднять их значимость, то необходима связь с научными учреждениями.

И последнее. Название нашего круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников». Мы разработали стратегию развития музеев-заповедников. Но надо сказать, что этот вопрос не всеми руководителями музеев-заповедников, особенно действующих, понимается однозначно. В нашей стране очень мало музеев-заповедников, их всего 140, вместе с усадьбами. Они все очень разные: есть слабые, есть сильные. Но тем не менее у нас есть целый ряд регионов, где нет ни одного музея-заповедника. Их примерно половина. Есть успешные регионы, где много музеев-заповедников. Например, тут, где мы находимся, в Татарстане. А в соседней Республике Башкортостан практически нет ни одного музея-заповедника.

В декабре С. Миронов, Председатель Совета Федерации, проводит слушания, посвященные современному положению музеев-заповедников и проблемам законодательства. Приглашены практически все директора крупных музеев-заповедников, руководители малых городов.

Хайрутдинов Р.Р.

Поставленные вопросы – наиболее значимые и важные. Мы о них говорим уже не первый год и не первое десятилетие. К большому сожалению особого прорыва мы не ощущаем и, прежде всего, в музейной сфере. Поэтому мне хотелось бы в нескольких фразах еще раз обратить внимание на ситуацию с Казанским Кремлем. Хотя она, конечно, не самая характерная. Мы находимся в отчасти привилегированном положении. Это можно объяснить и обосновать. Но вместе с тем, все те же проблемы, которые характерны для большинства музеев-заповедников, присутствуют. Это, прежде всего, отсутствие законодательной базы. У нас, конечно, многие вопросы решены. Есть позитивный опыт. Но хотелось бы также остановиться на болевых моментах.

У музея-заповедника все же особый статус и он определен тем, что эта организация является государственным учреждением при Кабинете Министров Республики Татарстан. Поэтому музей-заповедник имеет в бюджете Республики Татарстан свою строку, она защищена. В этой связи, наверное, нам полечче отстаивать интересы музея-заповедника.

Взаимоотношения с Министерством культуры у нас на сегодняшний день своеобразные: прямого подчинения у нас нет, но методическая и методологическая помощь, разработка общей стратегии развития – это все происходит совместно с Министерством культуры. Но здесь возникают некоторые нюансы: так как мы не являемся организацией, непосредственно подчиненной Министерству культуры, то возникает масса вопросов, связанных со строительством музеев, реализацией музейных программ. Мы хотим, конечно, более плотно сотрудничать с Министерством культуры в тех проектах, которые оно может реализовать и реализует. Есть и позитивный опыт. Например, проект, связанный с Эрмитажным центром. Это проект с трехсторонним соглашением между Министерством культуры, Музеем-заповедником «Казанский Кремль» и Государственным Эрмитажем. Этот проект удачный, он работает. Министерство культуры и федеральные органы принимают в нем участие.

Вместе с тем многие вопросы, связанные с координацией музейной деятельности, вызывают сложности. Они связаны с хозяйственными вопросами. Дело в том, что на территории музея-заповедника присутствуют музеи – филиалы Национального музея и Музея изо-

бразительных искусств. До сих пор часть вопросов не решена. Это связано и с позицией руководителей самих музеев, которые не торопятся заключать соглашения, которые бы регулировали, например, арендные отношения и т.д. Музей-заповедник сегодня принимает на себя обслуживание всего комплекса. Мы не нажимаем, стараемся все решать пошагово. Мы понимаем, что эти музеи тоже в сложном положении, бюджеты их урезаны.

Из того, что сказал Юрий Александрович, необходимо отметить, что здесь связь с наукой тоже оформилась в результате доброй воли и понимания руководства республики, а также в связи с некоторыми обстоятельствами. Дело в том, что долгое время Государственным советником по политическим вопросам при Президенте Республики Татарстан был Рафаэль Сибгатович Хакимов – директор Института истории. Часть вопросов о преобразовании Казанского Кремля в некое культурное пространство зависела от работы советников Президента. Также, благодаря тому, что на территории музея-заповедника находится Институт истории, часть проектов удачно реализуются. Сам Институт успешно работает, в том числе, и в области охраны памятников.

Это было в то время, когда в ходе подготовки к тысячелетию Казани, успешно реализовывались и федеральные, и республиканские программы. Казанский Кремль оказался в эпицентре этих событий. Потому что основные находки, подтверждающие тысячелетие Казани, связаны с Кремлем. С 1994 г. здесь велись активные археологические исследования. Подготовка к юбилею во многом изменила и внешний облик Кремля. Финансирование позволило решить вопросы, в частности, и с созданием музея-заповедника.

Тогда же рабочей группой была создана научная концепция, а в 2006 г. принята концепция музеефикации Казанского Кремля. Это своего рода стратегия развития до 2015 г. Имея на руках этот документ, гораздо проще обосновать дополнительное финансирование на реконструкцию, реставрацию и строительство новых музеев.

Есть и нюансы, связанные с особым статусом. Казанский Кремль официально не является резиденцией Президента. Но статус Кремля, конечно, ни кем не оспаривается. Особые режимы использования территории позволяют считать Кремль официальной резиденцией Президента. Музей-заповедник принимает на себя обязательства по поддержанию зданий, входящих в комплекс резиденции. Т.е. власть и музей-заповедник находятся рядом, работают вместе.

В связи с особым статусом возникают также и другие вопросы. Например, по штатному расписанию у нас отсутствует такая категория как научные сотрудники. Поэтому сложно вести научную, музейную работу, привлекать специалистов.

Мы – молодой музей-заповедник в начале своего пути. Поэтому мы заинтересованы использовать опыт наших коллег по созданию музеев и реализации музейных проектов. Этап реконструкции и реставрации уже завершен, больших вливаний уже не будет. Теперь речь идет о поддержании этого состояния. Остались вопросы, связанные с благоустройством территории, завершением реставрации Спасо-Преображенского монастыря и др.

Но сейчас для нас самое важное – это строительство новых музеев в соответствии с нашей концепцией. Здесь есть тоже проблемы. Например, соотношение государственных и ведомственных музеев. Дело в том, что на территории музея-заповедника планируется создание двух музеев и здесь мы столкнулись с необходимостью юридической проработки. Институт истории обладает богатой коллекцией археологических артефактов. Речь изначально шла о создании Музея археологии при Институте истории. Сейчас речь идет о некотором промежуточном варианте, когда научная работа остается за институтом, а экспонирование будет предоставлено музею-заповеднику, фонды будут переданы нам во временное хранение.

Также возникают вопросы и при создании других музеев. Например, заявленный в концепции Музей редкой книги с книгохранилищем. Для него Институту языка, литературы и искусства были выделены два здания – Братский корпус и Манеж. Но, к большому сожалению, они не горят желанием строить музей. У них большая проблема с хранилищем. При этом музей-заповедник развивается и сотрудничает с другими ведущими музеями России по выставочной деятельности. Но на территории музея-заповедника выставочных площадок немного. Поэтому для нас эта проблема очень актуальна.

Мы в начале пути и настроены на сотрудничество. Поэтому для нас важно в ближайшее время подготовить стратегию развития музея-заповедника «Казанский Кремль». И совместная работа здесь, на этом круглом столе, поможет найти пути решения проблем и на уровне Российской Федерации.

Гриценко В.П.

Выступление Рамиля Равиловича было очень интересным и остается только позавидовать тем успехам, которые во многом связаны и с тем, что Кремль является резиденцией Президента. Это уникальная ситуация для музея и я думаю, что она была смоделирована самим учреждением культуры, самим местом его расположения. Это абсолютно нормально: это место – лицо города и республики, его достояние. Одна из задач развития музеев-заповедников – это сделать свои достопамятные места востребованными, значимыми и престижными. Эта проблема многогранна.

Все музеи-заповедники объединяет одно общее понятие – территория. Понятно, что у музеев-заповедников, находящихся в городской среде, свои особенности. Здесь доминируют архитектурные комплексы и ансамбли. В музеях-заповедниках, расположенных в сельской местности, например на Куликовом поле, доминирует ландшафт.

С чем мы столкнулись 10 лет назад в момент создания музея-заповедника? Одна экспозиция храма-памятника Сергия Радонежского на территории мемориала Красный холм площадью 18 га, оформленная как земля сельскохозяйственного назначения. 12 тысяч посетителей в год. Суженное понятие Куликова поля: гости, посетившие только мемориал Красный холм, считали, что они посетили Куликово поле. Это важная проблема, поскольку главным нашим экспонатом является само поле и показать его для нас было приоритетным. Одной из задач было возвращение исторического представления о Куликовом поле как о достаточно обширной территории.

Мы не сразу пришли к этому. На это нас натолкнули сами посетители, которые в конце экскурсии спрашивали: «А где поле?». Было важно сформировать структуру показа так, чтобы у человека сформировалось целостное представление о месте сражения, а не об отдельных экспозициях.

В этой связи очень важной является научно-исследовательская деятельность. Нам бы не удалось сделать за эти 10 лет столько, если бы не серьезная научная работа, комплексные экспедиции Государственного исторического музея и Института географии РАН. Хочется подчеркнуть слово «комплекс». Очень часто у нас археологи работают сами по себе, «природники» – сами по себе. Для людей науки свойственно углубляться в частности. Но в то же время необходимо

рассматривать работы в комплексе. Именно поэтому у нас была создана не просто карта памятников археологии, которую можно найти в любом краеведческом музее, но и уникальная карта реконструкции. Первоначально это касалось самого места сражения, причем с особой детализировкой на период XIV в.

Это позволило предпринять целый ряд шагов, которые снимают многие проблемы. Мы выстроили систему экспозиций таким образом, чтобы это было не только удобно экскурсанту. В каждой точке остановки мы пытаемся внедрить в сознание представление о Куликовом поле как о территории места сражения. Началом является село Епифань. Там создана маленькая экспозиция, которая дает представление о Куликовом поле начала XX в. в легкой, интерактивной форме. Для нас было важно использовать не только накопившиеся знания о Куликовом поле в этой этнографической экспозиции, сколько показать на самых древних картах, дошедших для нас, что, посетив Епифань, мы въезжаем на Куликово поле и движемся к месту сражения. Место сражения – это следующий мемориал у слияния Дона и Непрядвы – село Монастырщина. От него мы движемся к мемориалу Красный холм. Эта структура дает определенные пространственные представления о том, что такое Куликово поле и место сражения.

Естественно, что это невозможно сделать, не создав интересные экспозиции. Но сложнее всего привлечь туда посетителей. Именно поэтому все работы нужно решать в комплексе, в том числе и работу с посетителями. В связи с этим, у нас хорошо сработала система событийных мероприятий. Это позволило сделать все объекты востребованными.

Иногда очень маленькие усилия приводят к большим результатам. Например, указатели, которые хорошо считываются и «работают». Установив оригинальный указатель, мы увеличили посещаемость мемориала в Монастырщине в два раза.

Для нас это не простые слова, поскольку мы занялись реставрацией нашего главного экспоната. Мы пытаемся превратить этот агроландшафт в ландшафт, максимально приближенный к тому, каким он был в XIV в. Мы отдаем себе отчет в том, что эта задача до конца невыполнима. Тем не менее, уже сейчас, особенно в период цветения ковыля, это является очень эмоциональным средством воздействия на посетителя.

Более того, мы стараемся придать нашей природоохранной деятельности публичный характер, максимально использовать эту работу для решения уставных задач, в том числе и для патриотического воспитания. Казалось бы, банальная задача – восстановление леса, которая осуществляется на основе научного проекта. В то же время, как один из вариантов продвижения нашей деятельности – это патриотическая акция «Зеленая дубрава», целью которой является дань памяти воинов, погибших во все времена. Она адресована широкому кругу и каждый может почтить память своих родных, погибших, например, в годы Великой Отечественной войны или в «горячих точках», посадив дерево. Это направленность в будущее. Уже сегодня, когда мы еще до конца не воссоздали наш главный экспонат, эта деятельность позитивно влияет на имидж музея-заповедника.

Работа по восстановлению исторического ландшафта поставила перед нами и массу проблем. Если мы начинали с 18 га, то сейчас это более 3,5 тыс. га. Естественно, что на всей этой территории осуществить все работы в одночасье нереально. В связи с этим вопросы хозяйственного использования являются также важными.

Мы для себя определяем это следующим образом: если сельскохозяйственная деятельность (а у нас есть комбайны, мы пашем землю) каким-то образом сопрягается с нашей деятельностью – мы этим занимаемся; если речь идет просто о финансовых дивидендах – мы этим не занимаемся. Например, мы выращиваем овес, чтобы поставлять его в конные клубы в области, а потом эти конные клубы участвуют в наших военно-исторических фестивалях и праздниках. Это один из примеров того, чем нам приходится заниматься.

Были примеры и у нас в Тульской области, когда музеи брали землю, а потом, не сумев работать на ней, возвращали ее производителям, о музее возникало негативное мнение. Лучше в такой ситуации все хорошо взвесить.

Важнейшая проблема, о которой упомянул Юрий Александрович и которую можно решить только на законодательном уровне – проблема охраны. Все знают наш Закон «Об охране памятников». Он не работает по определению. Он работает только в силу традиций. Например, в Татарстане есть понимание того, что такое культурный слой и что его нужно исследовать. Но не во всех исторических поселениях это понимают, приходится многое доказывать.

Во многом задача усложняется тем, что мы являемся учреждением культуры, а охранять необходимо природную среду – объект Закона «Об особо охраняемых природных территориях», в котором такая категория как музеи-заповедники не предусмотрена. Есть категория просто заповедники, в которых всякая деятельность, в том числе и туризм, запрещена, что для нас неприемлемо. Есть категория национальных парков, которые очень близки к музеям-заповедникам, где занимаются не только природоохранной деятельностью, но и культурной. Есть еще форма, которую мы предлагаем в качестве возможной формы охранной территории, находящейся в ведении музеев-заповедников – это заказники. Заказник, в отличие от первых двух форм, не влечет за собой создание юридического лица. Рамиль Равилович уже упомянул о проблеме, когда на одной территории находятся несколько хозяев. Несмотря на банальность, можно привести много таких примеров. Для нас кажется, что форма заказников для музеев-заповедников могла бы быть полезной. Но, несмотря даже на поддержку Министерства природных ресурсов, пока нам похвастаться нечем.

Сегодня мы сталкиваемся с нетрадиционными для музеев-заповедников различными угрозами. Я не говорю о дачном строительстве, которое у всех на слуху. Мы столкнулись с тем, что на нашу территорию был объявлен конкурс на создание охотничьего хозяйства, который был выигран. Все банально потому, что это земли все еще сельскохозяйственного назначения, например, мемориал Красный холм – до сих пор пастбище. И чтобы перевести его в статус территории историко-культурного назначения, необходимо приложить большие усилия.

Но хочется верить, что у музеев-заповедников светлые перспективы. Несомненно, как форма сохранения историко-культурных территорий эта форма будет жить и когда-то приобретет законодательные «доспехи».

Кутуев А.А.

Я хотел бы несколько слов сказать о том, что собой представляет наш заповедник. Как самостоятельное учреждение мы существуем с 1992 г., а до этого были филиалом Болгарского музея-заповедника. В настоящее время музей-заповедник включает в себя территорию в

2292 га. Мы имеем свидетельство о регистрации права на эту территорию. Земля делится на три категории:

1. Земли, где должны проводиться только научные исследования;
2. Земли, где допускается вспашка до 25 см;
3. Земля, где располагается само село Билярск, название которого идет от древнего города Биляра.

Проблемы музеев-заповедников, которые были озвучены сегодня, в какой-то степени близки и нам, но есть и особенности. В начале нашего разговора прозвучала мысль о проблеме взаимоотношения музеев-заповедников и власти. Билярский музей-заповедник – это государственное учреждение. С одной стороны, как государственное учреждение мы подчиняемся Министерству культуры, с другой стороны, находимся в поле внимания и администрации Алексеевского района. Они видят наши проблемы по-своему, мы хотим решать их по-своему. Иногда случается недопонимание друг друга.

Главным нашим достижением является то, что эта территория наша, заповедная. Здесь проводятся археологические исследования, которые, несмотря на трудные времена, никогда не останавливались. Конечно, сейчас уже не в том масштабе как при профессоре А. Халикове. И на сегодняшний день Билярское городище, которое занимает 700 га, обследовано всего лишь на 0,03%.

Нам хотелось бы видеть объекты, обследованные археологами, реставрированными или законсервированными, как, например, это сделано в Казанском Кремле. Такой элементарный пример. Археологи обнаружили гончарный круг, разобрали, описали – и на этом все. Но эти объекты должны реставрироваться и экспонироваться.

На сегодняшний день мы можем показать туристам само городище, где располагаются 4 хорошо обследованных объекта: соборная мечеть, караван-сарай, дом феодала и баня. Есть историко-археологический музей, где более 75 тыс. единиц хранения. Также может привлечь туристов дом-музей Арбузова и овечья легенда-мемориал Святой ключ.

Здесь тоже есть проблемы. В свое время, территория, где находится Святой ключ – 99 га лесного массива, было передано нам распоряжением Главы администрации. А после вступления в силу Лесного кодекса РФ эти решения были отменены. Сейчас получается, что объекты, которые находятся здесь, являются собственностью

заповедника, а территория нет. Мы готовим документы на аренду этой территории.

Еще проблема в том, что земля заповедника не обрабатывается, она может зарости бурьяном. И за это нас «по головке не погладят». Требуется много средств, чтобы привести землю в надлежащий вид.

Еще хотелось бы обратить ваше внимание на следующее. В 2007 г. исполнилось 10 лет с момента благоустройства территории Святой ключ. К этой дате здесь был построен выставочный зал. В этом зале мы хотим создать диараму последних дней города Биляра. Это пока еще только проект.

Конечно, нужно решать вопросы, которые стоят перед музеями-заповедниками сообща.

Ситдиков А.Г.

Я хотел бы обозначить те вопросы, которые связаны с деятельностью музеев-заповедников на территории Татарстана, и, в частности, вопросы, связанные с археологией.

Обследованность республики очень большая, археологи очень длительное время работали по выявлению объектов археологического наследия. В общей сложности сейчас это больше 6 тыс. памятников. В свое время в Татарстане возникла и целая сеть музеев-заповедников. И здесь важную роль сыграли целенаправленные археологические работы по изучению истории региона. Из шести музеев-заповедников пять появились в результате археологических исследований. Поэтому и вопросы развития этих заповедников связаны с их предысторией. Процесс осознания их историко-культурного потенциала был связан именно с археологическими исследованиями.

Здесь возникает масса вопросов после создания музеев-заповедников. Одной из проблем является осуществление археологических работ на территории этих памятников. В кризисные 1990-е гг. органы охраны памятников даже ставили вопрос о нецелесообразности этих работ, о том, что на заповедной территории археологические работы – фактор разрушения.

Понимание по этому вопросу важно и для других музеев-заповедников. Обоснованность и направленность археологических исследований должна определяться строгим и комплексным подходом. На территории Республики Татарстан раскопки – неразрывная часть туристического процесса. Это привлекает людей в рамках раз-

личных волонтерских туристических программ, как на территории республики, так и соседних регионов. На территории Булгарского заповедника большая часть археологических исследований проводится при участии приезжих школьников, студентов. Некоторые такие группы ездят более 30 лет.

Другой момент связан с обоснованием самих исследований. Большинство этих объектов связано с крупными городами, в которых, к сожалению, архитектурные и многие другие объекты оказались утраченными. Процесс музеефикации и включение их в экспозиционное пространство – это очень важный, но в то же время сложный вопрос. Он обусловлен сочетанием археологического исследования и созданием взаимодействия с органами охраны памятников и, соответственно, с обеспечением реставрации.

Институт истории несколько лет назад выступил с предложением организовать целенаправленные работы с геофизическими обследованиями на территории этих памятников, чтобы определить возможные приоритеты долгосрочных научных исследований. Приблизительно такая работа ведется в Рязанском кремле. У нас аналогичная работа осуществляется в Болгарском музее-заповеднике. 11 лет назад начались вскрытия одного крупного каменного здания, которое частично было подвергнуто разрушению. Сейчас это единственное общественное здание на Болгарском городище, размером 22х20 м, вскрыто на 90%. Сейчас идет работа по консервации этого объекта.

Другим важным вопросом сочетания памятника и археологии является вопрос археологических коллекций. Большинство заповедников удалено от научных центров. Коллекция, которая формируется в их фондах, у ряда исследователей вызывает возражения. Стремление передать эти коллекции в научные учреждения с изъятием из фондов самого музея-заповедника – вопрос актуальный. Из-за поддержки Министерства культуры нам не удастся найти какое-то приемлемое решение, чтобы коллекции были привязаны к музею-заповеднику.

С другой стороны, есть и большая проблема самих музеев-заповедников – качество их фондохранилищ. Можно привести в пример Музей-заповедник «Казанский Кремль»: в большинстве его музеев есть проблема с обеспечением фондов. У Института истории также огромные фонды, но на сегодняшний день условия для их хранения отсутствуют.

Другой аспект связан с качественным учетом самой коллекции.

Много вопросов с хранением предметов. В Билярском музее-заповеднике существует очень серьезная проблема, помещение фондов находится в подвальном помещении и ежегодно подтапливается. Решение ее требует серьезных вложений.

Важным является и обеспечение реставрации. Даже в Институте истории, где проводятся работы по реставрации, предметы подвержены разрушению. Можно привести пример Музея-заповедника «Казанский Кремль». Изначально в концепции его развития было предусмотрено создание реставрационной лаборатории. На следующий год планируется оснастить ее оборудованием. Возможно, тогда она и начнет действовать.

Конечно, самым важным экспонатом музея-заповедника является его территория. Этот вопрос для археологических музеев-заповедников сложен в силу того, что это огромная территория. В республике к этому еще добавляется проблема того, что некоторые памятники находятся за несколько десятков километров от самого музея-заповедника. В Болгарском музее-заповеднике – это городище Сувар, находящееся в 20 км. В более сложном положении Иске-Казанский музей-заповедник, где администрация находится в селе, а заповедник разбросан на территории 5–10 км от него. Поэтому использовать эту территорию для туристического показа сложно. Даже в компактном Билярском музее-заповеднике постоянно стоит вопрос – как завлечь посетителей на городище?

Кулешова М.Е.

Говоря о правовых проблемах музеев-заповедников в сфере территориально-земельных аспектов, я бы хотела разделить проблемы несовершенства законодательства и проблемы нарушения законодательства. Многие из них связаны с тем, что законы написаны не для людей, а для узкого клана специалистов, которые тоже их не всегда однозначно трактуют.

Для музеев-заповедников остается проблема, которая стояла на различных форумах и 10 лет назад – что такое музей-заповедник и его территория? В управленческой среде это понимают буквально: музей плюс заповедник.

Давайте посмотрим на историко-культурные заповедники. С точки зрения закона, историко-культурными заповедниками могут

объявляться достопримечательные места. Больше ничего в законе не сказано. Не сказано, что это за организационно-правовая форма и остается только поставить знак равенства между тем и другим. Конечно, есть небольшие несущественные отличия.

Достопримечательное место – это объект культурного наследия. В самом начале закона сказано, что объект культурного наследия – это объект недвижимости. В результате мы имеем, что музей-заповедник – это музей плюс собрание недвижимого имущества. К какому имуществу может иметь отношение музей-заповедник? К тому, что ему передано на праве оперативного управления либо в бессрочное безвозмездное пользование.

Получается своеобразная ситуация. Нам известно, что музей-заповедник – это гораздо больше, чем недвижимое имущество. И эта область несовпадения сосредотачивается на понятии «территории».

Если говорить о территории, территориальном комплексе, то, с точки зрения науки и большинства музеев-заповедников, это культурный ландшафт. Территориальный комплекс (городской, сельский, монастырский, усадебный, индустриальный, поле сражения и др.) – это территориальный комплекс, в котором устойчиво во времени и в пространстве ускоряется набор определенных компонентов, находящихся во взаимосвязи и взаимообусловленности, которые образуют территориальную целостность. Причем важно, что это не простая сумма компонентов, они должны взаимодействовать. Это очень существенно.

Чаще всего, территория музея-заповедника – это то, что ему передано в безвозмездное пользование, либо зона охраны музея-заповедника. Вспоминая формулу «музей-заповедник – это музей плюс недвижимость» получается некая виртуальная реальность, потому что в зонах охраны часто ограничены права музея-заповедника на управление этим территориальным комплексом. Есть, конечно, исключения. Например, в Елабуге музею-заповеднику переданы права на контроль ситуации в зонах охраны.

В этих зонах у музеев-заповедников возникает много проблем. Сегодня участились случаи, когда музеи-заповедники пытаются узаконить свои права на управление этими территориальными комплексами и пытаются перевести эти зоны в иной статус – статус достопримечательного места. Достопримечательное место по закону – единственная форма, где объектом наследия выступает культурный

ландшафт. По такому пути пытаются идти Бородинский, Шолоховский музей-заповедники, в Михайловском, Шахматове, Суздале. В законе «О музеях Московской области» территория музея-заповедника приравнена к достопримечательному месту.

Но ситуация здесь такова, что произошло узаконивание понятия территории, но здесь не имелись в виду зоны охраны. То, что передано в управление музею-заповеднику, оно и будет рассматриваться как достопримечательное место. А зоны охраны опять остались вне закона.

Таким образом, достопримечательное место может быть рассмотрено гораздо шире. Надо включать в эту территорию и зоны охраны. Во всяком случае, такова ситуация в Шолохове, Ясной Поляне, Бородине. Они не считают себя достаточно защищенными и пытаются сделать достопримечательное место.

Но таких музеев не так много. Большой активности нет. Здесь несколько причин. Когда мы составляем паспорт достопримечательного места, встает вопрос – что же мы должны описывать – имущественный комплекс, если следовать букве закона, или территориальный комплекс, если соблюдать целостность? Как описать комплекс, иногда достигающий нескольких десятков тысяч гектар?

Если включать в паспорт то, что находится на балансе, территория описывается в самых общих фразах. Тогда встает вопрос и о специалистах: описывая территориальный комплекс или культурный ландшафт, нужно иметь особые знания о самом комплексе. Тут недостаточно отраслевого подхода, присутствия археолога, историка, архитектора. Необходимо присутствие и географа.

Допустим, что все это преодолено и паспорт составлен, культурный ландшафт музея-заповедника стал достопримечательным местом в границах зон охраны или в других границах, которые музей-заповедник считает своей территорией. Но понятия территории музея-заповедника в законодательстве сегодня все равно нет. Когда музей-заповедник начинает отстаивать свои права дистанции, особенно перед муниципальными органами власти, они его просто не понимают.

При постановке на охрану достопримечательного места в законе сказано, что режим его содержания определяется госорганами и вносится в строительную документацию. Документы, прописывающие режим, в строительной отрасли когда-то делались неплохо на уровне районной планировки. К сожалению, сегодня районная планировка

приказала долго жить. То, что сейчас называют схемами комплексного территориального развития – это не совсем то.

Тем не менее, эти вопросы неплохо решаются в среде охраны культурного наследия через описание режимов зон охраны. Поэтому, наверное, не должно быть проблем при переложении режимов зон охраны в режимы достопримечательного места. Главное здесь – учесть все нюансы, которые могут возникнуть. Например, в Михайловском было запрещено новое строительство в населенных пунктах, но не запрещена реконструкция, поэтому на месте крестьянских домов появились трехэтажные коттеджи.

Здесь говорилось о природоохранном законодательстве и о том, как его применять для решения проблем музеев-заповедников. Отраслевой снобизм и нежелание двух ведомств работать совместно проявляется во многих регионах. Необходимо вносить изменения в законодательство о культурном наследии. То, о чем говорилось 10 лет назад, актуально и сегодня. Необходимо вводить понятие «историко-культурной охраняемой территории» и музея-заповедника как территории.

В природоохранном законодательстве основной объект охраны – территория, в культурноохранном – недвижимость; в первом случае основное понятие – режим охраны, прописаны четкие нормы режима охраны, во втором – предмет охраны, четких норм режима охраны нет. Это результат методологической проблемы, когда в законодательстве о культурном наследии все сведено к имуществу.

Можно много говорить о том, как проще решаются вопросы, когда мы имеем дело с историко-культурной охраняемой территорией. Возможно решение проблемы на уровне субъектов Российской Федерации. Кто-то это делает.

Еще один момент. Территориальный комплекс, кроме музея-заповедника, как субъекта, включает и другие субъекты права, которые живут и работают на этой территории, и часто их интересы не совпадают с интересами музея-заповедника. Сегодня музейное и местное сообщества жестко дистанцированы и на этой почве возникает много конфликтов. Но местное сообщество – не только враги культурного наследия, их можно рассматривать и в качестве носителей культурного наследия, особенно в сельской местности, где они являются носителями преданий, обычаев, культурного быта, они создают тот самый

культурный ландшафт, который является основной декорацией. Если с этим населением не работать, то и декорация рухнет.

Конечно, местное сообщество разное, помимо носителей культурного наследия в нем присутствуют и разрушители, причем как пассивные, так и активные. Пассивные – это те, кто, например, тихо спиваются; активные – те, кто приходят со своими средствами и ломают эту среду, внося свои «градостроительные акценты».

В этом смысле было бы крайне продуктивно заняться научными исследованиями в области обычного права. Это изучение системы запретов и ограничений, установленных местным сообществом, их логики, приближенной к градостроительному регламенту и режимам землепользования. Это позволило бы решить какие-то вопросы, привлекая местное сообщество, которое должно понять, что совместная работа с музеем-заповедником – это отстаивание, в том числе, и их интересов.

Необходимо развивать законодательство, объединяя достижения обоих законов, и музеям-заповедникам необходимо применять технологии, принятые в природоохранном законодательстве.

Соснина Е.В.

Хотелось бы поговорить немного о других проблемах, а именно об экспозиционном освоении всего комплекса Александровской слободы.

Немного о многострадальной истории нашего музея. Музей «Александровская слобода» был основан в 1921 г. по распоряжению Главнауки Наркомпроса РСФСР. В 1928–1937 гг. он был филиалом ГИМа и огромная часть коллекции была вывезена. После того как нам вернули статус краеведческого музея, часть коллекции была возвращена. Однако возвратили не то, что было, и в коллекции появились другие вещи. В 1974 г. мы вошли в состав Владимиро-Суздальского музея-заповедника как Александровский филиал. Поскольку у нас в городе был радиозавод, мы стали местом хранения радиоаппаратуры.

В 1994 г. мы отделились от Владимиро-Суздальского музея-заповедника и остались одни, имея всего лишь 8 тыс. единиц хранения. Александровская слобода не вошла в Золотое кольцо, потому что город был закрыт, здесь было военное производство.

Мы начали жить самостоятельной жизнью и не были ограничены в экспозиционной деятельности. Нам есть чем гордиться: мы построили экспозицию Государев двор, потрясающий ансамбль XVI в. Все остальные экспозиции мы посвящали также Государеву двору. Воссоздать этот ансамбль было очень сложно: экспонатов и документов XVI в. практически нет. Поэтому основное наше богатство – памятники XVI в.

В 1991 г. здесь был возрожден Свято-Успенский женский монастырь, который был основан в 1650 г. на развалинах дворцовой царской резиденции. Мы существуем на одной территории. Законодательно земля закреплена за музеем-заповедником. Мы передали монастырю 8 памятников, в том числе 3 собора. По соглашению между музеем-заповедником и монастырем мы мирно существовали 17 лет.

Но в настоящий момент на наш музей стали активно наступать. Монастырь заявляет о передаче Успенской церкви. К нам поступают претензии о том, что проведением различных событийных мероприятий на этой территории мы оскорбляем чувства верующих. Причем мы много сделали для сохранения этого памятника: сохранили алтарную часть, сделали экспозицию, в которой присутствуют только экспонаты, связанные с православной культурой. По соглашению, насельницы монастыря могли проводить богослужения и в Успенском и в Покровском храмах. Теперь стоит вопрос о возвращении этого памятника церкви. В концепции развития монастыря указано, что в ближайшее время должна быть передана Успенская церковь, а затем и другие памятники православной культуры. Музею-заповеднику остается лишь третья часть братского корпуса, в то время как мы только создали нормальные условия для музейных сотрудников, которые первое время ютились в подвалах.

Складывается и другая ситуация. Территория Успенского женского монастыря меньше, чем территория старой Александровской слободы. Т.е. территория построек Ивана Грозного была больше, чем сейчас территория монастырских стен. Нас часто обвиняют в занятии псевдонаукой. Любой вопрос, прежде чем его подать экспозиционно, мы очень глубоко научно прорабатываем. Каждый экспонат мы подаем так, чтобы у посетителей потом не возникало сомнений и вопросов.

Какова ситуация с памятниками, которые мы передали? Например, Троицкий собор. По соглашению мы можем водить туда экскурсии. Нас ограничили по времени богослужений и мы с этим согласны. Но даже в отведенные нам 2 часа мы не можем провести полноценную экскурсию из-за хозяйственной работы в церкви. Очень затруднен доступ к Новгородским и Тверским вратам – шедеврам мирового значения. Конечно, сейчас проведение экскурсий стало проще, а раньше каждый раз приходилось получать благословение, хотя по соглашению мы могли приводить свои группы.

Таких проблем много и в других регионах – Кострома, Истра, Тобольск. Но как показать историю XVI в., историю зарождения российской государственности, историю опричнины вне родных стен?

Печенкин А.В.

Я не буду заострять внимание на тех проблемах, которые были озвучены. Они понятны и во многом схожи с нашими.

Елабужский музей-заповедник создан в 1990 г. Территория охранной зоны – 490 га. 195 памятников находятся на государственной охране. Есть свои особенности: что музей-заповедник располагается на территории городского поселения.

Одной из проблем является то, что мы не наделены функциями органа охраны памятников. Т.е. юридически мы не имеем права, например, составить охранное обязательство, выписать предписание. Конечно, когда возникают сложные вопросы, мы обращаемся в Главное управление охраны памятников или в Институт истории. Но при решении мелких задач, например, когда необходимо заставить собственника памятника снять пластиковое окно или сайдинг с крыши, то мы обходимся своими силами. В этом есть и понимание муниципалитета города.

Другая проблема – финансирование деятельности музеев-заповедников. Оно крайне недостаточно. Два года назад мы пытались перейти на федеральное финансирование, но это не получилось. Анализ финансирования музеев-заповедников России показал, что на федеральном уровне оно в несколько раз выше, чем на республиканском; положение лучше и в отношении штатного расписания. Нам не хватает средств на текущий ремонт, комплектование.

Третья проблема заключается в том, что, как уже говорил Айрат Ситдииков, учреждения, проводящие археологические исследования, оставляют у себя весь материал. По закону они обязаны передать его музею-заповеднику для включения в музейный фонд. Но эти учреждения сопротивляются. Часто материалы просто разворовываются, как это, например, случилось в Елабужском педагогическом институте в 1993 г. Подобные учебные заведения, как правило, не обеспечены надлежащими охранными средствами, нет пожарно-охранной сигнализации и т.д.

Еще одна проблема. Строительные компании, которые проводят ремонтно-реставрационные работы, зачастую фиктивно оформляют документы на получение федеральной лицензии на проведение ремонтно-реставрационных работ. Вследствие этого на памятниках работают несертифицированные специалисты.

Кирюхина И.В.

Мне хотелось бы немного поговорить о туризме в музее-заповеднике. У нас это одна из важных задач, стоящих перед сотрудниками. Связано это с тем, что наш музей находится в сельской местности, в 130 км от Тулы, также далеко от Липецка и Рязани, т.е. от тех городских центров, которые могли бы стать основными поставщиками посетителей. Казалось бы, что 130 км в наш век это немного. Тула находится в 200 км от Москвы и в 130 км от Куликова поля, но при этом Москва находится рядом, а Куликово поле – далеко: можно в течение дня несколько раз съездить в Москву и вернуться, а на Куликово поле можно попасть только один раз в течение дня и при этом невозможно вернуться обратно. Остаться там невозможно тоже: это поле и никакой инфраструктуры нет. Кроме того, посещение Куликова поля носит сезонный характер, посетители в основном приезжают в теплое время года. Поэтому организация туристического потока – одна из важнейших задач.

Также в настоящее время структура посетителей и туризма сильно изменилась. Если 15–20 лет назад у нас процветал внутренний экскурсионный туризм, то сейчас он существует не на том уровне. В большей степени это школьные группы на автобусах. А в нашем музее-заповеднике 65% посетителей – туристы на собственном транспорте, которые транзитом проезжают через Куликово поле, направляясь к местам своего сезонного отдыха.

Сегодня уже говорилось о том, что музеи-заповедники и в городах, и в сельской местности играют большую роль в развитии местности, на которой они находятся. Для Куликова поля это также важно, поскольку присутствие музея-заповедника накладывает отпечаток на образ жизни, занятость населения. В то же время образ жизни накладывает отпечаток на образ музея-заповедника.

Туристической индустрии у нас пока нет, большие инвестиции никто осуществлять не торопится. Конечно, когда появится инвестор, хотелось бы, чтобы музей-заповедник присутствовал при этом, поскольку мы имеем свой интерес привлечение туристов и предоставления гарантированно качественных услуг. У нас был проект, который позволил в некотором роде снять проблему размещения туристов. Это проект, осуществленный на средства Фонда Потанина, названный «К бабушке в деревню», когда мы размещали летом городских детей в домах местных жителей, и для них организовывалась специальная образовательно-развлекательная программа. Эта программа, которая проводилась в течение двух лет, получила положительную оценку среди местного населения, которое готово было уже после детей к приему взрослых туристов. Тут очевидна выгода для всех: для местных жителей – материальная, музей-заповедник получает возможность оказания услуг, посетители могут более внимательно изучить достопримечательности и отдохнуть в экологически чистом месте.

Одним из способов привлечения посетителей и формирования образа музея-заповедника служит система событийных мероприятий. На масштабные мероприятия можно привлечь до 50 тыс. человек в день и средства массовой информации. После этого интерес к музею-заповеднику возрастает. В этом году, например, интерес возрос из-за Государственной премии, присвоенной коллективу музея-заповедника.

Конечно, существует проблема кадров. Двадцать лет назад все экскурсоводы были с высшим образованием. Некоторые из них работают и сейчас, но молодые сотрудники имеют только средне-специальное образование. Образование для экскурсовода играет важную роль, оно влияет на качество предоставляемой услуги. Они не могут соответствовать уровню научных сотрудников ведущих музеев.

В момент создания музея-заповедника главной нашей целью было расширение представления о Куликовом поле, и создание му-

зая в Монастырщине во многом позволило это сделать. Ведь ранее человек, посетивший экспозицию в храме Сергия Радонежского, считал, что он посетил Куликово поле. Сейчас храм Сергия Радонежского находится в совместном пользовании РПЦ и музея-заповедника и продукт, который мы предлагали ранее, с посещением музейной экспозиции в храме, оказывается невозможным. Т.е. экскурсионное посещение без привычного и самого посещаемого места оказывается неполноценным. И я думаю, что интерес посетителя пойдет на спад. Нам придется с этим работать уже в будущем туристическом сезоне.

Также и возрождаемый природный ландшафт – Зеленая дубрава, ковыльная степь – все это должно быть представлено публике. Этот вопрос тоже необходимо решать.

Статьи участников круглого стола

Кусова И.Г.

Рейдерство РПЦ как угроза существованию музеев-заповедников

Вот уже четыре года Рязань является одной из главных арен противостояния музеев и Русской православной церкви (РПЦ). Рязанская епархия настаивает на передаче в ее ведение территории и двадцати памятников Кремля под резиденцию архиерея и епархиальный музей – историко-архитектурный музей-заповедник «Рязанский кремль» отчаянно борется за выживание. За истекшее время это противостояние стало, по сути, одним из центральных событий общественной жизни Рязани. На стороне музея – интеллигенция в лице культурной и научной общественности города, учительства города и области, академических институтов системы РАН, культурных, образовательных и научных учреждений и общественных организаций России; им противостоят – РПЦ и государственное чиновничество в лице Федерального агентства по управлению федеральным имуществом (Росимущество), Министерства культуры, полномочного представителя Президента РФ в Центральном федеральном округе Г.С. Полтавченко. Таким образом, государственные структуры, пренебрегая интересами общества и федеральным законодательством,

встали на сторону одной из общественных (т.е. негосударственных, в отличие от музея) организаций, продавливая ее имущественные интересы и становясь соучастниками церковного рейдерства. Как такое оказалось возможным?

Краткая история конфликта. Летом 2007 г., уступая давлению сверху и пытаясь найти компромиссное решение, музей передал епархии «добровольно-принудительно» пять памятников Кремля, в том числе три собора, которые практически не использовались музеем. Спустя полгода глава Роскультуры М.Е. Швыдкой уволил директора музея Л.Д. Максимова за отказ «добровольно» передать епархии главный экспозиционный корпус музея – Дворец Олега. В апреле 2008 г. Роскультура назначает нового «технического» директора музея Г.Н. Соколову, которая втайне от коллектива музея подписывает акт о передаче части Дворца Олега епархии и уходит на повышение в областную администрацию. В 2009 г. музей должен освободить 500 кв. м экспозиционных и выставочных площадей, на очереди изъятие у музея других памятников Кремля и исторической территории – археологического городища. Перспектива очевидна: со временем, по предоставлению помещений за пределами Кремля, историко-архитектурный музей-заповедник будет перепрофилирован в краеведческий музей.

Решение о фактической ликвидации музея-заповедника выглядит абсолютно незаконным. Были ли у Министерства культуры хоть какие-то правовые основания для подобного решения? Руководство министерства приводит два документа для объяснения своей позиции.

Документ № 1. Поручение Президента № Пр–359, под которым подразумевают резолюцию В.В. Путина от 6.03.2006 г. на письме Патриарха Алексия II с просьбой о передаче всего кремлевского ансамбля епархии: «Фрадкову М.Е., Грефу Г.О. Прошу рассмотреть и предложить вариант положительного решения».

Документ № 2. Протокол совещания у Г.С. Полтавченко, где представители Минкультуры, Росимущества и руководства Рязанской области определили порядок и сроки вывода музея с территории Кремля.

Совершенно очевидно, оба документа не являются правоустанавливающими, т.е. не имеют силы закона, к тому же резолюция

Президента очень расплывчата, предполагает разные варианты, и потому предоставление храмов в пользование епархии без вывода музея с заповедной исторической территории, то есть то положение, что существует сегодня, – это тоже один из положительных вариантов, кстати, единственный, который почти не нарушает законов (если уж совсем строго по закону – памятники должны быть оформлены в **совместное пользование музея и епархии**).

Заместитель министра А.Е. Бусыгин заявляет, что министерство «действует в русле той политики, которую по отношению к РПЦ проводит руководство страны. По всей стране храмы передаются РПЦ». Безусловно, возможны ситуации, когда переезд музея (не музея-заповедника!) из храма оправдан. Если есть реальная потребность в проведении постоянных богослужений (наличие паствы, например), епархия в состоянии обеспечивать сохранность и реставрацию памятника, а музеем подготовлено достойное помещение – в таком случае, думается, возражений ни с чьей стороны быть не может. Но в Рязани ситуация иная.

На территории Рязанского кремля и в радиусе десятков метров рядом с ним действуют семь храмов, в том числе два кафедральных. Когда их было пять, социологи уже фиксировали: самая низкая посещаемость в городе в кафедральном Христорожественском соборе – 4–5 человек. После этого епархия получает еще два собора в пользование. К чему добиваться новых площадей, если пустуют уже имеющиеся? Есть ли выход? Единственный законный в данном случае – совместное использование музеем и епархией, с тем чтобы епархия имела возможность проводить богослужения по определенным дням – к примеру, в праздники, а музей – заниматься проблемами реставрации, исследованиями и, по возможности, музеефицировать храмовые помещения с учетом специфики: экспонировать иконопись, церковную ткань и т.д.

Что же касается передачи церкви или кому бы то ни было не культовых, а гражданских построек, то в этом случае изъятие их из ведения музея при условии, что они музеем используются по назначению, есть прямое нарушение закона. Статья 29 федерального закона № 54-ФЗ 1996 г. «О музейном фонде» гласит: «Недвижимое имущество, закрепленное за государственными музеями на праве оперативного управления, может быть изъято собственником только в случае использования этого имущества не по назначению либо в

случае ликвидации музея». Получается, что определенные в качестве приоритетных направления политики руководства страны могут служить оправданием для творящегося повсеместно беззакония (помимо Рязани объектами церковного рейдерства являются многие крупнейшие музеи-заповедники страны – Соловки, Валаам, Кострома, Тобольский кремль, Александрова слобода и др.). Возможно, нельзя наивно принимать за чистую монету публичные заявления Президента РФ о намерении власти всячески бороться с проявлениями правового нигилизма, однако музейщики, а в Рязани еще и культурная и научная общественность, продолжают «грести против течения» – противостоят незаконным действиям властей по разорению государственного музея-заповедника. Настойчивые попытки музея отстоять свое законное право на существование в Минкультуры трактуют как «гипертрофированный профессионализм» и игнорирование государственной политики по отношению к церкви. Кто бы возражал против «жарких объятий власти с церковью», однако если мы живем, как утверждают, в правовом государстве, то следует все-таки жить по законам! Если же вы считаете, что законы несовершенны (и такие «аргументы» выслушивает музей от чиновников) – добивайтесь законодательных изменений, а не идите на нарушения!

Как можно вести речь о переезде музея-заповедника, где заповедными объектами культурного наследия являются историческая или мемориальная территория и архитектурный ансамбль. И если «переезжает» музей-заповедник – это не более чем чиновное лукавство, на деле же ликвидируется один музей и вместо него создается другой, а ликвидация музея без каких-либо оснований является прямым нарушением закона.

Министерство культуры неустанно декларирует, что музеи при переезде должны улучшать свои условия, но на деле получается ровно наоборот. В сентябре 2008 г. распоряжением Росимущества по согласованию с Минкультуры у Рязанского кремля были изъяты 500 кв. м экспозиционно-выставочных площадей, на которых располагались одна экспозиция и три выставки. Никто в министерстве не удосужился подумать об обещанной компенсации. Куда выносить экспонаты? У музея дефицит площадей, фонды переполнены, реконструкция Солодовенного корпуса, предназначавшегося под фондохранилище, была необоснованно остановлена самим же министерством. Тем более нет никакой возможности выставить экспонаты для

посетителей: согласно акту того же Росимущества, при проверке у музея не выявлено неиспользуемых площадей. Когда вопрос о судьбе разобранных выставок и экспозиции был задан А.Е. Бусыгину, замминистра ответил: «Надо подумать». Вот логика принятия решения чиновниками: сначала сделаем, а подумаем уже потом!

Сегодня Министерство культуры озабочено восстановлением исторической справедливости, что в его представлении есть не что иное, как восстановление епархиальных древлехранилищ, существовавших в начале XX в. По мнению А.Е. Бусыгина, надо вновь открыть 50 древлехранилищ (фактически за счет коллекций существующих государственных музеев), и это будет справедливо. Но в таком случае, чем нынешние экспроприации отличаются от экспроприаций 1920–1930-х гг., когда власть предписывала изымать и уничтожать предметы культа как «непрофильный фонд»? Одно беззаконие подменяется другим, варварство столетней давности «исправляется» варварством современным. Почему государственные чиновники радуют о возрождении общественных музеев за счет государственных коллекций? Если у общественных организаций, каковыми являются епархии РПЦ, есть потребность в организации своих музеев – причем здесь Минкультуры? Речь не идет об организации доступа верующих к музейным иконам, в том числе считающимися «чудотворными». Примеры разумной организации такого доступа много лет являет Третьяковская галерея. Речь идет о принудительном изъятии из ведения государственных музеев церковных предметов и передаче их в ведение общественных музеев РПЦ. После такой передачи предметы формально продолжают числиться в Государственном музейном фонде, однако никакого контроля за их хранением у государства нет, нормативы таких механизмов не прописаны, более того, даже не ставится вопрос о законодательной проработке проблемы. Таким образом, национальные сокровища на деле оказываются бесхозными. За последние двадцать лет музеи передали епархиям десятки тысяч предметов – когда-либо Минкультуры интересовалось их судьбой? Смею уверить: и не поинтересуется, и задача такая не ставится, дай бог, со своими ведомственными музеями разобраться, с которыми проблем более чем достаточно.

И вновь, как и в годы «большевистского лихолетья», чиновники и музейщики оказываются по разные стороны баррикад: чиновники пытаются по своему разумению, прежде всего, исходя из полити-

ческой конъюнктуры, распорядиться национальным достоянием, а сотрудники музеев всеми правдами и неправдами спасают музейные коллекции от дробления и разорения.

Собрания современных музеев формировались десятилетиями, за свою историю большинство музеев пережило не одну карательную акцию, когда музейные предметы и целые коллекции изымались в Госфонд – либо как непрофильные, либо при реформировании (слиянии, разделении, перепрофилировании, ликвидации) музеев. Особенно страшными были 1920–1950-е гг., последующий период можно считать относительно спокойным. Но в 1990-х музеи страны вновь залихорадило, когда власть с подачи церковных иерархов начала «восстанавливать историческую справедливость» уже хорошо опробованными методами – принудительными экспроприациями. Почему возвращение к тому, что было сто лет назад, полное игнорирование целого исторического периода, пережитого музеями и всей отечественной культурой на протяжении минувшего века, откровенное попрание сложившихся устоев и традиций есть «историческая справедливость»?

Еще немного о понятии «исторической справедливости», уж коль нас слуги государевы призывают жить не по законам, а по «понятиям». Те ценители старины, которые собирали епархиальные коллекции, после 1917 г., когда древлехранилища были ликвидированы, а их собрания переданы в государственные музеи, в Рязани, например, работали в губернском историческом музее, где продолжали хранить и изучать церковные коллекции. Сегодняшние музейщики продолжают дело своих предшественников.

Почему, по мнению Минкультуры, правопреемниками древлехранилищ являются не государственные музеи (разве до 1917 г. церковь не была государственной структурой?), а епархии РПЦ – общественные организации, возникшие в 1940-е гг.? Соответственно, в Рязани – не федеральный музей со штатом профессионалов, а архиепископ Павел, появившийся в Рязани пять лет назад, и его окружение, относительно молодые люди 1967–1980-х гг. рождения, как правило, не имеющие высшего, не говоря уже специального, образования, – почему они имеют больше прав хранить и представлять те же иконы, являющиеся национальным культурным достоянием, чем люди, которые профессионально занимались этим в течение многих десятилетий? Желаете открыть епархиальный музей – работайте, со-

бирайте, формируйте коллекции, спасайте то, что еще можно найти и спасти, а не ждите, как это сегодня происходит в Рязани, когда вам подарят готовые собрания, изъяв их из государственных музеев.

Одно незаконное порождает другое. Сначала епархии в безвозмездное пользование передали Успенский собор Рязанского кремля, после этого встал вопрос об иконостасе. Свыше полутора сотен икон собора числятся в государственном музейном фонде и согласно статьи 15 закона «О музейном фонде» ФЗ–54 о неделимости коллекций не могут быть изъяты у музея. Работа реставраторов последних лет, в ходе которой на иконах была частично раскрыта первоначальная живопись конца XVII в., дает основания говорить о ее уникальном характере, сравнимом со средневековой голландской живописью. Но каким образом музей сможет обеспечивать сохранность уникальных памятников, если собор отныне находится в полном распоряжении епархии? Очевидно, следом за собором у музея-заповедника будут изъяты из хранения и уникальные иконы. Думаю, в такой ситуации никто не имеет морального права принуждать хранителей оставлять иконы за собой. В отсутствие проработанного механизма контроля за сохранностью и, мягко говоря, небрежном отношении к режиму хранения, которое постоянно демонстрируют церковнослужители, что это, как не разбазаривание государственного музейного фонда!

Огромным, непростительным упущением Минкультуры является многолетнее отсутствие закона о музеях-заповедниках. Именно это обстоятельство делает возможным тот чиновный произвол, что мы наблюдаем сегодня. В отсутствие закона ныне существующие музеи-заповедники разоряются, изымаются памятники, сокращаются экспозиционные площади. Недавно Министерство разработало Государственную стратегию формирования музеев-заповедников РФ, где много пафосных, но совершенно справедливых фраз о значимости музеев-заповедников (например, о том, что они являются основой «культурного каркаса» России и т.п.), высказаны сожаления о том, что таких музеев *пока* мало, строятся грандиозные планы по созданию новых. Но пока это все не более чем декларация, а на деле – уничтожаются существующие музеи-заповедники.

Кивая наверх, ссылаясь на позицию благоволящего РПЦ Президента, Минкультуры тем самым пытается снять с себя ответственность за разорение подведомственных ему музеев. Опять лукавство! Уверена, займи министерские чиновники принципиальную позицию,

отстаивай они честно и профессионально интересы учреждений культуры – не было бы такого беспредела в отношении музеев со стороны РПЦ. Яркое тому доказательство – действия того же рязанского архиепископа, который, польстившись на ряд других помещений в городе, получил отказ от соответствующих ведомств и сосредоточил свою рейдерскую деятельность целиком на музее. Что это, как не результаты попустительства со стороны Министерства культуры своей позицией «чего изволите-с?» по отношению к РПЦ подвигающей церковных бюрократов на все новые и новые «подвиги»?

В одном из открытых писем в Минкультуры сотрудники Рязанского кремля сравнили министерство со Святейшим Синодом – настолько рьяно оно защищает интересы церкви. Различия в отношении Минкультуры к РПЦ и к государственным музеям наглядно просматриваются на примере Рязани. Музею регулярно урезают запрашиваемое финансирование на реставрацию Кремля. Но после передачи пяти памятников епархии, последняя получает через Службу единого заказчика при Минкультуры сумму, значительно превышающую ту, что получает музей на остальные пятнадцать памятников. Заместитель министра входит в Попечительский совет епархии – орган, как известно, призванный решать финансовые проблемы. Нужны ли еще какие-то пояснения? На фоне финансовой поддержки епархии отношение к музею выглядит особенно жестким: ни о какой защите интересов музея речи нет, есть лишь постоянные устные указания на «нецелесообразность» тех или иных действий музея и негодование по поводу публичных критических высказываний в адрес Минкультуры.

Чиновников министерства не интересует, как епархия собирается использовать особо ценный объект культуры народов РФ – ансамбль Рязанского кремля, большая часть которого – гражданские постройки. Для них это несущественно, а вот для культурной и научной общественности Рязани, в сознании которой прочно укоренилось представление о Кремле как об историческом, культурно-образовательном и научно-исследовательском центре, этот вопрос имеет немаловажное значение. То, что архиерей планирует приспособить переданный ему главный экспозиционный корпус музея – Дворец Олега, памятник архитектуры XVII в. площадью 4 тыс. кв. м, – под свою резиденцию, для заместителя министра было новостью, на которую он отреагировал скептически: такого не может быть хотя бы потому, что в здании нет ни канализации, ни водопровода.

Более чем уверена, что архиерея это вряд ли смутит: через очень непродолжительное время он изыщет возможность пользоваться в резиденции всеми благами цивилизации, при этом Росохранкультура, с недавнего времени возглавляемая А.В. Кибовским, никаких нарушений в нововведениях не усмотрит. Утверждаю это, исходя из сделанных г-ном Кибовским заявлений на встрече с сотрудниками Рязанского кремля. Отвечая на вопрос, как реагирует Росохранкультура на нарушения епархии при проведении реставрационных работ и эксплуатации памятников, в том числе памятников Кремля, о чем сообщали ведомству и музей, и общественность, Кибовский заявил, прямо глядя в глаза музейщикам, что у него нет никаких претензий к епархии, но есть немало претензий к музею. Ну и что из того, что реставраторы Рязанского кремля были удостоены дипломов международного фестиваля за качество и уровень реставрации? У главы Росохранкультуры есть свое мнение на этот счет, прямо противоположное мнению профессионалов.

А.В. Кибовский вообще не видит повода для обсуждения передачи памятников, будь они культового или гражданского назначения: государство как собственник имеет полное право распоряжаться своим имуществом. Кому захотело, тому и передало – заявил чиновник. Однако на практике в роли «государства» выступает вполне конкретный орган – Росимущество и, соответственно, вполне конкретные лица со своими, опять же, интересами. Поверим ли мы, что про законы забыли в очередной раз случайно?

Отсутствие закона о музеях-заповедниках приводит к совершенно произвольным, а то и просто иезуитским трактовкам, что такое есть прежде всего сам музей-заповедник. Например, глава Росохранкультуры рассуждает так: в список особо ценных объектов культуры народов РФ включено **учреждение** Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, однако это совсем не предполагает включение в список **имущественного комплекса** этого учреждения. То есть ни музейные коллекции, ни архитектурные памятники не имеют статуса «особо ценных». На резонный вопрос, что же в таком случае подразумевается под особо ценным учреждением – коллектив музея или что-то иное, Александр Владимирович лишь развел руками. На мой взгляд, подобные интерпретации Росохранкультуры Положения об особо ценных объектах культуры – это глумление не только над законами, но и над здравым смыслом вообще.

В неравном противоборстве с властью предрержащими и церковной бюрократией музеи выбивают поодиночке. Молчит, по большому счету, музейное сообщество: не заявляет четкой позиции по вопросу конфликта «музей – церковь». Союз музейев, отмалчивается Международный совет музейев (ИКОМ).

Полную солидарность с незаконными действиями исполнительной власти продемонстрировали рязанские суды и прокуратура: ни одна из инстанций, куда бы ни обращались представители общественности в защиту Рязанского кремля, не усмотрела никаких нарушений в действиях властей. Все ссылаются на пресловутое Постановление Совета Министров № 490 – подзаконный акт, который всего лишь определяет **порядок передачи** церкви имущества религиозного назначения и ни в коем случае **не предписывает передавать его в обязательном порядке**. Недавно судебные иски общественности, пройдя все необходимые ступени отечественной судебной иерархии, были направлены в Европейский суд.

Ситуация в Рязани сделала значительную часть местной интеллигенции едва ли не диссидентами, заставив намного более критично воспринимать действия властей, несравненно более активно проявлять свою гражданскую позицию, апеллировать в инстанции самого разного уровня, включая Президента РФ. Переписка музея, Общественного комитета в защиту Кремля и отдельных представителей общественности с органами федеральной власти уже стала фактом истории, найдя отражение в документально-публицистических сборниках музея «Судьба Рязанского кремля: музей-заповедник или административный центр епархии?» (Рязань, 2006. – Вып. 3; Рязань, 2008. – Вып. 4).

Возможно, со временем ситуация уравнивается, ведь альтернатива процессу законной регуляции подобных явлений одна – социальный конфликт. Проблема будет решена – но какой ценой? Каких потерь это будет стоить отечественной культуре? Сколько еще музейев падет в неравном противостоянии с воцерковленной властью? И кому впоследствии предъявлять претензии по поводу всех нынешних перегибов, наносящих убийственные удары по национальному достоянию страны?

Лелина Е.И., Мещенина А.А., Соколов Р.А.

**Научный потенциал кафедры исторического регионоведения
Санкт-Петербургского государственного университета
в стратегическом планировании развития
отечественных музеев-заповедников**

В июне 2002 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета под руководством доктора исторических наук, профессора Ю.В. Кривошеева была создана новая кафедра исторического регионоведения¹. В 2008 г. кафедра отметила свою шестилетнюю годовщину.

Весомым событием не только в жизни кафедры, но всего научно-исторического сообщества стало проведение Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов, который проходил в Санкт-Петербургском государственном университете с 11 по 13 октября 2007 г. Съезд собрал делегатов из различных регионов Российской Федерации. Его работа проходила в режиме восьми секций, среди которых были заявлены секции, посвященные вопросам развития современных региональных музеев и экскурсионного дела².

Разработка нового «регионального» направления в системе профессиональной подготовки историков на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета всецело отвечает духу нашего времени. Сегодняшняя Россия – страна регионов и каждый из них нуждается в комплексном, всестороннем изучении. Исходя из потребностей организации современной отечественной науки, динамики политических и экономических процессов, происходящих в российских регионах, назрела острая необходимость в обновлении кадровой политики. Постепенное внедрение региональ-

---

¹ Кривошеев Ю.В. Кафедра исторического регионоведения в Санкт-Петербургском государственном университете: начало и перспективы // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития / Отв. ред. С.О. Шмидт. – М., 2004. – С.204.

² Первый Всероссийский съезд историков-регионоведов. 11–13 октября 2007 года. Программа. – СПб., 2007. – С.38–41.

ной составляющей в вузовскую систему обучения можно назвать первым шагом, предпринятым в этом направлении³.

Санкт-Петербургский университет является основателем регионоведческого изучения России в рамках отечественной исторической науки в целом⁴. Именно здесь в первые десятилетия XX в. знаменитый университетский профессор И.М. Гревс разрабатывал теоретические основы регионально-краеведческого движения, проводил занятия со студентами на основе образовательных экскурсий⁵. В 1930-е гг. в Петрограде и Москве успешно работали экскурсионные институты научно-исследовательской направленности⁶. С именем Н.П. Анциферова, ученика И.М. Гревса и тоже петербургского универсанта, связано последующее развитие отечественного регионоведения. Н.П. Анциферова можно назвать основоположником историко-культурного краеведения⁷.

³ Например, в Москве в 1996–1997 гг. на базе Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета были созданы кафедра региональной истории и краеведения во главе с к. и. н. В.Ф. Козловым и общеуниверситетский научно-учебный центр исторического краеведения и москвоведения – под руководством академика РАО С.О. Шмидта (Шмидт С. О. История, современное состояние и перспективы развития краеведения // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития / Отв. ред. С.О. Шмидт. – М., 2004. – С.18). В Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского кафедра регионоведения, руководимая д.и.н., профессором А.А. Корниловым, создана в 2001 г. Правда, на этой кафедре, в отличие от родственных кафедр в Москве и Санкт-Петербурге больший акцент при подготовке специалистов-регионоведов приходится на направление «внешнего», зарубежного регионоведения (Корнилов А.А. Проблемы и перспективы развития регионоведения в Нижегородском государственном университете // Регионоведение: теория и практика. – Нижний Новгород, 2007. – С.3, 4.

⁴ Кривошеев Ю.В. Историки Петербурга в русском краеведении (Г.К. Лукомский, И.М. Гревс, Н.П. Анциферов) // Университетские Петербургские чтения. К 300-летию Санкт-Петербурга. – СПб., 2004. – С.618–625.

⁵ Смирнова А.Г. Роль И.М. Гревса в разработке экскурсионной методики // Петербургские исследования. – СПб., 2006. – С.148–163.

⁶ Кривошеев Ю.В. Историки Петербурга в русском краеведении (Г.К. Лукомский, И.М. Гревс, Н.П. Анциферов). – С.620.

⁷ Кривошеев Ю.В. «Весь Петербург мне казался лишь оправой драгоценного камня – этот камень был Университет». Н.П. Анциферов // Знаменитые универсаны: очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. – СПб., 2003. – С.365–382.

Расцвет краеведения в 1920-е гг. и его закат в 1930-х гг. были сопряжены с общими политическими и идеологическими тенденциями в стране. Они привели к тому, что столь важное направление в исторической науке на многие годы было исключено из изучения и преподавания.

Открытие кафедры исторического регионоведения в Санкт-Петербургском государственном университете стало не только знаковым событием современности, но и фактом восстановления исторической справедливости, научных традиций. Кафедра является выпускающей и уже с первого курса предполагает специализацию учащихся по двум направлениям: историческое регионоведение и историко-культурный туризм.

Практически с первого года обучения студенты кафедры знакомятся с такими понятиями, как музейное образовательное пространство, музейный предмет, вещественный источник. В этом отношении важнейшую роль в учебном процессе играют исторические музеи Санкт-Петербурга и, прежде всего, Музей истории Санкт-Петербургского университета⁸. Ознакомление с экспозиционным фондом музея является обязательным для каждого студента-первокурсника в рамках учебного курса «Введение в специальность». На этих занятиях внимание студентов концентрируется на музейных предметах, размещенных в экспозиции, вырабатываются первые навыки их оценки и анализа как вещественных исторических источников. Студенты определяют аттрактивность, репрезентативность, ассоциативность и информативность музейного предмета. В большей степени студента-историка должна заинтересовать последняя из предложенных оценочных категорий – информативность. В этой связи кафедра согласна с определением, что научная ценность музейного предмета определяется его способностью служить источником информации по той или иной профильной научной дисциплине, и связана со свойством ин-

---

⁸ Тихонов И.Л. Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб., 2005; Музей истории Санкт-Петербургского университета: прошлое и настоящее // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию со дня рождения первого ректора университета Г.Ф. Миллера и 60-летию Музея истории СПбГУ. С.-Петербург, 17–19 окт. 2005 г. – СПб., 2005. – С.98–111.

формативности⁹. Историческая ценность определяется связями предмета с историческими событиями и процессами, отпечатками среды бытования¹⁰. Это позволяет рассматривать его как исторический источник и подвергать соответствующему анализу.

Концепция такого подхода в его различных учебно-методических модификациях принципиально присутствует в условиях большинства практических занятий студентов.

Практическому изучению ряда дисциплин и их практической реализации в учебных программах кафедры уделяется пристальное внимание. К таким дисциплинам можно отнести, например: введение в изучение историко-культурного туризма, история отечественного и мирового туризма, география отечественного и мирового туризма, основы деловых отношений, методика составления экскурсионно-туристических маршрутов, экскурсионный практикум и основы экскурсионного дела, основы деятельности туристических агентств, информационные технологии и реклама в туризме, психолого-педагогические основы туристической деятельности, экономика туризма, правовые основы туристической деятельности, менеджмент туризма.

Студенты кафедры имеют возможность апробировать полученные знания и навыки во время учебных практик. После первого курса они выезжают на археологическую практику, где соприкасаются с потенциальным музейным предметом в виде извлеченного из земли артефакта.

Летом 2008 г. студенты кафедры проходили археологическую практику в городе Торжке, в составе экспедиции А.М. Салимова¹¹. Практика осуществлялась при поддержке Федерального государственного учреждения культуры «Всероссийский историко-этнографический музей», расположенного в Торжке. Во время раскопок был обнаружен фундамент городского Спасо-Преображенского собора XIV в., что дало возможность уточнить сохранившуюся иконографию храма.

---

⁹ Основы музееведения / Отв. ред. Э.А. Шулепов. – М., 2005. – С.47.

¹⁰ Там же.

¹¹ Салимов Алексей Маратович, к.и.н., заведующий кафедрой истории и теории искусства Тверского филиала государственной Академии славянской культуры, руководитель ряда археологических экспедиций в 1900-х, 2000-х гг.

Одновременно историко-этнографический музей Торжка предоставил кафедре научно-технические возможности для организации и проведения студенческой этнографической практики.

Летняя этнографическая полевая практика по учебному плану кафедры должна проводиться на втором курсе. Руководители практики предварительно оговаривают возможность ее проведения в регионах, располагающих крупными музейными краеведческими комплексами, или музеями-заповедниками. С администрацией музеев заключаются взаимовыгодные договоры. Исходя из этого, программа практики выстраивается в концепции двух основных составляющих: учебной задачи, определяемой кафедрой и задачи научно-практической, определяемой музеем.

В 2007/2008 учебном году кафедра исторического регионоведения проводила этнографическую практику на базе трех музеев: Всероссийского историко-этнографического музея в Торжке, Государственного учреждения «Национальный парк Угра» в Калужской области и Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина в Пушкинских Горах.

Студенты курса были разделены на три группы в составе 3–4-х человек. Двухнедельная продолжительность практики давала возможность успешно решать поставленные задачи, тем более, что накануне отъезда, еще в университете студенты проходили специальную подготовку, где их обучали составлять опросные листы, пользоваться диктофоном, опрашивать население и пр.

В договоре, составленном между кафедрой и музеями, между прочими оговаривались следующие позиции:

- собранные студентами материалы предоставляются в научные отделы музея;
- наиболее успешные студенты могут привлекаться музеем к сотрудничеству не только во время проведения практики, но и в дальнейшем;
- музей имеет возможность привлекать к научному сотрудничеству и к совместным научно-методическим проектам преподавателей и аспирантов кафедры.

Этнографическая практика по заданию Историко-этнографического музея города Торжка предусматривала работу студентов с жителями окрестных деревень, расположенных в радиусе до 20 км от

города. Полученные материалы подвергались предварительной обработке и поступали в музей для комплектования его научной базы.

Практика, проходящая на территории Национального парка Угра, носила краеведческо-этнографический характер, ее главная цель заключалась в выявлении главных направлений природопользования на территории парковых лесничеств. Студенты работали в шести лесничествах: Беляевском, Березническом, Галкинском, Оптинском, Угорском, Юхновском. Помимо вопросов традиционного природопользования они выявляли туристическую инфраструктуру лесничеств, собирали фольклор, находили предметы и материалы для музея «Гжатский тракт».

Во время пребывания в Пушкинских Горах студенческая группа получила возможность литературно-этнографической практики. Опрашивая местных жителей, студенты задавали им вопросы, связанные с творчеством великого русского поэта, выявляли отношение людей к литературному музею-заповеднику.

Полевые летние практики имеют для кафедры важнейшее значение. Во-первых, студенты кафедры имеют возможность побывать в других регионах страны, познакомиться с жизнью в российской глубинке. Во-вторых, они приобщаются к серьезному региональному исследованию и видят, насколько необходима их работа для научного развития местных музеев. Помимо этого, в выходные дни руководители стремятся организовать для них как можно больше интересных экскурсий, лекций, встреч. К примеру, летом 2008 г. студенты первого и второго курсов отметили день Ивана Купалы вместе с народным этнографическим коллективом города Торжка. Праздник проходил на одном из островов реки Тверцы, сопровождался песнями, плясками и играми, в которых ребята с удовольствием принимали участие.

Для каждого студента полевая практика завершается составлением отчета. Это серьезный документ, написанный по правилам, разработанным совместными усилиями кафедры и принимающего практикантов музейного комплекса. Тексты отчетов сопровождаются чертежами, рисунками, фотографиями, сводными таблицами, диктофонными записями и пр. Правильно оформленный, переплетенный и снабженный электронной копией отчет вначале сентября нового учебного года передается студентом на кафедру. Согласно договорным отношениям между кафедрой и музеями, отчеты поступают в их научно-исследовательские отделы. Таким образом, казалось бы, обыч-

ная студенческая практика приобретает важное научно-практическое значение. Именно поэтому и отдельные музеи, и крупные музейные объединения охотно идут на творческое взаимодействие с кафедрой.

С 2004 г. кафедра исторического регионоведения ежегодно заключает творческий договор с Государственным музеем истории Санкт-Петербурга, а с 2005 г. – с Центральным военно-морским музеем. Студенты третьего курса проходят на базе этих музейных комплексов обязательную летнюю экскурсионную практику. Организация практики на площадках крупных музеев Санкт-Петербурга обусловлена тем, что в летнее время через такие музеи проходит большой поток посетителей, и они действительно нуждаются в активно работающих практикантах. Чтобы экскурсионная практика оказалась действенной, каждый студент готовит определенную экскурсию в течение учебного года, под консультационным наблюдением преподавателя кафедры и методиста, назначенного просветительским отделом принимающего практикантов музея¹². Методика подготовки экскурсии включает в себя следующие этапы:

- работа со специальной литературой по теме экскурсии;
- подробное ознакомление с методической разработкой экскурсии и с экскурсионным маршрутом;
- изучение и анализ музейных предметов, входящих в экскурсионный показ;
- посещение специальных методических экскурсионных семинаров;
- написание текста экскурсии;
- фрагментарное апробирование экскурсии на группе, состоящей из однокурсников;
- проведение нескольких пробных экскурсий;
- проведение контрольной экскурсии «на допуск».

В 2005 г. в помощь готовящимся к экскурсионной практике студентам на кафедре было выпущено учебно-методическое пособие «Основы экскурсионного дела»¹³.

---

¹² Отвечающий за музейную и экскурсионную практику студентов преподаватель кафедры в течение учебного года ведет для студентов 3 курса учебные дисциплины: «Экскурсионный практикум» и «Основы экскурсионного дела».

¹³ Лелина Е.И. Основы экскурсионного дела. – СПб., 2005.

В настоящее время две группы студентов готовят к экскурсионной практике соответственно одну из обзорных экскурсий по Петропавловской крепости и Центральному военно-морскому музею.

Экскурсионная практика помогает студенту приобретать навыки работы с музейной аудиторией, ориентироваться в информационно-образовательном пространстве музея. А в целом – погружение в рабочую среду музея помогает кафедре в воспитании патриотических основ в характере и мировоззрении будущего историка-регионоведа, формировании в нем глубинных понятий исторической культуры и исторической памяти.

Профессорско-преподавательский состав кафедры рассматривает современный музей с позиций аккумуляции исторической памяти. Музейный комплекс регионального уровня в этом ключе представляется своеобразным научно-исследовательским центром региона¹⁴. В Санкт-Петербурге таким многофункциональным музейным комплексом является Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Разветвленная сеть так называемых «малых» музеев, отражающих историю отдельной улицы, дома, квартиры, промышленного предприятия, школы, вуза и т.д. органично вписывается в концепцию учебного плана кафедры по изучению истории Санкт-Петербурга и Ленинградской области¹⁵.

Студенческая практика не предполагает материального вознаграждения, однако она дает сторонам присмотреться друг к другу и

---

¹⁴ Мартынов А.И. Краеведческий музей как научный центр региона // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.И. Скрипкина. – М., 2001. – С.109–117; Кишкин И.В. Провинциальный музей как социальный институт на рубеже веков // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. – С.106–108; Мастеница Е.Н. Регионология и проблемы содержания экспозиций провинциальных музеев // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. – М., 2002. – С.52–58; Алексеева С.В. Краеведческие музеи российской провинции: наблюдения и размышления // Проблемы исторического регионоведения / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. – СПб., 2005. – С.344–364.

¹⁵ Учрежденный в 2007 г. журнал «Музеи Петербурга» с позиций высокого профессионализма знакомит читателей с действующими «малыми» музеями города и одновременно является справочно-информационным источником. (Музеи Петербурга: № 01. Декабрь 2007; № 01 /2/. Январь 2008).

уже были случаи, когда бывших практикантов привлекали к серьезной работе в музеях в свободное от занятий время на договорной основе.

Год от года укрепляется авторитет кафедры в музейной среде не только Санкт-Петербурга, но и российских регионов. Уже были случаи, когда к кафедре обращались руководители региональных музеев-заповедников и музейных комплексов с предложениями о проведении на их базе летней полевой практики. Студентами кафедры интересуются кадровые службы музеев, подбирающих штат молодых способных сотрудников. Они заинтересованно рассматривают не только кандидатуры недавних первых выпускников кафедры, но и учащихся вечернего отделения.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев заповедников»

Участники Круглого стола отмечают:

- важность музеев-заповедников Российской Федерации как элемента сохранения и популяризации историко-культурного наследия;
- необходимость расширения числа музеев-заповедников и увеличения территорий существующих музеев-заповедников для обеспечения эффективного сохранения объектов историко-культурного наследия;
- важность законодательной инициативы в области правовой и экономической деятельности музеев-заповедников с установлением их юридического статуса и определения характера их деятельности;
- позитивное значение включения в «Государственную стратегию формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации» создание в Республике Татарстан музея-заповедника «Болгарские города».

Участники Круглого стола обращаются с предложениями:

К Музею-заповеднику «Казанский Кремль»:

- рассмотреть возможность регулярного проведения Кремлевских чтений и издания материалов Первых Кремлевских чтений с включением материалов Круглого стола;
- рассмотреть возможность включения в план мероприятий проведение проектного семинара «Стратегия развития музеев-заповедников России»;
- выступить инициатором создания «Союз Кремлей России».

К Министерству культуры Республики Татарстан:

- поддержать проведение проектного семинара с привлечением к участию музеев-заповедников Татарстана и России.

Участники Круглого стола считают необходимым:

- обратить внимание государственных органов на внесение в действующее законодательство положений, закрепляющих статус и права музеев-заповедников;
- привлекать в процесс развития музеев-заповедников современные технологии интерпретации и экспонирования;
- создать «Союз Кремлей России» для координации усилий, направленных на популяризацию и сохранение историко-культурного наследия.

МАТЕРИАЛЫ

Круглого стола «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал»

(Казань, 21 ноября 2008 г.)

Председатель: *Валеев Рафаэль Миргасимович* (Казанский государственный университет культуры и искусств, проректор по науке, проф., д.и.н.; Поволжское бюро кафедры ЮНЕСКО, руководитель);

Заместитель председателя: *Хайрутдинов Рамиль Равилович* (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», директор, к.и.н.);

Секретарь: *Миннуллин Ильнур Рафаэлевич* (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», зам. директора по научно-исследовательской работе, к.и.н.).

Участники:

Андреева Людмила Николаевна (муниципальное образование «Город Казань», заместитель Главы – заместитель Председателя Городской Думы);

Аксенова Ирина (архитектурно-реставрационная мастерская «ХРАМ», руководитель);

Вахитова Гузель Диллюсовна (Поволжское отделение Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия);

Веденин Юрий Александрович (Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, г. Москва, директор, проф., д.геогр.н.);

Забирова Фарида Мухамедовна (Отдел архитектуры и согласования проектной документации Министерства строительства, архитектуры и ЖКХ РТ, ведущий консультант);

Мусин Дмитрий Ахметович (Управление Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия по Поволжскому федеральному округу, руководитель);

Мамлеева Светлана Ахметовна (ГУП «Татинвестгражданпроект», зам. ген. директора по реставрации);

Нестеренко Игорь Михайлович (Главное управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РТ, начальник);

Орджоникидзе Григорий Эдуардович (Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Министерства иностранных дел РФ, ответственный секретарь);

Сафина Зульфия Нурмухаметовна (Институт непрерывного образования Академии управления «ТИСБИ», г. Казань, директор, профессор, д.п.н.);

Ситдиков Айрат Габитович (Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль», зам. директора по музейным проектам, к.и.н.);

Руководители отделений и кафедр ЮНЕСКО;

Специалисты Главного управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры при Министерстве культуры РТ;

Директора музеев-заповедников Татарстана;

Директора реставрационных управлений.

Из стенограммы заседания

Валеев Р.М.

Уважаемые коллеги!

Наш круглый стол является, по сути, продолжением конференции в ТИСБИ и круглого стола в музее-заповеднике «Казанский Кремль». Тема, которую сегодня нам предстоит обсудить – «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал».

Эта тема, в общем-то, уникальная. Охрана культурного наследия – широкая проблема, но в тоже время ее пытаются свести в более узкие рамки. Это касается охраны национального культурного наследия, особенно если его не увязывать с проблемами исторического своеобразия городов и вообще многих проблем, которые с ним связаны.

Поскольку здесь собрались представители из регионов и ассоциированные школы ЮНЕСКО, я буквально в нескольких словах остановлюсь на культурном наследии Татарстана, и затем мы поговорим о проблемах. Причем я хочу остановиться не на всех проблемах, а на болевых точках, которые являются на сегодняшний день самыми актуальными.

Я более двадцати лет работал в Управлении охраны культурного наследия, более десяти лет – первым заместителем министра культуры. Среди всей массы проблем, с которыми приходилось сталкиваться, проблема охраны культурного наследия занимала достаточно большое место.

Что из себя представляет наш регион? Многие представляют регион Среднего Поволжья. Если учитывать его исторические корни и брать начало Волжской Булгарии, даже Самарская и Ульяновская область входили в эту территорию, и эти памятники имеются не только на территории нашей республики, но и в Приуралье. Территория Волжской Булгарии занимала около 600–700 км, а после взятия в 1236 г. города Булгара, Биляра, а затем и русских городов, эта часть была включена в состав Золотой Орды, в качестве одного из улусов, то есть в качестве одной из областей. После того как произошел распад Золотой Орды, в 1438 г. образовалось Казанское ханство.

Та работа, которая проводилась в республике, позволила решить вопросы выявления, обследования и паспортизации памятников. Мы – один из немногих регионов, где, по сути, завершилась работа по созданию Свода памятников истории и культуры Республики Татарстан. Результаты этой работы, проводимой совместно с отделом Свода памятников Института языка, литературы и искусства, а затем Института истории, позволили выйти на количество в 7750 памятников. Из них 5 тысяч – памятники археологии, остальные – памятники архитектуры, градостроительства и искусства. На государственной охране состоит около 1,5 тысячи памятников. Так что вы понимаете тот огромный масштаб работы, который необходимо еще провести, для того чтобы поставить эти памятники на охрану, но это не всегда проходит активно. Я могу сказать, что процесс определения этого количества памятников позволил нам представить то наследие, с которым мы имеем дело. Ну и, естественно, как для любого региона – это не только наша ценность и наше достояние, но и те проблемы, которые с ними связаны. По сути, процесс этого выявления, паспортизации и

постановки на государственный учет – это проблема, которая требует своего перспективного развития, в том числе и у нас в республике.

Эта работа позволила решить многие проблемы. В частности, одним из важных результатов считается создание сети музеев-заповедников. На сегодняшний день у нас в республике шесть музеев-заповедников, в том числе и Казанский Кремль со всеми его музеями, памятниками. Вы знаете, что Казанский Кремль в 2000 году был включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Это позволило представить наш регион и Казань на международном уровне. В списке ожидания еще находятся Булгары и Свияжск.

Билярский заповедник – это тоже одна из фишек, которая делает узнаваемой нашу республику. Можно называть и Иске-Казанский музей-заповедник, Елабужский музей-заповедник. В ближайшее время планируется создать федеральный музей-заповедник «Свияжск».

Мы сегодня говорим о наследии и о человеческом капитале. Насколько можно связать эти два понятия? Когда мы говорим памятники, мы все их представляем. Но насколько они взаимосвязаны с людьми? Следует сказать, что, по сути, без людей эти объекты культурного наследия не существовали бы. Во-первых, их бы не было, во-вторых, они бы не сохранились, и в-третьих, не без помощи людей эти памятники же сносятся и не остаются будущим поколениям.

Из всех проблем я бы назвал наиболее важную – это проблема кадров. Это, в первую очередь, проблема специалистов, профессионалов, занимающихся проблемой сохранения культурного наследия. У нас на республику их на сегодняшний день всего 18 человек на 7 тысяч памятников.

Другая проблема – это кадры архитекторов-реставраторов. Архитекторов-реставраторов, которые знают, что надо делать с древним памятником, почти нет. Стоит проблема подготовки таких кадров. В 1980-е гг. мы говорили о необходимости подготовки кадров. Сейчас таких специалистов готовит Казанский государственный архитектурно-строительный университет, Казанский государственный университет, Казанский государственный университет культуры и искусства, в том числе и музееведов. Но пока они будут готовы, пройдет еще достаточно времени.

Вторая болевая точка, которая на сегодняшний день имеется, это проблема сохранения исторических центров. Особенно остро она стоит в городе Казани. По Программе ликвидации ветхого жилья из

исторического центра города было выселено большое количество людей. А здания оказались ничьими.

Третья болевая точка – это политизация вопроса сохранения культурного наследия. Развернувшееся в конце 1980-х гг. движение за сохранение памятников истории и культуры втягивало проблемы памятниковедения в орбиту острых идеологических разногласий в отношении к понятиям «память», «история», «культура». Эти понятия могли стать как символами патриотических, так и экстремистских настроений. Поэтому, чтобы памятниковедение могло получить научный характер и стать выражением самосознания передовых социальных сил, выступавших в качестве носителей нового сознания, необходимо различать научный статус памятниковедения. Но проблема политизации и на сегодняшний день достаточно остра.

Следующая проблема, на которой я хотел бы здесь остановиться – это развитие системы охраны культурного наследия. Система культурного наследия переживает стагнацию.

Ну и последняя проблема, которая требует определенной и постоянной работы, – это включение Булгара и Свяжска в список культурного наследия.

Орджоникидзе Г.Э.

Позвольте поприветствовать вас и выразить признательность за то, что пригласили меня участвовать в вашем круглом столе! Тема, конечно, очень актуальная. Для России она, наверное, более актуальная, чем для других стран в плане сохранения этого ремесла и профессии архитекторов, реставраторов. Действительно, это очень серьезная проблема и вопрос стоит остро. Мы сегодня имеем профессионалов реставраторов. Но если эта плеяда уйдет, то заменить их на данный момент некому.

Здесь со стороны ЮНЕСКО можно использовать какие-то механизмы в дополнение к тому, что говорилось. Может расширять ассоциированные школы и кафедры ЮНЕСКО, которые в вашем регионе тоже имеются. Может уже с детства популяризировать и прививать у детей любовь к профессии реставраторов. Конечно, сейчас дети другие, и строить отношения только на энтузиазме не получится. Ребята уже оценивают ситуацию и с экономической точки зрения. Сегодня не 1990-е гг., когда мы лишились всех наших специалистов: кто-то уехал, кто-то перестал работать.

Наверное, можно здесь использовать и ассоциированные школы и кафедры ЮНЕСКО, образовательные программы.

Я хотел рассказать о нашем российском участии в Конвенции охраны Всемирного наследия. Вы знаете, что в 2009 г. будет четыре года как мы вышли из состава Комитета Всемирного наследия. Существуют такие условия ротации, когда страны, после определенного срока, уходят и предоставляют возможность другим странам побывать в этом комитете. При этом в самой Конвенции обозначен срок в шесть лет.

Конвенция вступила в силу в 1972 г., и сегодня все большее количество стран присоединяется к этому международному соглашению. Большинство стран хотят участвовать в рамках этого комитета. Было принято джентльменское соглашение, что страны могут только четыре года являться членами этого комитета. В 2009 г. мы вновь выставляем свою кандидатуру, кандидатуру РФ для избрания в состав комитета. Это для нас очень серьезный вопрос, поскольку мы сможем оказывать влияние на решение вопросов этого комитета и проводить свои проекты и предложения. Этому вопросу уделяется очень серьезное внимание, будет задействовано Министерство иностранных дел, которое обратится к другим странам с просьбой о поддержке кандидатуры Российской Федерации на выборах в этот комитет, которые состоятся в 2009 г., в октябре, во время работы Ассамблеи охраны Всемирного наследия, которая является высшим органом этой Конвенции.

Все страны стремятся представить свои уникальные памятники культуры и природы в Списке Всемирного наследия с тем, чтобы их популяризировать. С одной стороны, популяризировать их, а с другой – сохранить, используя все инструменты этой Конвенции, развить инфраструктуру туризма. Это и экономический вопрос, так как возникают новые рабочие места.

В общем, это такой флагманский проект ЮНЕСКО, которому все страны придают очень большое значение. Что касается процедуры включения: сначала страна включает его в свой национальный список, он регистрируется в ЮНЕСКО, затем уже готовится серьезная документация для его представления на Комитете Всемирного наследия, где происходит окончательное внесение в список.

На сегодняшний день у нас есть правительственное поручение о составлении Перечня объектов федерального значения, культурного и природного, для того чтобы объекты из этого Перечня потом

продвигать в окончательный список ЮНЕСКО. Это очень серьезная работа, потому что требует согласования со многими федеральными ведомствами. Сначала инициатива исходит из регионов, где специалисты знают выявленные объекты, потом они их представляют либо в Министерство культуры, либо в Министерство природных ресурсов и экологии, дальше эти объекты проходят государственную экспертизу с привлечением различных институтов и организаций. Вот сейчас у нас эта проблема затянулась в связи с тем, что в Министерстве культуры произошли некоторые изменения.

На сегодняшний день такой Перечень существует априори, и там уже находятся порядка двадцати объектов. Но это вопрос времени. Иногда принимаются такие решения Комитета, что они подменяют даже положения самой Конвенции. Но они тоже юридически обязательны и составляют практическое руководство по применению Конвенции.

Каждая страна имеет право в год вносить только по одному культурному и природному объекту в Список Всемирного наследия. Мы, конечно, пытались ревизовать эти решения, поскольку для нас это несколько абсурдно. Но, тем не менее, такое решение принято. В этой связи, если исходить из того, что в предварительном перечне объектов двадцать объектов: десять природных и десять культурных, то мы имеем список уже на десять лет вперед. Каждый год все новые и новые объекты представляются регионами, которые хотят участвовать в этой флагманской программе ЮНЕСКО и популяризировать свое национальное достояние.

Андреева Л.Н.

До сих пор еще пытаются смешивать законодательные основы в вопросах охраны памятников и у нас, в городе Казани, тоже в том числе. Хотя это есть и в других российских городах.

Сегодня уже много говорилось о том, что в городе Казани за все эти годы произошли действительно существенные изменения в вопросах охраны памятников, реставрации, реконструкции и т.д. Необходимо разделить этот период на две части. В первый период, до 2005 г., городская власть отвечала за все памятники, и федерального, и республиканского значения. В период подготовки к 1000-летию Казани действовала Федеральная целевая программа по сохранению исторического центра города Казани, в рамках которой мы работали, и на эти цели выделялись средства из федерального бюджета.

Конечно, за эти годы мы слышали в свой адрес нарекания, критику, особенно со стороны населения. Нас ругали за то, что не сохраняется старая Казань. Иногда это использовалось и из политических соображений нашими оппонентами.

Если подойти объективно к этим процессам, то, наверное, можно отметить и позитивные моменты. На территории Казани реализовывалась Программа по ликвидации ветхого жилого фонда, а весь жилой ветхий фонд как раз был центром города, историческом ядром, которое мы должны были сохранить. Сидящие здесь в зале практически не помнят ту старую Казань, что она из себя представляла. Это старые изношенные здания, зачастую не только памятники культуры. Они уже находились в таком состоянии, что никакой реставрации не могло быть. Там просто невозможно было что-то сохранить.

Конечно же, были и памятники, которые могли бы быть сохранены, восстановлены, и могли остаться историко-культурным достоянием нашего города. Наверное, есть в этом и наша ошибка: в том, что мы вовремя не выбрали правильные методы в этой работе. Но о каких правильных методах можно говорить, когда законодательство нам не позволяло привлекать инвесторов. Это мы сейчас можем идти по данному пути, но в то время данного законодательства еще не было и часто приходилось сносить памятники и вместо них строить какие-то новые здания. Хотя мы все-таки установили свои правила застройки, мы старались придерживаться этих правил и требований.

В то время очень сильно досталось именно тем людям, которых мы сейчас называем «охранники с ружьем». Потому что в то время это были люди, которые трясли перед властями бумагами, законами, кричали, что нельзя эти памятники разрушать, надо их сохранить, пусть одна стена останется, пусть фасад, но надо сохранить. Они делали свое дело, они боролись за это. И если бы они себя так не вели, у нас, наверное, и Старо-Татарской слободы не было бы. Тем не менее, они действовали в интересах нашего города в области охраны памятников культуры и истории.

После 2005 г. конечно же ситуация изменилась. Был принят Закон «О местном самоуправлении». И, конечно же, не только полномочия были разделены, но и финансовые средства, которые можно было направлять на охрану памятников. Наше законодательство не позволяет направлять средства из бюджета города на сохранение па-

мятников федерального и республиканского значения, и мы стали отвечать только за памятники местного значения. Если на территории города 582 объекта историко-культурного наследия, то из них 503 – это памятники федерального и республиканского значения, и только 79 – это объекты местного значения. Это памятники, которые находятся под нашей ответственностью.

В то же время город Казань – столица, и мы не можем находиться в стороне от того, что происходит вообще на территории Казани. И мэрия города, и Главное архитектурное управление, и отдел охраны памятников, все, кто связан с вопросами градостроительства – они рассматривают вопросы сохранности и реставрации памятников и федерального и республиканского значения. Все это делается совместно с республиканскими властями.

Сейчас работа мэрии направлена на то, чтобы привлекать зарубежных специалистов. Кроме этого проводятся конкурсы на лучшие проекты сохранения памятников и среди наших архитекторов. Я думаю, что эта работа успешна, и она в любом случае даст результат.

Я уже говорила о том, что раньше законодательство не позволяло нам привлекать инвесторов. Сейчас мы как раз идем по этому пути. Мы стараемся привлекать как можно больше инвесторов для того, чтобы объекты культурного и исторического наследия имели собственника. В некоторых случаях мы даем право управлять этим имуществом, но с определенными условиями. Если у нас инвестор покупает здание, которое является памятником культурного и исторического наследия, то Городской Думой для это определены четкие правила. Что мы сделали? Мы разделили город на три зоны, не весь город, а исторический центр, в которых существуют четкие ограничения. Например, в первой зоне находится музей-заповедник «Казанский Кремль». Это территория объекта Всемирного культурного наследия и, естественно, там очень строгие ограничения. Во второй зоне расположены памятники федерального, республиканского и местного значения. Там тоже есть свои ограничения. Ну и третья зона – это так называемая буферная зона или зона регулирования застройки.

Перед тем как инвестор начинает работу над памятником, мы оговариваем условия сохранения этого здания. Прежде всего, мы обязываем сохранить фасад здания, тем самым пытаюсь сохранить старый облик города. Например, на улице Тукая, когда мы отдавали инвесторам здания, фасадная часть сохранялась.

Недавно был принят Генеральный план города Казани, в котором также определены четкие правила того, что у нас будет в плане развития города до 2050 года. Мы выделили историческое ядро города Казани и прописали в генплане все мероприятия, которые необходимо здесь провести.

Конечно же, первая наша задача – это вынос из исторического центра города всех предприятий. Здесь есть и кондитерская фабрика, и меховая фабрика и другие промышленные здания, которые не вписываются в исторический центр.

Одним из таких мероприятий по сохранению памятников истории является работа над концепцией сохранения Старо-Татарской слободы. Эта работа проходила в несколько этапов. К сожалению, ее не удалось реализовать в жизнь до 2005 г. Сейчас эта работа продолжается: мэрия нашего города привлекла на разработку этой концепции лучших архитекторов мира, самых опытных градостроителей, среди которых и профессор архитектуры из Испании Хосе Сибила Марин, который уже представлял свои разработки. На примере Старо-Татарской слободы мы хотим показать, как собственники объектов культуры могут и восстанавливать здание и в то же время использовать его. В общем мы хотим показать всю палитру возможностей использования памятников, которые переданы в более эффективное пользование инвестору.

Следующее направление, которое мы проводим в рамках генплана, это выявление новых объектов. Мы выявили около трех тысяч новых зданий, это, прежде всего, памятники истории. Для того, чтобы их сохранить, при Главном архитектурном управлении города создана специальная комиссия, которая работает над каждым из зданий и каждому инвестору выдает рекомендации по сохранению этого памятника. Уже по двум тысячам зданий рядовой исторической застройки рекомендации даны.

И последнее, что я хотела сказать. Действительно, нам надо дальше продолжать эту работу, чтобы была информация по всем памятникам, в каком они состоянии, и что еще не выявлено. По инициативе Казанской Городской Думы совместно с Министерством культуры сейчас в городе проводится инвентаризация всех объектов. Когда эта работа будет закончена, мы сможем наметить мероприятия практически по каждому памятнику, которые позволят сохранить облик города во всем его многообразии.

Веденин Ю.А.

Предыдущий круглый стол в Казанском Кремле был посвящен проблеме музеев-заповедников. Сегодня мои коллеги уже говорили об этом, и мне кажется, что между двумя этими темами есть самая непосредственная связь. Музеи-заповедники занимают особое место в охране объектов Всемирного наследия. Практически все объекты Всемирного наследия, находящиеся на территории Российской Федерации, они все находятся в рамках действия музеев-заповедников. Это и Казанский Кремль, и Московский Кремль, Новгород, Кижы, Коломенское, Дербент, Ярославль, Санкт-Петербург. То есть роль музеев-заповедников в этом отношении колоссальна.

С одной стороны, их кажется много: если объединить музеи-усадебные и музеи-заповедники, их около ста сорока. Но на такую громадную страну их очень мало. Более того, музеи-заповедники сконцентрированы всего в нескольких областях. В некоторых регионах их шесть, например, в Татарстане, и он выступает в качестве лидера. В Ленинградской, Московской областях их число приближается к шести. А большинство регионов не имеет ни одного музея-заповедника. Это, в общем-то, весьма прискорбно, потому что здесь надо понять особую роль музеев-заповедников в сохранении ими как культурного, так и природного наследия.

ЮНЕСКО в последние годы обращает внимание именно на взаимосвязь культурного и природного наследия. Вы знаете, что есть объекты смешанные, т.е. объекты культурного и природного наследия. Есть еще культурный ландшафт – это синтез взаимодействия человека и природы.

В этой связи мне бы еще хотелось сказать об особой роли музеев-заповедников, причем, как городских, так и сельских. Это, в общем-то, единственное учреждение, которое сохраняет не отдельные памятники, а сохраняет в целом историко-культурную и природную среду.

Мы сейчас много говорим о процессах приватизации отдельных памятников. Но не один приватизированный объект не может делать того, что делает музей-заповедник – сохранять большие территории. Если назвать, например, Соловки, Бородино, Михайловское, Куликово поле – они сохраняют огромные территории национально-го ландшафта, он здесь полнее реализуется, приобретает реальные действия.

Поэтому мне кажется, что проблема взаимодействия музеев-заповедников и объектов Всемирного наследия – эта тема чрезвычайно важная и острая. Сейчас готовится постановление об организации Свяжского музея-заповедника и о включении его в список Всемирного наследия – это тоже очень важно. Одна из самых актуальных задач – это задача управления этими территориями. Потому что не должно быть бесхозных территорий, они просто не включаются в список Всемирного наследия или, по крайней мере, там много сложностей и трудностей.

В связи с этим кратко расскажу о проблемах. Одна из самых важных проблем – это проблема законодательства. К сожалению, музеи-заповедники остаются у нас нелегитимными учреждениями. Ни в одном федеральном законе нет вообще упоминания о музее-заповеднике. Есть закон о музейных фондах и музеях, но там нет ни слова о музее-заповеднике. Есть закон об объектах культурного наследия и там есть такая категория как культурный заповедник. Но пока опыта организации такого историко-культурного заповедника, который занимает какое-то странное положение между достопримечательным местом и музеем-заповедником, еще не было. И как с этим быть еще никто не знает. То есть на бумаге это есть, а в реальности этого нет.

Одна из проблем, с которой мы сталкиваемся, это проблема земли, земельной недвижимости. Идут процессы приватизации, идут процессы отторжения, вторжения на территорию. Мы говорим о сохранении пейзажей, ландшафтов, а сейчас идет застройка на охраняемых территориях. Мы охраняем ландшафт, а в самих эти поселениях, где когда-то были традиционные строения, вырастают 3–4-х этажные новые дома. Это мы видим на примере не объектов Всемирного наследия, а объектов национального наследия – это Пушкинские места, Михайловское, когда напротив дома поэта возникает новое здание, владельцу которого, видимо, захотелось построить дом с видом на усадьбу Михайловское.

Проблема взаимоотношения с властью тоже чрезвычайно важна, причем с властью на всех уровнях – с властью федеральной, с властью республиканской или областной, и с властью местной. Здесь я особенно бы выделил власть местную. Все они размещаются на земле, все они связаны с людьми, которые тут живут, и проблема здесь достаточно серьезная. Сейчас мы столкнулись с тем, что у му-

ниципалитетов остается один товар, которыми они могут торговать, – недвижимость и земля. И идет, в общем-то, продажа вот такого рода территорий, иногда уникальных, иногда даже территорий археологического наследия. Противостоять этому очень трудно, особенно когда за этим стоят большие деньги. То есть борьба на самом деле весьма и весьма непростая.

Ну и последнее. Об этом теперь редко говорят, но мне кажется это чрезвычайно важным. Эта проблема местного населения. Мы говорим о человеческом капитале, о том, что Всемирное наследие должно работать на людей. Вот одна из главных проблем – это проблема местных людей, людей, которые живут рядом, непосредственно в этих местах. Как они задействованы в этом, насколько они воспринимают это Всемирное наследие как свою ценность? Если они воспринимают это как чужую ценность, они не заинтересованы, равнодушны. А когда начинают воспринимать ценность как очень близкую и важную для них, это тоже очень важно.

Сошлюсь на опыт работы с моими зарубежными коллегами, в частности с норвежскими коллегами, которые работали на Кенозере в Архангельской области. Они занимались тем, что помогали нам восстанавливать деревянные часовни. Они пришли в самые тяжелые 1990-е гг., когда у нас не было ничего. Мы как бы обменивались опытом: мы им рассказывали о традиционной технологии обработки дерева, которую сохранили наши мастера, а они нам предоставили технику, например, лифтинговую систему, и деньги. Мы увидели, что для них самое важное. Это – не столько восстановление часовни, сколько организация самого процесса. Для них также важно: сколько пришло людей, какие пришли люди, как они будут воспринимать это, чтобы это наследие вошло в жизнь местного населения? Тогда они считают, что задача выполнена.

У нас очень часто об этом, к сожалению, забывают. Самое главное – отреставрировать здание, а как оно дальше будет жить, это остается вне поля зрения. Так что и проблемы, которые обсуждались на предыдущем круглом столе и которые обсуждаются сейчас – очень тесно связаны. Одно без другого решить нельзя. Так что мы будем работать вместе.

Содержание

Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России» (Казань, 20 ноября 2008 г.)	3
Абдуллин Х.М. Казанский Кремль как центр военно-образовательных учреждений города в XVIII – начале XX вв.	3
Акульшин П.В. Правительственное реформаторство и русская провинция первой половины XIX в.	12
Берестова Е.М. Взаимодействие светской и духовной власти в сфере этноконфессиональной политики в конце XIX – начале XX вв.: (по материалам фондов канцелярии вятского губернатора и духовных правлений)	21
Берснев В.В. Конституирование должности гражданского губернатора в царствование императора Николая I	26
Бикташева А.Н. Влияние локальных политических практик на выработку модели губернского управления (первая половина XIX в.)	35
Борисова А.В. Административно-хозяйственные реформы Павла I и их реализация в Ярославской губернии	41
Габдрафикова Л.Р. Губернское по городским делам присутствие как один из субъектов городского самоуправления пореформенного периода (на примере Уфимской губернии)	45
Гасимова А.А. Механизм расширения власти губернаторов накануне отмены крепостного права	52
Долгов Е.Б. «Заступник угнетенных и возбудитель дел безгласных»: о судебных функциях российских губернаторов в XVIII – первой половине XIX вв.	62
Ефимова В.В. Влияние специфики Олонецкой губернии на эффективность деятельности нижних земских судов в 1-й четверти XIX в.	67
Кострикина О.А. «Имение поступило в опеку по смерти мологского мещанина Алексея Кондратьева Дьяконова и по малолетству детей, оставшихся после его...» (к истории городских органов опеки в дореформенный период)	77
Кусова И.Г. Влияние административных реформ 1770–1780-х гг. на территории кремлей российской провинции	86
Любичанковский С.В. Оценка уральским региональным руководством состояния института губернаторства на рубеже XIX–XX вв.	97
Марасанова В.М. Институт губернаторства в Российской империи в отечественной историографии	106

Нугманова Г.Г. Казанский кремль в XIX веке и политика официальной народности	117
Ремнев А.В. Административный «треугольник» империи для Сибири и Дальнего Востока	131
Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И. Свечина и гипотезы их местоположений	147
Суботина А.М. Формирование регионального пространства этничности в ходе административно-территориальных реформ XVIII–XX вв. в России (по материалам Удмуртии)	161
Фролова С.А. Губернатор и частное образование в провинции (конец XVIII – первая половина XIX вв.)	165
Сведения об авторах	175
Материалы Круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев-заповедников» (Казань, 21 ноября 2008 г.)	177
Из стенограммы заседания	178
Статьи участников круглого стола	
Кусова И.Г. Рейдерство РПЦ как угроза существованию музеев-заповедников	201
Лелина Е.И., Мещенина А.А., Соколов Р.А. Научный потенциал кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета в стратегическом планировании развития отечественных музеев-заповедников	211
Резолюция Круглого стола «Стратегическое планирование развития музеев заповедников»	219
Материалы Круглого стола «Всемирное и национальное культурное наследие и человеческий капитал» (Казань, 21 ноября 2008 г.)	221
Из стенограммы заседания	222

Первые Кремлевские чтения

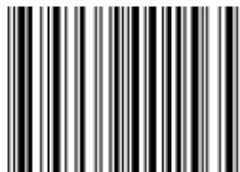
Научное издание

Оригинал-макет – Л.М.Зигангареева

Усл. печ. л. 14,75 Тираж 500 экз.

Подписано в печать 15.03.2010 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

ISBN 978-5-9690-0108-4

9 785969 001084 >